

Вадим Николаевич Бурлак

Хождение к морям студёным

«Бурлак В. Н. Хождение к морям студеным »: АиФ Принт; Москва; 2004
ISBN 5-94736-053-5

Аннотация

Гиперборея, Арктида, Земля Санникова... Существовали они реально или рождены фантазией? Что искали на Севере и почему погибали полярные исследователи? Могут ли в наше время существовать в тундре и в студёных озерах доисторические животные? Колдуны Севера, шаманы, загадочный народ "чудь-белоглазая" — где правда о них, а где вымысел? На эти вопросы попытался ответить писатель и путешественник, руководитель исследовательской программы "Тайны времен и народов" Вадим Бурлак в своей новой книге.

Вадим Бурлак

Хождение к морям студёным

Прозрачная ладья

На добрую волну

Если в том море корабль плывет на Полярную звезду, то попадает в местность, где летом вообще нет ночи, зимой же, напротив, солнце не показывается над головой, а обходит край неба слева направо; дальше расположена местность, где весь год состоит из одного дня и одной ночи.

Ибн Фадлан, арабский путешественник и ученый X века

— Кто он? — переспросил Мишка вместо ответа и, окинув взглядом палубу, уставился на капитана.

Трофимыч кивнул мне и неохотно произнес:

— Северный странник... Я понял: большего разъяснения ни от капитана, ни от Мишки не добыюсь.

Но всегда немногословный Трофимыч вдруг снова заговорил:

— Мало кто знал, зачем он отшельничал и бродяжил, в каких глухоманях Севера пропадал. Жил странник по непонятным для других и лишь ему ведомым законам. Что искал? К чему стремился? По какому таинственному знаменю прерывал свое одиночество и снова трогался в путь к людям? Только он мог бы ответить...

Трофимыч развел руками и покосился на лодку, в которой лежал завернутый в парусину покойник.

Старенький ялик, недавно выкрашенный в белый цвет, без весел и уключин, печально и таинственно возвышался над рыбным трюмом дрейфтера.

Я промолчал и тоже взглянул на погребальную лодку с телом северного странника. Хоть мне и приходилось уже слышать о загадочных скитальцах, об их непонятных для посторонних обрядах и обычаях, но о многом еще хотелось расспросить команду этого рыболовецкого суденышка. Почему именно они взялись исполнить последнюю волю странника?

Но я понял: не время приставать к ним с вопросами. Из кубрика поднялся на палубу моторист Серега. Принес он пять кружек и зеленую флягу со спиртом. Все это поставил на люк трюма рядом с лодкой и наконец произнес:

— По глотку на попутье...

Трофимыч плеснул в кружки спирт и тихо пожелал:

— На попутье, на добрую волну и чтобы исполнилось последнее пожелание странника...

— Пусть его «прозрачная ладья» без помех дойдет до Северного полюса, — подхватил Серега.

Как положено в таких случаях, выпили не чокаясь. Пятая кружка со спиртом осталась нетронутой.

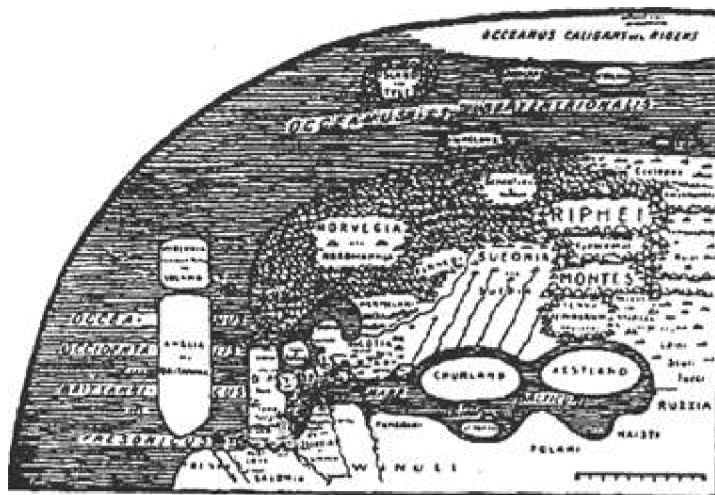
Вслед за острокрылой чайкой

Мишка вдруг запрокинул вверх голову.

— Ишь ты, как разволновался поморник!

Прямо над мачтой дрейфтера с печальным и тревожным криком носилась большая острокрылая чайка.

— Поморник туман разгоняет, — пояснил Серега. — Добрый знак.

Карта северных полярных стран Адама Бременского (1070 г.)

Я тоже глянул вверх. Но никакого «доброго знака» и крике чайки не уловил.

Тем временем птица описала круг над нашими головами и устремилась прочь, в открытое море, туда, где еще не разошелся туман.

— За собой зовет... Путь показывает, — задумчиво добавил моторист.

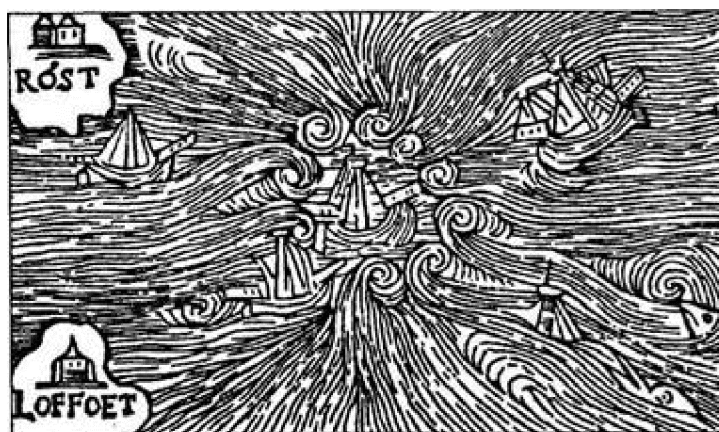
— Вот и нам пора, — поспешно произнес Трофимыч и пожал мне руку. — Ну, до скорого... И поменьше толкуй на берегу об этом, — капитан кивнул в сторону погребальной лодки.

— Может, еще свидимся, — заодно подмигнул Мишка.

— Все может быть...

Я сошел по трапу на берег и остановился. Из капитанской рубки слышался голос Трофимыча.

— Эй, Мишка, ты че, уснул?! Шевелись!.. Пылым zaczynaе ярить!..

Средневековые представления о течениях в Северной Атлантике

Через несколько минут дрейфтер, покачиваясь, неуклюже отошел от бревенчатого причала. Потом он неспешно развернулся и направился вслед за скрывшимся в тумане поморником. Вскоре утонули в сизой пелене огни суденышка, но звук двигателя все еще продолжал доноситься.

А я долго еще стоял на причале...

Сколько странных событий сегодня! Рыбаки, совершающие тайком от властей непонятный и противозаконный обряд... Безымянный странник Севера и его последняя воля... Появление поморника, хотя в таком тумане эта птица не летает...

Удастся ли моим знакомым выполнить том океане пожелания скитальца?

Да, Север всегда задает много вопросов. И ответ на них можно отыскать лишь в долгих странствиях по морям и землям студеным...

В последний раз я взглянул на уходящий дрейфтер и мысленно произнес: «Доброй волны тебе...»

«Дивные люди» с острова-горы

Мне понадобилось срочно возвращаться в Москву. С Трофимычем и его командой я больше не встречался, так что не знаю, удалось ли рыбакам исполнить задуманное. Но о загадочном обряде, связанном с «прозрачной ладьей», все же довелось услышать от других рыбаков Баренцева моря и от знатоков тайн Севера. Можно лишь предполагать, в какие времена, у каких пародов появились предания о сказочном острове-горе на самой «макушке земли». Одни рассказчики называли его Меру, другие — Миру. Находился этот остров на северном полюсе и являлся как бы «наконечником гигантского столба, который вырос из центра земли».

Обитали на Меру, или Миру, «дивные люди». Умели они согревать свою землю «горячими водами» и выращивать фруктовые деревья, летать быстрее чаек и метать молнии.

Рыба сама шла в их сети, едва заслышав игру таинственных музыкальных инструментов.

У жителей острова-горы было всего в изобилии, так что отпала необходимость воевать с другими народами и поработать их. Но счастье не любит успокоения.

Праздность, беззаботность, долгое благополучие обернулось бедой для «дивных людей». Когда началась великая катастрофа и остров-гора стал погружаться в океаническую пучину, обширные познания не смогли помочь избежать трагедии. Северная «страна блаженных» погибла. И лишь немногим «дивным людям» после катастрофы удалось спастись на островах Ледовитого океана. Впоследствии их потомки, согласно легендам, расселились в заполярных областях Азии, Европы, Америки.

Может, не случайно отголоски давней катастрофы, погубившей загадочную цивилизацию, звучат в преданиях и мифах эскимосов и чукчей, ненцев и якутов, исландцев и народов Скандинавии?

Мимо айсбергов, по зеленому лучу

И все же, кто они — загадочные «странники Севера»?.. Отшельники, покинувшие многолюдные суетные селения в поисках истины и для укрепления веры? Беглецы, разочарованные в плодах цивилизации? Изгнанники? Романтики, блуждающие в суровых землях, чтобы испытать себя и познать неоткрытые тайны?

Знатоки преданий о погибшем острове-горе не отрицают ни одну из этих версий. Но все же считают «странников Севера» прежде всего потомками «дивных-людей». И не важно, какой они сегодня национальности.

Если верить преданиям, то, согласно древнему обычаю, эти люди должны свой земной путь завершить на Северном полюсе. Там, где несколько тысячелетий назад возвышался над океаном остров-гора. А попасть туда необходимо на «прозрачной ладье». Все, кто рассказывал мне предания о «дивных людях», точного представления о ней не имели. Лишь предполагали, что «прозрачная ладья» — это небольшой айсберг. Согласно древней традиции, друзья, ученики или просто знакомые «северного странника» помещали умершего в лодку без весел и паруса, а затем оставляли на льдине. И тогда от полярного сияния опускался в море зеленый луч. Этот луч вел прямо к Северному полюсу «прозрачную ладью». И ни океанические течения, ни ветры и шторма, ни острова на пути не в состоянии помешать ее дрейфу. Даже встречные айсберги и ледяные поля уступают ей дорогу.

Когда лодка достигала Северного полюса, зеленый луч отрывался от небес и уходил в океаническую пучину.

Имеете с ним исчезала в бездне «прозрачная ладья». И печальный поморник оповещал всю Арктику, что еще один потомок «дивных людей» покинул Землю.

Споры о былых цивилизациях

Много легенд и преданий рождено мечтательными северянами в полярной ночи, под напевы метелей и штормов. Арктида... Земля Санникова... Гиперборея... Туле... Земля Синей звезды... Сколько поколений ученых, исследователей, журналистов и просто любознательных людей волнуют эти названия!

Древняя реальность или красивые мифы? Многовековая мечта о чудесных краях? Отголоски далекого прошлого?..

Спорят ученые и путешественники, историки и журналисты, романтики и скептики. Ищут, исследуют, доказывают... И лишь странники Севера, хранители древних тайн, живущие по своим заповедям, не нуждаются в дискуссиях, ибо верят, знают, оберегают мудрым молчанием то, что известно только им. Когда приоткрывают они свои тайны? Кому? Насколько?.. У них свои законы...

От хранителей идет весть, что примерно 12–13 тысяч лет назад произошла планетарная катастрофа. Многие ученые и исследователи подтверждают это. Огромные участки суши

разрушались и уходили под воду. Были уничтожены два «естественных моста»: один соединял Сибирь с Аляской, другой связывал Европу с Гренландией и Америкой. Исчезла Земля Синей звезды на севере Тихого океана. Распалась на острова огромная Арктида в Северном Ледовитом океане. Погибла Атлантида. Возможно, та же участь постигла и остров-гору.

О древних северных народах, ушедших на какие-то неведомые острова, упоминают многие полярные исследователи. Ученый, путешественник, знаток Севера, адмирал Александр Колчак писал: «В географии нет названия для моря, лежащего к востоку от Ляховских и Новосибирских островов, и это вынуждает дать ему отдельное наименование. Я называю это море Юкагирским в память народа, ушедшего на какие-то предполагаемые земли, расположенные на севере этого моря». Мифические или некогда реальные земли? Долго ли еще будут вестись поиски фактов и доказательств?

Вместе с легендарными континентами и островами рушились цивилизации. Те, кому удавалось спастись и перебраться на новые земли, пытались сохранить остатки погибших культур, передавали из поколения в поколение весть о великой катастрофе, об ушедших цивилизациях, государствах и людях.

Так было?.. Так могло быть?..

Манящие, пленительные, недоступные

У народов Европы, Сибири и Америки многие века живут легенды об огромной северной земле, где обитали боги, духи и герои. В древних документах Ирана тоже сообщается о горной стране далеко на севере, под Полярной звездой. В русской летописи в 1096 году отмечено, что к северу от реки Печоры, за высочайшими горами, за студеным морем живет неизвестный народ.

Острова!.. Сотни людей в разные времена отправлялись в путь, чтобы отыскать в морях и океанах те или иные легендарные или существующие на самом деле земли.

С древних времен острова символизировали и спасительное пристанище среди суровых водных просторов, и одиночество, и оторванность от родной земли, и гибель.

Каждый человек — в той или иной степени — островитянин. Погружаясь в свои мысли, даже среди многотысячной толпы, на какое-то время любой становится одиноким, оторванным от друзей и знакомых, от своего дома, от привычного жизненного уклада.

Такое бегство на «остров одиночества», на «землю мечты» — необходимая психологическая защита от океана информации, стрессовых ситуаций, вредных эмоциональных воздействий. Может, поэтому легенды о волшебных островах есть почти у всех народов мира?

Более четырех тысяч лет в Индии существуют предания о загадочных землях, расположенных далеко на севере, в ледяных морях, где обитают счастливые люди.

В памятнике древнеиндийской литературы «Махабхарате» говорится: «...На севере молочного моря есть большой остров, известный под именем Шветаadvина...»

Там живут благоуханные белые мужи, удаленные от всякого зла... к чести-бесчестью равнодушные, дивные видом; преисполненные жизненной силой; крепкие, будто алмаз, их кости... Богу, распростершему вселенную, они любовно служат...

Высоко над злом возвышается страна вечного счастья. Здесь не холодно и не жарко. Покрытая рощами и лесами земля производит обильные плоды, повсюду стада антилоп и стаи птиц, все благоухает ароматами цветов... Здесь не живет человек жестокий, бесчувственный и беззаконный. Здесь не может быть войн и сражений. Люди этой страны все равны между собой, наслаждаются всеми благами жизни...»

Не только указы и невзгоды

В старину на Руси радовали, веселили, будоражили чувства и умы людей не только

скоморохи, но и профессиональные сказочники. Их называли бахарями. Они тоже нередко подвергались гонениям, как и бродячие артисты. В средневековых церковных запретах и поучениях бахарей величали «бесовскими сказителями и шептунами», «распространителями глумливых, лихих вымыслов», «прельстителем к бродяжнической жизни». Людей предупреждали, что бахари своими «прельстительными греховными рассказами» могут увлечь их в неведомые студеные земли и моря, откуда не будет возврата.

Несмотря на угрозы и порицания, странствующих сказителей принимали и в бедных избах, и в хоромах. Бахари были нередкими гостями у Дмитрия Донского и Ивана Калиты, у Василия Шуйского и Михаила Романова. Особенно любил их послушать Иван IV.

Вряд ли кто может ответить, смягчали своими словами бродячие сказители душу грозного владыки или толкали на жестокие поступки. Но, возможно, сказания бахарей о морях и землях студеных подтолкнули царя Ивана IV к мысли о необходимости создания своего флота, исследования и освоения Крайнего Севера и Сибири.

Известно, что в XVIII и даже в начале XIX веков, появляясь в дворянских имениях и крестьянских избах, в домах купцов и ремесленников, бахари рассказывали о красотах и тайнах северных земель и морей, об «острове-горе», о «дивных людях», о «прозрачной ладье».

Не только царские указы, экономический расчет, невзгоды, но и стремление познать, увидеть необычное заставляли многих людей отправляться в опасный путь — к морям и землям студеным. «И пока жива Русь — вечно будут эти «хождения», — говорилось в сказаниях бахарей. А очарованные Севером странники и первопроходцы назывались в них потомками «дивных людей».

Ты куда, Аристей?

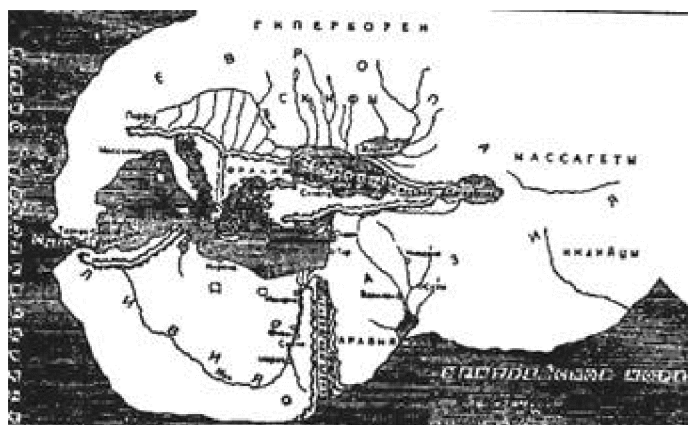
Статуэтка с берегов Нила

В середине тридцатых годов XX века на правом берегу уральской реки Чусовой были найдены остатки древнего строения. Произошло это неподалеку от деревни Конец-гор Пермской области. Археологи определили, что жилище принадлежало одному из племен ананьинской культуры. В IX–III веках до новой эры люди этой культуры рассеялись по берегам реки Камы, в Предуралье, возможно, и в других местах. Занимались они скотоводством, охотой, рыбной ловлей, собиранием даров леса. Им была известна металлургия меди и железа.

Вначале археологи посчитали, что конецгорское поселение относится к IV столетию до новой эры. Но потом предположили: возраст развалин, очевидно, на два-четыре века старше.

Деревянное жилище ананьинской культуры достигало 40 метров в длину и 8 — в ширину. Внутри него и вокруг археологи обнаружили бронзовые, железные и каменные изделия: гарпуны, иглы, зернотерки, наконечники стрел, ножи, остроги, топоры. Кроме того, в конецгорском селище оказалось множество обломков глиняной посуды и человеческих изваяний.

Вроде бы ничего необычного для первобытно-общинного жилища. Но среди привычных предметов ананьинской культуры археологи нашли бронзовую статуэтку древнеегипетского бога Амона!..

Вид Земли по Геродоту

Африка и Предуралье!.. Нил и Чусовая!.. Между ними тысячи километров.

Точный возраст статуэтки ученые не смогли определить. Лишь предположили, что ей больше двадцати пяти веков.

Сокрытый и потаенный

Казалось, об этом боге уже известно многое. Тысячи лет египтяне восхваляли его. На папирусах, каменных плитах и глиняных табличках сохранилось немало записей, связанных с Амоном. Найдены сотни его изваяний. О нем и сегодня пишут египтологи, журналисты, любители древних тайн и оккультизма. И все же...

В справочной литературе Амона называют «сокрытый и потаенный». Отмечают, что происхождение этого бога неясно.

Известный французский египтолог Кристиан Жак отмечал: «Амон-Ра — таинственный бог, не имеющий ни формы, ни имени...»

Он выдвинулся на первый план среди других кумиров Древнего Египта более четырех тысяч лет назад и стал особо почитаем в период Нового царства (XVI–XI в.в. до новой эры). Амон был отождествлен с богом Ра и носил титул царя богов.

В гимне, созданном во времена правления Тутмоса III, говорится, что Амон обещал фараону подарить «... всю землю от края до края... которая простирается до столбов, поддерживающих небо».

Этому богу не только в Египте, но и в некоторых других странах Древнего мира принадлежала ведущая роль в тайных обрядах, магических действиях и коронационных мистериях. От него зависели победы в войнах и удача в путешествиях. Славился Амон и как пророк. За советом к нему приходили и египтяне, и представители иных народов Средиземноморья и Азии.

Невыполненное обещание

В 332 году до новой эры, когда Александр Македонский, торжествуя, вошел в Египет, жрецы объявили его фараоном. По их совету великий полководец отправился в оазис Сива к оракулу бога Амона. Александр спросил у предсказателя:

— Сумею ли я покорить всю Азию?

— Она покорится тебе, если ты дашь обещание вначале посетить место, где небо поддерживает северный столб, чтобы постичь мудрость давно исчезнувшего народа.

Иначе тебе не совладать с Азией, — ответил оракул и добавил: — В той далекой земле души древних людей превратились в небесное сияние, которое отражается в холодном море и в ледяных полях.

Удивился великий завоеватель такому условию, но обещание дал. И тогда устами жрецов Амон объявил его своим сыном, а значит, неподвластным никаким земным

владыкам. Хотя знаменитый полководец и покоритель многих народов и так никому не подчинялся.

С тех пор Александр Македонский повелел называть себя сыном бога Амона. Но обещание, данное оракулу в оазисе Сива, не выполнил. То ли не захотел, то ли не сумел побывать в загадочной северной земле.

И кумиров обижают

Однако были у этого божества не только почитатели. В конце XV века до новой эры фараон Эхнатон для укрепления централизованного государства попытался установить в стране единобожие. А раз так — надо искоренять старые традиции, обряды, кумиров. Он приказал уничтожить изваяния Амона и сбить с каменных плит его имя.

Существует предание, что «сокрытый и потаенный» бог не на шутку обиделся на подобные революционные преобразования властелина Египта и отправился на север. Туда, где «столб, подпирающий небо, выходит из глубин земли» и «тянется к Полярной звезде».

Обиды богов дорого обходятся и простым людям, и царям земным. Преобразования фараона Эхнатона потерпели крах. В стране начались волнения, голод, эпидемии. И стали молить Амона сторонники древней веры возвратиться на берега Нила. И он внял мольбе. И вернулся в Египет с Севера еще более могущественным, после пребывания под Полярной звездой.

В каирском музее хранится кварцевая плита, названная «стеллой реставрации». В тексте, выбитом на ней, говорится, что вдохновленный Амоном новый фараон Тутанхамон «возвратил свое государство на путь истины».

Итак, незаслуженно обиженный реформаторами «великий царь богов» и северный отшельник снова стал всевластителем. И не только на берегах Нила. Его культ широко распространился среди народов Африки, Ближнего Востока и южной Европы.

Но был ли известен и почитаем Амон племенами ананьинской культуры с реки Чусовой? Вопрос пока без ответа.

Правда, существует на Руси предание о некоем египетском боге (иногда его называют царем), который приходил на Крайний Север, на свою прародину, чтобы «укрепиться под полярным сиянием». Кто знает, может, этот загадочный то ли бог, то ли земной владыка искал среди льдов и тундры остатки святыни, таинственные реликвии погибшей, родной ему цивилизации?

Ещё один блистательный странник

И внял Аполлон сребролукий:
Быстро с Олимпа вершин устремился, пышущий гневом,
Лук за плечами неся и колчан, отовсюду закрытый;
Громко крылатые стрелы, биясь за плечами, звучали
В шествии гневного бога: он шествовал, ночи подобный.
Сев наконец пред судами, пернатую быструю мечет;
Звон поразительный издал серебряный лук стреловержца.
В самом начале на месков напал он и псов празднобродных.
После постиг и народ, смертоносными прыща стрелами;
Частые трупов костры непрестанно пылали по стану.
Девять дней на воинство божие стрелы летали...

Так описывал Гомер в «Иллиаде» гнев Аполлона. В знаменитом повествовании могущественного бога призвал жрец Хриз, чтобы покарать ахейских воинов за нанесенную обиду.

Один из самых почитаемых в Древней Греции богов, сын Зевса и Лето, Аполлон являлся олицетворением светлого начала природы. Отсюда его второе имя — Феб, что означает «сияющий». Он сумел победить чудовище — владыку мрачного подземного мира Пифона. В Дельфийском ущелье, где, согласно мифу, произошло между ними сражение, был возведен храм. Это святилище на многие века стало своеобразным центром предсказаний, мистерий и поклонения «сияющему» богу.

Помимо того что Аполлон считался покровителем прорицателей, магов, целителей и всех искусств, он мог приносить смерть, насылать болезни и эпидемии. Стрелы его метко разили и убивали.

Бог Солнца и толкователь воли Зевса примерно в VIII–VII веках до новой эры оказался еще и покровителем греческих государств, колоний, переселения народов и путешествий. Ведь Аполлон и сам был непоседой и любил странствовать. Так же, как и Амона, его почему-то особенно притягивал Север и свет Полярной звезды.

Сходны характер и сфера влияния этих двух богов. Может, поэтому во многих домах древних греков вместе с изваянием Аполлона хранилась и статуэтка Амона?

Раз в 19 лет

За горами, на ту сторону Аквилона, счастливый народ обитает, который называется гиперборейцами, достигает весьма преклонных лет и прославлен чудесами... Солнце там светит в течение полугода — от весеннего равноденствия до осеннего...» — писал о таинственной Гиперборее римский историк Плиний Старший.

Попасть в эту страну, как считали древние, простым смертным было почти невозможно.

В одном из вариантов древнегреческого мифа говорится, что Персей смог побывать там и где-то неподалеку от земли Гипербореев совершил подвиг, убив Медузу горгону.

«В противоположность своим сестрам, она была смертна, но ни один человек не мог приблизиться к ней, так как всякий, кто смотрел на нее, превращался в камень.

Персей знал это, и потому, не глядя на нее, он подошел в ту минуту, когда она спала, и отразил ее изображение на своем блестящем щите так, что мог безбоязненно смотреть на нее, не рискуя превратиться в камень. Затем, схватив свой серп, он с помощью Афины отрубил голову спящему чудовищу» — так говорится в древнегреческом мифе о подвиге Персея.

На земле Гиербореев родилась дочь титанов Лето. Она после долгих путешествий прибыла на остров Делос и родила там близнецов — Аполлона и Артемиду.

Русский историк Борис Александрович Рыбаков писал: «Первое, на что следует обратить внимание при ознакомлении с мифами, это прочная связь всего цикла Лето-Артемидо-Аполлоновских мифов с Севером, с гиперборейцами».

Согласно мифам и преданиям, странствия Аполлона охватывали огромную территорию: от Британских островов до Алтая и Индии, от верховья Нила до самых северных земель.

Легенды не сообщают, в какие времена совершались и насколько продолжительны были странствия «сияющего» бога. Упоминается лишь, что в Гиперборею он наведывался один раз в девятнадцать лет.

На зов Полярной Звезды

Деяния древних богов зачастую окутаны тайнами. Сколько времени проводил в легендарной земле Аполлон и чем там занимался? О том имеются лишь отрывочные сведения. Сообщалось в предании, будто он посещал какой-то сферический храм, советовался с гиперборейцами, совершал мистерии. Один из таинственных его обрядов был связан с Полярной звездой.

В определенное время, находясь в сферическом храме, Аполлон улавливал зов звезды и

тут же отрешался от всего земного. И небесная прорицательница толковала ему будущее и даже подсказывала новые мелодии и стихи. Делалось это с помощью северного сияния. Его цвета, высоту, формы, интенсивность, продолжительность, яркость, сочетание красок Аполлон каким-то образом переводил в рифмованные строки, музыку, в пророческие символы.

После общения с Полярной звездой он покидал сферический храм и разносил полученные знания и свои новые творения по всей земле. Казалось бы, олимпийские боги не должны были поощрять подобные занятия Аполлона. Ведь мистерии в Гиперборее выходили за рамки традиций олимпийских небожителей. Но «сияющему» непоседе, очевидно, все прощалось. И сам Зевс-Громовержец снисходительно смотрел на вольности и странствия своего сына.

Ответные визиты

Не только Аполлон хаживал в гости к северному загадочному народу, но и они — к нему. Если верить легендам, двое гиперборейцев — Абарис и Абарид — некоторое время жили на священном для древних греков острове Делос. Этот небольшой клочок суши в Эгейском море издавна был центром поклонения Аполлону. А когда-то Делос считался блуждающим островом. Неизвестно, каким образом он, словно корабль без парусов, медленно скользил по водным просторам. И древние мореходы, желавшие пристать к острову, часто не могли отыскать его.

Блуждание Делоса прекратилось, лишь когда богиня Лето родила на нем Аполлона и Артемиду.

Абарис и Абарид посещали также и другой центр поклонения «сияющему» богу — храм в Дельфах, у подножия горы Парнас. Там гиперборейцы встречались с оракулами и совершали свои мистерии.

Паломники с Севера явились в Средиземноморье не с пустыми руками. И делосскому и дельфийскому храмам принесли они дары, завернутые в пшеничную солому.

Среди этих даров упоминаются священные стрелы, изваяния гиперборейских богов и зеркала из неизвестного эллинам серебристого металла. Небольшие зеркала ничего не отражали. Но если установить их напротив друг друга, то на одном появлялось изображение лабиринта. Оракул блуждал взглядом по запутанным коридорам к центру, а затем — к выходу и, в зависимости от успешного продвижения или попадания в тупики, строил пророчества и предсказания.

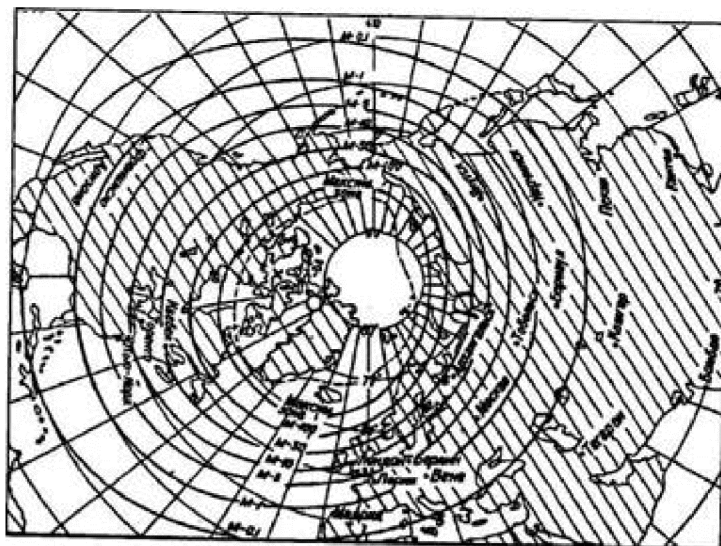
Из чего были изготовлены гиперборейские зеркала и стрелы, понять трудно. Ведь ни один из этих даров еще не найден.

Являлись ли Абарис и Абарид реальными лицами или мифическими персонажами? Однозначно ответить пока невозможно. Если верить преданиям, кроме них на Средиземноморье приходили поклоняться Аполлону и другие гиперборейцы. Но имена паломников затерялись в веках.

Ось испытания

Расстояние между островом Делос и городом Дельфы на юго-западе Фокиды — всего лишь около 300 километров. Но преодолеть его в античные времена было нелегко. Половина пути — по суше, половина — морем. Паломников — почитателей Аполлона — поджидало множество испытаний: разбойники, пираты, частые войны, известные и неизвестные болезни, стихийные бедствия и даже различные чудовища. Поэтому путь между святынями «сияющего» бога называли «ось испытания». Преодолевшему ее улыбался Аполлон, и оракулы, как правило, предсказывали счастливое будущее.

Остров Делос, который сегодня называется Мегали-Дилос, в античные времена был знаменит не только храмом «сияющего» бога, но и торговлей рабами, хлебом и рыбой.

Карта повторяемости полярных сияний

В 167 году до новой эры его захватили римляне. Пришельцы не посягали на эллинскую святыню. А вот восставшие рабы не раз грабили храм Аполлона, уничтожали его изваяния и изображения других богов.

Восстания жестоко подавлялись, и снова Делос притягивал к себе паломников из многих стран Древнего мира. В 69 году новой эры остров захватили пираты. Ходили слухи, что среди их предводителей были непримиримые враги «сияющего» бога, члены тайной секты «черная стрела». Может, поэтому и город Делос, и храм Аполлона подвергся тогда яростному разрушению и разграблению. Непонятно, чем так досадил «черной стреле» покровитель искусств?

Впрочем, оракулам святилища удалось спасти некоторые реликвии. Их тайком доставили в Дельфы. Но и тот некогда богатейший религиозный центр Древней Греции пережил упадок. Еще в IV веке до новой эры драгоценные дары храма Аполлона разграбили фокейцы. А спустя почти три столетия первый неограниченный диктатор Рима Луций Корнелий Сулла захватил вновь собранные сокровища Дельф.

Совершил он это якобы в отместку за недобрые пророчества оракулов. А еще ходили слухи, что диктатор хотел отыскать волшебные зеркала гипербореев. С их помощью Сулла надеялся научиться не только предсказывать будущее, но и влиять на него.

Творец с острова Тасос

Вряд ли удалось римскому диктатору завладеть таинственными зеркалами. Но произведений искусства, собранных в Дельфах, он вывез немало.

Служители Аполлона все же смогли спрятать многие реликвии храма в подземелье. Сами стены этого тайника являлись ценностью. Они были украшены творениями величайшего художника Древней Греции Полигнота. Так говорится в предании.

О самом творце мало известно. Когда он появился на свет? Когда умер? Где и у кого учился?.. В записях древних упоминается, что Полигнот родом с острова Тасос, и лучшие свои произведения создал примерно в 70 — 50-х годах V века до новой эры.

Среди них монументальные настенные росписи: «Разрушенная Троя», «Одиссей в подземном царстве». И в наши дни от любителей древних тайн можно услышать, что в нераскрытых подвалах Дельф еще хранятся творения Полигнота, связанные с паломничеством гиперборейцев, с поклонением Аполлона Полярной звезде. Там же находятся портреты Абариса и Абарида, поэта и путешественника Аристея, сцены из его странствий на Север.

Великий Аристотель называл Полигнота «хорошим изобразителем характеров». Многие мыслители и ученые античных времен считали, что он оказал огромное влияние на развитие эллинского искусства. Но увы, до наших дней произведения Полигнота не сохранились. Остались лишь воспоминания древних о его творениях и надежда отыскать их в дельфийском подземелье.

Возница смотрящий на север

Примерно в 390 году новой эры храм в Дельфах был закрыт по приказу римского императора Феодосия. Город пришел в упадок и опустел. Гонимые властями оракулы и поклонники Аполлона бежали в разные страны. Уносили они с собой древние знания и тайну дельфийского подземелья.

Из примерно трех тысяч статуй, находившихся в этом городе-святилище, удалось отыскать лишь несколько десятков. Среди них — изваяние возничего.

Существует предание, что взгляд созданной в V веке до новой эры скульптуры был направлен строго на Север, в страну гипербореев. Есть также предположение, что прообразом возницы из Дельфов является не кто иной, как поэт и путешественник Аристей.

Одержимый Фебом

В античные времена остров Мармара в Мраморном море назывался Проконнес, а море — Пропонтида. Примерно в VII веке до новой эры жил на том острове поэт по имени Аристей.

Был он сыном знатного ионийца. Как от мечал в своих трудах «отец истории» Геродот, поэт вдруг оказался «одержимым Фебом».

Известно из древнегреческих мифов, что Аристеем называли сына Аполлона и нимфы Кирены. Мать-земля Гея наделила его бессмертием, а кентавр Хирон и музы обучили различным искусствам и наукам. Арисгей, согласно легенде, сам оказался хорошим просветителем и делился с людьми тонкостями целительства, охоты, прорицания и пчеловодства.

Может, поэт с острова Проконнес получил имя Аристей при рождении, а может, как почитатель Аполлона, присвоил его сам себе в зрелые годы. И в том и в другом случае, по традиции древних греков, любое имя надо оправдать. Совершив паломничество к храмам «сияющего» бога на остров Делос и к горе Парнас, поэт вдруг на целых семь лет исчез из дома. И не просто исчез, а инсценировал свою гибель.

Геродот писал, что однажды Аристей вошел в сукновальную мастерскую и там внезапно умер. Хозяин сукновальни увидел тело поэта и немедленно сообщил страшную весть его родственникам. А когда те явились в мастерскую, то «...не нашли в ней Аристее ни мертвого, ни живого».

Зачем совершил эту инсценировку поклонник Аполлона? Ни в давние времена, ни в нынешние ответ не найден. А некоторые исследователи и вовсе сомневаются, существовали ли на самом деле загадочный поэт, просветитель и путешественник Аристей с острова Проконнес.

Утерянная поэма

Геродот был убежден, что проконнесец, «одержимый Фебом», — реальное лицо, и его поэма «Аримаспея» отражает действительные события: путешествие Аристее в далекие северные земли. «По вдохновению Аполлона он прибыл к исседонам... над исседонами живут одноглазые люди аримаспы, над аримаспами — стерегущие золото грифы, а еще выше — гирпореи, простирающиеся до моря.

...За исключением гипербореев, все эти народы, начиная с аримпов, постоянно воюют с

соседями...» — отмечал Геродот, ссылаясь на описание Аристеем своего путешествия.

Были знакомы с творением поэта, «одержимого Фебом», и другие славные сыны Древней Греции. Эсхил в своем «Прометее» писал:

Берегись остроклювых, безгласных псов Зевса, грифов, и одноглазой конной рати аримасов, которые живут у злотоносного Плутонова потока.

К сожалению, творение Аристеем полностью не сохранилось. Сегодня можно познакомиться лишь с небольшим отрывком из «Аримаспеи». Отрывок приводится по византийской книге XII столетия: «Исседоны, чванящиеся длинными волосами... Эти люди живут вверх, в соседстве с Бореем, многочисленные и очень доблестные воины, богатые конями и стадами овец и быков... Каждый из них имеет один глаз на прелестном челе; они носят косматые волосы и являются самыми могучими из всех мужей...»

Возможно, путешествие Аристеем в неведомые северные земли кажется слишком сказочным. Ведь оно совершено более двух с половиной тысяч лет назад. Сколько надо было преодолеть препятствий и территорий с неизвестными враждебными племенами?.. Но есть свидетельства, что помимо Аристеем и другие греки совершали путешествия в приуральские земли и Сибирь.

Что искал он?

Этот вопрос задавали и в античные века, и в наше время.

Одни считали, что Аристей отправился на Север лишь для налаживания торговли и товарообмена с неизвестными племенами. Другие видели в его путешествии стремление изучить загадочные северные земли и проживающие там народы. Третьи верили, что «одержимый Фебом» поэт выполнял волю Бога, согласно которой Аристей должен был побывать под Полярной звездой и впитать ее «волшебную силу». При этом еще совершить особый ритуал, известный лишь гиперборейцам и жрецам храмов Аполлона — поклонение Северному сиянию.

Согласно легенде, во время своих странствий Аристей якобы рассказывал неизвестным племенам о почитаемых эллинами богах, в том числе и о египетском Амоне, и дарил их бронзовые изваяния аборигенам. Возможно, так кумир с берегов Нила попал на уральскую реку Чусовую.

У древних писателей и ученых есть упоминание о золотоносных шахтах на дальнем Севере. Стерегут залежи драгоценного металла какие-то крылатые чудовища. А воинственные аримасы похищают у них золото.

Некоторые исследователи предполагают, что Аристей хотел заполучить драгоценный металл. Но это ему не удалось, поскольку он смог достичь только «земли исседонов».

С кем встречался Аристей

Кто они — эти загадочные исседоны и аримасы? В каких краях обитали? Куда подевались спустя века? Известный немецкий ученый Рихард Хенниг в своем труде «Неведомые земли» отмечал: «...исседоны (или эссидоны) упоминались еще поэтом Алкманом, жившим около 690 г. до новой эры, если это верно, то греческие торговые связи с Уралом должны были получить сильное развитие уже около 700 г. до новой эры.

...Что же касается исседонов, выступавших, по Аристеем, в качестве посредников в торговле золотом, то уже Мюллер считал их жителями Урала...»

Ссылаясь на профессора Мюллера, Рихард Хенниг писал: «...слово «исседоны» лежит в основе древнего государства Иссетии и сохраняется поныне в названии уральской реки Исеть (бассейн Оби)... Кочующие исседоны в основном обитали в Западной Сибири, у самого Урала...»

Об этом народе сообщал не только Геродот, но и Помпений Младший, Птолемей и другие античные авторы. По их мнению, исседоны — родственники скифов. А обитали они

на землях от Урала до Киргизии и даже до Тибета.

В первых веках новой эры об исседонах уже не упоминалось в трудах ученых ни Запада, ни Востока. Согласно преданиям, разрозненные племена этого народа были частично уничтожены в многочисленных войнах. Оставшиеся исседоны покинули свои земли и в дальнейшем ассимилировались с другими народами.

Арины

Известно, что еще в XVII веке на месте современного города Красноярска и' севернее, по левому берегу Енисея, обитало малочисленное племя Аринов. В те времена их насчитывалось всего лишь несколько сот человек. Занимались они охотой и рыболовством, сеяли ячмень, поклонялись каким-то древним бронзовым идолам.

От русских изваяния своих божков Арины прятали. Но все же первопроходцы из Московии смогли подсмотреть и определить, что металлические истуканы явно «пришед из дальних неведомых земель». Да и обряды и шаманство Аринов отличали их от соседних народов с берегов Енисея.

В первой трети XVIII века какая-то загадочная болезнь погубила почти все племя. Оставшиеся в живых вскоре утратили свой язык и частично обрусели, частично слились с хакасами.

Не сохранилось документов о далеком прошлом этого народа. Но в преданиях говорится, что Арины — потомки воинственных аримаспов, живших у «золотоносного Плутонова потока».

Повязки с металлическими бляхами

Но почему и Аристей, и другие античные авторы называли их одноглазыми? Что это — фантазия, поэтическая выдумка?.. Может, жители Приуралья и Сибири хотели отвлечь путешественников от золота и других богатств страшными историями и придуманными чудовищами?

Писатель и ученый Сергей Николаевич Марков в своей книге «Земной круг» отмечал: «Еще в так называемое Кмрасукское время (1200 — 700 лет до новой эры) в Сибири, в соседстве с грифами возникали каменные изваяния. На гранитной личине был явственно виден глаз на лбу статуи. В Тагарскую эпоху (700–100 лет до новой ||)ы), соответствующую условному времени Аристее Проконнеского, оби-ытсли Восточной Сибири повязывали головы у. исими ремешками. По-инки эти украшались металлическими бляхами. Люди с бронзовым глазом» на лбу выковывали боевые топоры, украшенные изображениями грифов...»

Первое официальное упоминание Камчатки как территории

Остров Камчатка на «Чертеже всех сибирских городов и земель» (1697–1698 гг.)

Так что, скорее всего, одноглазость аримаспов была мнимой. Металлическую круглую пластину, которая служила воинам и амуном, и знаком принадлежности к племени, чужаки издали могли принимать за «горящее на солнце око». Тем более, если глаза аримаспов скрывали их длинные волосы.

Подречная пещера

Еще в пятидесятых годах прошлого века от стариков из Новоселова, Даурского, Сухо-бузимовского, расположенных в Красноярском крае, можно было услышать предание о таинственном подземелье. Называлось оно «подречная пещера». О ней сообщалось не только в устных рассказах. Так, в «Записках об Енисейской губернии Восточной Сибири 1831 года» говорится: «...в Новоселовской волости на правом берегу Енисея есть конусообразная гора вышиною 500 сажень (более 1000 метров) от поверхности воды.

...Вход в оную пещеру в самой вершине горы и так правилен, как будто сделан человеческими руками; во-шедши в оное отверстие, начинаешь спускаться по коридору вниз сажень до 30 и в некоторых местах есть уступы в камнях наподобие лестницы. По окончании коридора вступаешь в первую залу, которая сажень десять в поперечнике, и втрое более того длиною; пол в оной довольно ровен; зала сия с западной стороны имеет отверстие, через которое проходит свет и можно пробраться к самому Енисею, который в сем месте ограничивается каменным утесом.

...коридор идет неправильно, то расширяясь на несколько сажень, то суживаясь так, что должно то ползти, то лезть через камни, то спрыгивать сажени по две с отвесной высоты. Прошедши таким образом от первой залы 70 сажень, вступаешь в другую залу вдвое более первой и совершенно неправильной фигуры. Тут находится множество костей, из коих некоторые по величине своей заслуживают быть исследованными...далее идет опять крутой неправильный коридор, который поворачивает к Енисею.

Прошедши и проползши оным еще сажень сто, вдруг путешествие прерывается, ибо отверстие пошло перпендикулярно вниз как колодезь».

Сохранилось предание, что местные жители не раз пытались проникнуть в тот колодезь. Но он был якобы заговорен древними людьми, поклонниками Полярной звезды и неизвестных металлических идолов. Таинственное подземелье могло «отталкивать»

пришлых чужаков, могло «плутить» — то есть запутывать в своих темных переходах. Но могло и «пожирать» людей. Тем, кому удавалось все-таки проникнуть в его глубины, угрожала опасность навсегда метаться там.

В «Записках...» от 1831 года рассказывается, как в конце XVIII века один из местных жителей обследовал «подречную пещеру». Спустился он по веревке в колодец и обнаружил в его стене боковой проход. Дальше лезть исследователь побоялся, «ибо уже слышал, как Енисей шумел над его головою....оная пещера проходит под Енисеем до противуле-жащих гор на другой стороне онаго...»

Далее в «Записках...» сообщалось о пещере: «Суеверие рассказывает о ней много чудесного; корыстолюбие ищет сокровищ; но справедливо одно то, что ежегодно осенью в одну темную ночь съезжаются к ней перст из-за двести Кайбальские Татары, исповедываю-щие шаманскую веру, и на следующее утро возвращаются оттуда все избитые. Сей тайны никто не знает...»

Так завершается запись о «подречной пещере». Таймы ее до сих пор не раскрыты. Но сохранилось множество слухов и преданий и о самом подземелье, и о загадочных ночных обрядах кайбальских татар.

Примерно в XIV–XV веках «татарами» стали назы-вать многие разноразличные маньчжурские, монгольские, тюркские народности. Так впоследствии именовали и некоторые племена Сибири и Урала.

Обряд самоизбиения

Согласно преданиям, аримаспы являлись изгнанниками из Гипербореи. Неизвестно, за какие преступления постигла их эта участь. Вначале они расселялись на Крайнем Севере, потом отступили к среднему Приуралью, освоили долины рек Печора, Чусовая, Обь и Енисей. Ходили слухи, что кайбальские татары — потомки аримаспов. Прибывали они осенней ночью к «подречной пещере» для совершения древних обрядов.

В подземелье под Енисеем якобы хранились объекты их поклонения: металлические изваяния богов, доставленных от берегов Средиземного моря греческими купцами. Может быть, среди культовых ценностей находились и священные дары Аристея.

В записях от 1831 года упоминается, что участники тайной мистерии «на следующее утро возвращаются оттуда все избитые». Совершалось это ритуальное самоизбиение якобы серебряной стрелой «сияющего» бога. Подобный обряд в античные времена совершали в Дельфийском и Делосском храмах. Боль, причиненная ударами серебряной стрелы Аполлона, по древним верованиям, очищала душу и тело от болезней, пороков и всевозможных грехов.

Впрочем, нанесение себе ран различными предметами практиковалось у многих племен и народов Африки, Азии, Европы и Америки. Так что самоистязание в «подречной пещере» не было явлением, характерным лишь для кайбальских татар.

Путь Аристея

По свидетельству античных авторов, у древних греков уже две с половиной тысячи лет назад существовали торговые пути от берегов Черного моря к Уралу и далее через Сибирь к Байкалу. Проложены были купеческие дороги и на Крайний Север, и на Алтай.

Во время раскопок старинных захоронений в районе Найкала были обнаружены остатки тканей, возраст которых превышал 2 тысячи лет. По мнению специалистов, эти ткани изготовлены в греческих черноморских колониях. Существуют и другие археологические свидетельства связей античного мира с народами Севера, Приуралья, Сибири.

Изучая эту тему, Рихард Хенниг писал, что древний торговый путь проходил от устья Дона, через перешеек в районе современного Волгограда, к Волге. Затем дорога шла вдоль

этой реки или по ней, а далее — по Каме до удобного перевала через Уральские горы, расположенного неподалеку от Екатеринбурга.

Преодолев перевал, путешественники попадали в район Исети. Наверное, этот маршрут был известен и легендарному Аристею.

Не только золото и меха интересовали древних греков на Урале и в Сибири. Знаменитый врач античных времен Галей упоминал, что доставленный оттуда ремень был самым лучшим для использования в медицинских целях.

Странник из Гипота

В семидесятых годах прошлого века была организована экспедиция по вероятному пути Аристея от Дона до Урала. В Камышлове, что находится восточнее Екатеринбурга, ее участникам удалось записать предание. Сами сказители, братья Серегины, Михаил и Александр, не знали, миф это или быль.

«В давние времена, когда еще не было ни русских, ни татар, и реки Чусовая и Пышма назывались по-другому, приходил в эти края от далекой земли Гипота странник. Земля, откуда он явился, омывается огромным теплым морем. А в самой большой реке Гипота водятся чудища, пи на змея, ни на рыбу не похожие. Шкуру их не пробить стрелой. Пасть такая, что перекусит человека.

А зубы — больше медвежьих. Чудище хорошо плавает и живет и под водой и на суше.

Обитают в Гипоте человечки, наказанные небом за то, что путались с подземными духами. Теперь они без одежды, с хвостами, скачут по деревьям и не помнят об иной благочестивой жизни.

А князья тамошние, когда заканчивают свой земной путь, переселяются в огромные каменные дома-горы. Забирают с собой жен и добро всякое. И никому боле в те дома-горы не велено входить.

Приносил странник дары дивные: одежды легкие, цветастые, вина ароматные, мечи и ножи из неизвестного металла, а еще стрелу серебряную и бронзовых идолов. Долго жил в Уральских землях чужестранец, лечил и просвещал людей, рассказывал о дальних краях, ведал о прошлом и будущем. Несколько раз пытался он достигнуть землю, что находится под Полярной звездой, но так и не сумел.

Наконец, отказался от этой затеи. Оставил людям серебряную стрелу и своих божков, а сам отправился на родину. А как звали того странника — то давно позабыто. Народ, у которого он гостевал, потом снялся с насиженной земли и ушел в другие места. Однако стрелу серебряную и бронзовых божков с собой унесли. На том сказ о чудесном страннике и закончен...»

Если это предание имеет реальную основу, то можно предположить, что упомянутое в нем огромное теплое море — Средиземное; чудище — ни змей, ни рыба — крокодил; наказанные небом человечки — обезьяны; а князья, завершающие свой земной путь в доме-горе, — фараоны.

Возможна ли здесь какая-то связь с Аристеем? Ведь в предании говорится, что странник прибыл из Гипоты (очевидно, имеется в виду Египет). У древних авторов не сказано о посещении этой страны Аристеем. Однако отмечалось, что поэт, «одержимый Фебом», нередко покидал родной остров и отправлялся странствовать неизвестно куда. Может, бывал он и на Нильских берегах, где постигал мудрость древних египтян и религию Амона?

Возвращение Аристея и прочие чудеса

Много неразгаданного в его путешествии на Север, не менее таинственно и возвращение на родину. Античные авторы сообщают, что странствие Аристея длилось более шести или семи лет.

Побывав на острове Проконнес и завершив свой труд «Аримаспея», неугомонный поэт снова отправился поклоняться Аполлону в Дельфийский и Долосский храмы. Жрецы «сияющего» бога беспрекос-уюмно, в нарушение традиций, оставляли Аристея на три дня и три ночи одного в святилищах. Что сообщал Ари-стой Аполлону, какой обряд совершал? Об этом даже дельфийские оракулы не могли дознаться.

После посещения храмов поэт и путешественник, никого не предупредив, снова исчез. С тех пор он уже никогда не возвращался в родной Проконнес. Зато находились свидетели, которые встречались с ним в различных местах по берегам Средиземного и Черного морей, в Скифии, Галлии, Иберии.

Много было слухов и о его загадочном исчезновении, и о неожиданных появлениях в тех или иных уголках Ойкумены. Рассказывали, что Аристей все же побывал под Полярной звездой, совершил обряд поклонения Аполлону и научился по тайным книгам гипербореев отделять свою душу от тела и снова соединять их.

Античный философ Максим Тирский писал об Арис-гсс: «...человек из Проконнеса, чье тело лежало с едва заметными признаками жизни, в состоянии, очень близком к смерти, в то время, как его душа выходила из тола... и паря в небе, пересекала страны, и греческие и чужеземные, все острова, реки, горы,...пределом путешествий была страна гипербореев — таким путем он (Аристей) получил обильные знания о исех обычаях, о различных ландшафтах и климатах, о морских приливах и разливах рек...

...Затем душа, вернувшись, оживляла тело, и оно рассказывало о разных вещах, которые душа видела и слышала».

Изумление метапонтийцев

Сохранилось предание, что спустя примерно два с половиной века, после написания поэмы «Аримаспея», Аристей вдруг объявился в греческой колонии Метапонт, на юге Апеннинского полуострова. Местным жителям он повелел воздвигнуть алтарь в честь бога Аполлона. А рядом с алтарем установить памятник... Аристею!

Конечно, и появление «одержимого Фебом» поэта спустя два с половиной столетия, и его нескромное желание — возвести себе памятник — смутили жителей Метапонта. Они направили делегацию в Дельфы, чтобы обратиться за советом к самому Аполлону.

Дельфийский оракул выслушал посланцев с Апеннин и заключил: и появление Аристея, и его слова — не случайны. Так угодно «сияющему» богу.

Ослушаться оракула метапонтийцы не посмели. Вскоре на юге Апеннин были возведены новый алтарь Аполлона, а рядом — бронзовая статуя неугомонного поэта и путешественника.

Но все, что связано с Аристеем, не обходится без чудес. В день освящения нового алтаря и статуи вдруг прилетел ворон. Местные жители сразу смекнули: это посланец Аполлона. Птица уселась на плечо бронзового изваяния — и памятник сделался золотым.

Недолго изумлялись этому чуду метанонтийцы, поскольку вскоре произошло другое. Взлетел ворон и как-то неестественно заметался над алтарем и статуей. В то же мгновение тучи заволокли небо, и начался невиданной силы ураган. Люди спешно попрятались в домах.

Утром, когда метапонтийцы вернулись к алтарю Аполлона, золотого изваяния Аристея уже не было. Местные мудрецы тут же объявили, что «сияющий» бог перенес золотое изваяние своего верного почитателя на далекий Север. Там оно якобы помещено в подземной каменной пещере, где будет храниться до тех пор, пока неугомонная душа Аристея не завершит странствия и не соберет все земные знания. Тогда она вселится в золотое изваяние, и воскресший почитатель Аполлона снова удивит мир — открытием многих тайн и своими деяниями. А произойдет очередное Аристеево чудо, когда Полярная звезда изменит свой цвет и местоположение на небосводе.

Камень и скала отклика

Как ни странно, отголоски этой легенды можно было услышать еще в начале XX века на Таймыре. Местные жители рассказывали, что где-то на севере от озера Аятурку находится глубокая каменная пещера. В ней хранится золотой истукан, принесенный ветром. Один раз в девятнадцать лет туда приходит «одержимый Солнцем» шаман. Откуда он — никто не знал. Люди видели его только издалека. Приближаться боялись. Старики говорили, что «одержимый Солнцем» может испепелить взглядом и словом неосторожного человека. Загадочный шаман в пещеру не спускался, а почтительно останавливался у входа, где находился волшебный «камень отклика». С его помощью пришелец общался с золотым истуканом. Выкрикивал свой вопрос и тут же прикладывал ухо к камню, ожидая ответа из подземелья.

Люди подметили, что шаман появлялся у входа в пещеру в середине мая, а исчезал в начале июля. После него можно было и другим приходить к «камню отклика», чтобы услышать предсказание золотого идола.

Схожий обряд совершался в Древней Греции. В Мегариде, на берегу Саронического залива, находится скала «Анаклифра», что в переводе означает «скала отклика». Согласно мифам, возле нее скорбящая богиня плодородия Деметра звала свою, похищенную Аидом, дочь Персефону. На протяжении многих веков мегарские женщины совершали у «скалы отклика» мистерии во время праздника Деметры. Мужчинам запрещалось присутствовать и наблюдать за этим обрядом.

Лишь однажды было сделано исключение. Вернувшегося с Севера Аристея мегарские женщины сами пригласили к Анаклифре, чтобы он рассказал о странствиях и подарил звучание своего голоса «скале отклика».

«Одержимый Фебом» поэт исполнил пожелание женщин, но остался верен себе. Он снова таинственно исчез, никого не предупредив и не попрощавшись.

Подобные выходки были не в традициях у древних греков. Может, поэт перенял это у северных шаманов?

А изумленные внезапным его исчезновением женщины еще долго звали: «Ты куда, Аристей?!» Говорят, и сегодня, приложив ухо к «скале отклика» на берегу Саронического залива, можно услышать этот зов многовековой давности.

Любое путешествие в той или иной мере связано с тайнами. Тем более странствие, совершенное более двух с половиной тысяч лет назад.

Существовал ли на самом деле Аристей? Как бы ни спорили об этом знатоки, а в реальность поэта, «одержимого Фебом», и в его путешествия хочется верить. Но бесспорно то, что в античные времена уже осуществлялись деловые и духовные контакты народов Средиземноморья, Сибири и Крайнего Севера.

Быть может, и «камень отклика» в Заполярье, и «скала отклика» в Сароническом заливе еще отзовутся на вопросы любознательных и поведают и об Аристее, и о других, одержимых мечтой, странниках давних времен.

Белые сны уставших богов

*Для себя же в чуждых землях
Столько нужного открыл я,
Столько выкопал сокровищ,
Что до старости глубокой
Будет мне о чем размыслить.*

Из эпоса «Калевипоэг»

Блуждающие в море

Средневековые картографы не любили оставлять на картах пустые пространства. На материках они заполняли их несуществующими городами, с жадностью ловили любые сообщения моряков о «новых островах». Их было очень легко убедить и существовании «новых земель» и куда труднее докапать им, что таких земель в действительности нет», — писал известный исследователь XX века Зденек Кукал в книге «Великие загадки земли».

«Даже самые опытные моряки при заходе солнца могут принять скопление облаков за скалу, небольшой остров или мель... Такие «острова», виденные однажды и не найденные при повторном прохождении тех же мест, моряки называют «flyway islands», или «блуждающими островами». Каждый моряк хоть раз в жизни наблюдал подобный остров. Суеверные мореплаватели прошлого свято верили в то, что такие острова действительно блуждают в море.

Да, так было. Много совершалось географических ошибок. И все же открывались и реальные острова, и неизвестные европейцам древние города.

Один из таинственных

На средневековых географических картах можно встретить надпись: «Эсто Туле». Так называли остров на Севере. Но о нем упоминали еще в античные времена как о загадочной земле, находящейся на самом краю обитаемого мира. Некоторые исследователи считают, что слово «Туле» означает «Несравненная страна». С санскрита оно переводится как «весы» и связывается с зодиакальным созвездием Весов.

Впрочем, Туле встречается во многих языках мира — от Европы до Центральной Америки.

Слухи об одном из самых таинственных островов Крайнего Севера доходили и до Руси. Мореходы разных стран рассказывали о Туле чарующие и страшные истории. Говорили, что там стоит непроглядный туман и вечная ночь, а его жители, вылепленные из туч, блуждают по льду и отогреваются небесным сиянием. И не дай Бог заблудившимся в северных просторах христианам попасться этим чудовищам.

Другие рассказчики уверяли, что попавший на остров Туле станет счастливейшим человеком, поскольку там благодатная земля, прекрасный теплый климат, несметные сокровища и радушные хозяева — мудрые представители какой-то древней цивилизации.

В некоторых европейских странах эту легендарную землю иногда называли Фуле.

Не только ученые и путешественники писали о ней, но и поэты. У Иоганна Вольфганга Гете есть строки о фульском короле, переведенные на русский язык Борисом Пастернаком:

Король жил в Фуле дальней,
И кубок золотой
Хранил он, дар прощальный
Возлюбленной одной.
Когда он пил из кубка,
Оглядывая зал,
Он вспоминал голубку
И слезы утирал.
И в смертный час тяжелый
Он роздал княжеств тьму
И все, вплоть до престола,
А кубок — никому.
Со свитой в полном сборе
Он у прибрежных скал
В своем дворце у моря
Прощальный пир давал.

И кубок свой червонный,
Осушенный до дна,
Он бросил вниз с балкона,
Где была глубина.
В тот миг, когда пучиной
Был кубок поглощен,
Пришла ему кончина,
И больше не пил он.

Противоречивые и фантастические истории о таинственной северной земле будоражили воображение слушателей много столетий, начиная с античных времен. Конечно, у некоторых из них появлялась мечта побывать на замечательном острове. Поиск Туле начался, очевидно, более двух с половиной тысяч лет назад.

Колыбель первопроходцев

Примерно в 600 году до новой эры вблизи устья Роны высадился большой отряд фокейцев. Греки и раньше появлялись в этих землях, где обитали племена л и гу ров. Но теперь они прибыли не просто для торговли и обмена товарами, а чтобы основать свое постоянное поселение.

В ночь после высадки у предводителя колонистов было видение. Явилась к нему покровительница лигурийской деревни в облике то ли нимфы из моря, то ли девы из тумана. Посоветовала сохранить будущему городу в честь нее название старой деревни Массалия. Это якобы даст новому поселению долгую жизнь и сделает его колыбелью многих славных первопроходцев и мореходов.

Предводитель исполнил пожелание покровительницы лигурийской деревни. Может, и впрямь стоит верить видениям? У Массалии, или, как ее впоследствии называли древние римляне, Массилии, оказался долгий век. Она явилась предшественницей знаменитого французского города Марселя.

Выгодное географическое положение быстро превратило новое поселение в один из главных центров эллинской культуры в западном Средиземноморье. В VI–IV веках до новой эры массалийцы основали ряд своих колоний даже на Пиренейском полуострове. Они стали серьезными экономическими соперниками богатого и могучего в те времена Карфагена.

Пророчество лигурийской покровительницы сбылось. Считается, что именно массалийцы первыми из греков проникли за Геркулесовы столбы и начали осваивать Атлантический океан. Имена многих из тех первопроходцев не сохранились до наших времен. Но одно прочно вошло в историю науки и географических открытий.

Мечтатель из Массалии

Мореплаватель и ученый IV века до новой эры, потомок фокейских переселенцев Пи-фей рано постиг флотские премудрости и овладел знаниями астрономии, математики, географии. Наверное, с детства он слышал от бывалых мореходов рассказы о загадочном острове Туле.

Известный немецкий ученый Рихард Хенниг, как и некоторые другие исследователи, считал, что Пифей «не был купцом, которого стремление к наживе влекло в области, производящие олово и янтарь».

В античные времена олово добывалось на британских островах, а янтарь, как и сегодня, — в основном на Балтике. Пифей, став опытным мореходом, не нажил богатства. Поэтому не мог снарядить экспедицию на поиски легендарной Туле. Возможно, он убедил состоятельных мас-салийских купцов поручить ему разведывание мало и вовсе неизвестных

северных земель, которые, по слухам, имели залежи необходимых жителям Средиземноморья металлов.

Мечтатель из Массалии добился своего. Экспедиция к Туле и другим северным островам стала реальностью. Точно не известно, когда это произошло. Одни современные исследователи считают — в 325 году до новой эры. Другие высказываются более осторожно и называют период между 350 и 320 годами до новой эры.

Что же касается маршрута экспедиции Пифея, то и здесь не все ясно. По одной версии, путь его проходил вначале от Массалии до Гибралтарского пролива. Затем экспедиция двигалась вдоль западного побережья Пиренейского полуострова. Потом были остров Уэссан, мыс Финистерр, остров Уайт и, наконец, загадочная Туле. Согласно другой версии, Пифей добирался до Ла-Манша по суше через Галлию.

Так, например, древнегреческий историк Полибий отмечал, что массалийский путешественник преодолевал одинаково большие расстояния и по воде, и по суше.

На каких судах совершалась экспедиция и кто кроме Пифея был ее участниками? Ответ затерян в глубинах истории.

Преодолев Ла-Манш, массалийский путешественник оказался на острове, который, возможно, именно он впервые назвал Британией. За относительно короткий срок он собрал обширные сведения об Ирландском море и о некоторых из Гибридных и Оркнейских островов, впервые применил астрономические наблюдения в географических исследованиях. Пифей также доказал влияние Луны на морские отливы и приливы и что Полярная звезда строго не соответствует точке, через которую проходит земная ось в Северном полушарии.

Массалийский путешественник подробно описал так называемое «ледяное море» и, как считают современные исследователи, возможно, был первым из эллинов, кто пересек Северный полярный круг.

Недоверие и признание

Экспедиционные записки Пифея не сохранились. Исчезли и другие его труды. До нашего времени дошли только немногочисленные фрагменты, пересказанные древними авторами.

Знаменитый античный географ и историк Страбон писал: «Пифей заявил, что прошел всю доступную для путешественников Британию, он сообщил, что береговая линия острова составляет более 40 000 стадий, и прибавил рассказ о Фуле (так в древности некоторые авторы называли Туле) и об областях, где нет более ни земли в собственном смысле, ни моря, ни воздуха, а некое вещество, сгустившееся из всех этих элементов, похоже на морское легкое; в нем, говорит Пифей, висит земля, море и все элементы, и это вещество является как бы связью целого: по нему невозможно ни пройти, ни проплыть на корабле. Что же касается этого похожего на легкое вещества, то он утверждает, что видел его сам, обо всем же остальном он рассказывает по слухам».

Далее Страбон, ссылаясь на записки Пифея о таинственной северной земле, отмечал: «Люди, живущие там, питаются просом и другими злаками, плодами и кореньями; а где есть хлеб и мед, там из них приготавливается и напиток».

Что касается хлеба, говорит он, то так как у них не бывает солнечных дней, они молотят хлеб в больших амбарах, свозя его туда в колосьях, ибо молотильный ток они не употребляют из-за недостатка солнечных дней и из-за дождей».

Упомянутое в этих записях загадочное вещество, «похожее на морское легкое», — скорее всего, частые густые туманы Северного Ледовитого океана. У некоторых древних авторов вместо «морского легкого» говорится об «эфире». Как известно, по представлению древних греков, эфиром являлся верхний лучезарный слой воздуха, где пребывали боги.

Кельты, с которыми встречался Пифей, сообщили ему, что на расстоянии однодневного перехода от северного берега Туле находится «мертвое море», а еще дальше нет «ни моря ни земли». Там конец света, и нет смысла двигаться дальше острова Туле.

Очевидно, Пифей поверил сообщениям кельтов. Но вот к записям самого путешественника многие отнеслись с недоверием. Советский историк А.В. Дитмар писал о Пифее: «Было время, когда его считали лжецом и обманщиком, — настолько велики и необычны для той эпохи были его исследования».

Не поверили и сообщению Пифея, что «в небесном полюсе нет звезды, это место пустое, и вблизи него находятся три звезды, с которыми полюс образует почти правильный четырехугольник». А вот современные астрономы подтверждают слова древнего путешественника. Вычисления показывают: в IV веке до новой эры, когда совершалась экспедиция Пифея, небесный полюс располагался ближе всего к Бете созвездия Малой Медведицы. В XX столетии он отклоняется от Альфы Медведицы всего на 1 градус. Ученые считают, что примерно две с половиной тысячи лет назад тремя звездами, упомянутыми Пифеем, которые вместе с небесным полюсом образовывали «правильный четырехугольник», являлись Бета и Альфа Малой Медведицы и Альфа Дракона.

И много лет спустя

Проходили столетия, а споры вокруг путешествия «мечтателя из Массалии» к острову Туле то утихали, то разгорались снова. О «несравненной стране» писали многие, ссылаясь на Пифея и на другие источники.

В VI веке новой эры византийский историк Прокопий Кесарийский писал: «Туле примерно в десять раз больше Британии и лежит севернее нее».

Земля в Туле не возделана, живет там тринадцать племен. Каждый год там совершается нечто чудесное, а именно: около времени летнего солнцестояния солнце не заходит в течение сорока дней подряд и все время видно над горизонтом. Через шесть месяцев после этого, около времени зимнего солнцестояния, солнце не показывается в течение сорока дней, и в стране тогда господствует длительная ночь. Первое появление солнца после долгой ночи для людей, живущих в Туле, — величайший праздник».

И в наше время точно не установлено, каких широт достиг Пифей. Одни специалисты полагают, что он побывал в Исландии, приняв ее за легендарную Туле. Другие называют Шетландские острова. Знаменитый путешественник Фритьоф Нансен считал «несравненной страной» западные и северные участки Норвегии. Именно там, по его мнению, и побывал Пифей. Некоторые исследователи называли Туле южное и восточное побережье Гренландии.

Однако никакой из этих северных уголков планеты полностью не соответствует описанию путешественника из Массалии.

Согласно еще одной версии, легендарная Туле, как и многие другие острова, исчезла в пучине. Произошло это событие якобы через несколько веков после посещения ее Пифеем.

Возвращение без триумфа

Рихард Хенниг в книге «Неведомые земли» писал: «Возвратившись из Норвегии в Шотландию, Пифей, видимо, совершил объезд Британии, а затем предпринял каботажное плавание вдоль материка от Ла-Манша до района добычи янтаря... неизвестно, как Пифей вернулся в Массалию... Странствие, вероятно, закончилось благополучно, ибо иначе он не смог бы написать свой ныне утраченный труд «Об океане». Рихард Хенниг высказал предположение, что, возможно, именно «недооценка важнейшего географического достижения Пифея» многими учеными античных времен способствовала исчезновению его отчета.

Совершив величайшее для своего времени путешествие и сделав при этом немало открытий, «мечтатель из Массалии» вернулся на родину. Встретили его, очевидно, без триумфа. Не только описание земель, но даже измерения для определения географических координат, сделанные Пифеем, показались античным ученым сомнительными. Что же произошло дальше с этим замечательным путешественником? Там, где кончаются

исторические факты и документальные подтверждения, начинаются легенды, слухи, предположения. Несомненно, был секретный отчет перед теми, кто финансировал экспедицию Пифея. Ведь он выполнял еще и разведывательную миссию. Затем — завершение труда «Об океане». А дальше? Он снова покидает родную Массалию.

Куда уходят уставшие боги

Северами заболевают, — так говорят в наше время. Возможно, так считали и в древности. Да, есть у Севера загадочная притягательная сила. Кто побывал там, выжил и не сломился — уже навсегда останется его пленником.

Сколько бы не прошло лет, а вернувшийся с Севера человек не избавится от воспоминаний о белых студеной просторах.

Богаты арктические земли и моря красотами и трудностями, испытаниями для человека и романтикой. А еще своими необычными преданиями, байками, невыдуманными и приукрашенными историями.

Как появлялись древние боги на берегах Нила и Евфрата, на Олимпе и на Апеннинах? Об этом часто говорится в мифах и легендах. Но как уходили они от людей, принявших новую веру, — почти не упоминается.

Вот еще одно предание арктических земель и морей.

Уставшие от измен, непостоянства и неблагодарности людей, от их бесконечных просьб, обвинений и наглых требований, древние боги уходили на Север, на остров Туле, под Полярную звезду.

Утомленные своей властью над человеком и природой, оставив роль вершителей истории и судьбы, они начинали новую жизнь в студеной просторах. А некогда реальный и населенный людьми остров Туле каким-то образом перешел в «белые сны» уставших богов и сделался невидимым для простых смертных.

Лишь северные странники — хранители древних тайн — да мудрые шаманы знают, насколько опасны «белые сны» для человека. Нечаянно или намеренно вовлеченные в них либо навсегда исчезают в студеной туманах, либо неизлечимо заболевают.

На русском Севере эту болезнь называют мерячением. Но она известна у всех народов Арктики. Современная медицина считает мерячение тяжелым психическим расстройством, которое нередко приводит к смерти.

В предании говорится, что Пифей во время путешествия слышал о «белых снах» уставших богов и якобы упоминал в своих записях об этом. Хотя в его время Туле еще населяли простые смертные, а античные боги прочно властвовали над народами Средиземноморья.

Но рассказы об уставших богах считались крамоллой и ересью и в Древнем мире, и в Средневековье. Так что, возможно, исчезновению труда Пифея способствовало недовольство не только ученых, но и служителей культа.

Впрочем, еще находятся энтузиасты, полагающие, будто пара копий описания странствия в Туле сохранилась и есть надежда отыскать их.

Неизвестно, сообщал ли кому-то Пифей о маршруте своего нового путешествия. Но знатоки и толкователи древних тайн уверены: он снова отправился на чудесный остров и там вторгся в «белые сны» уставших богов. Во всяком случае, на берега Средиземного моря Пифей уже не вернулся.

Что заставило его снова покинуть родную Массалию — обида, жажда познания, «болезнь Севера», желание доказать свою правоту?

Уставшие боги и чудесный остров Туле пока не выдают людям эту тайну.

Беломорские этюды

*У русских людей есть старинный обычай.
Перебираясь в новые, еще необжитые края,
переселенцы берут с собой в узелке горсть земли
с родных мест; оттуда, где жили отцы и деды,
где земля, даже в самые тяжелые времена,
Оставалась родной матерью.
Переселенцы рассеивали эту горсть на месте нового
жительства, которое с этой минуты
становится тоже родным и близким.*
Георгий Ушаков

Очарование светлых ночей

С каждым днем светлеют все ночи, потому что я еду на Север и потому что время идет. Каждую такую ночь я встречаю с любопытством, и даже особая тревога и бессоница этих ночей меня не смущает. Я будто изо дня в день больше и больше пью неведомый наркотический напиток. Спать привыкаю днем.

...Так я и знал, так и думал про эти светлые северные ночи. Они безгрешные, бестелесные, они приподняты над землей, они — грезы о нездешнем мире.

...Сказки и белые ночи и вся эта бродячая жизнь запутали и холодный, рассудочный, северный день.

Карта морских походов новгородцев

Я проснулся. Солнце еще над морем, еще не село. И все будто грезится сказка», — писал в начале XX века очарованный светлыми ночами Беломорья Михаил Пришвин.

Много прошло лет с той поры, много изменилось на берегах Белого моря, но волшебство летних северных ночей осталось неизменным. И через века и тысячелетия оно не утратит своего очарования. Вот только будет ли кому восторгаться этими волшебными ночами?

Долгие годы манило меня своими загадками Белое море. Однако не удавалось организовать экспедицию к его берегам.

Конечно, не только воспетые писателями красоты притягивали туда. Из всех морей Северного Ледовитого океана Белое первым было освоено русскими. В течение нескольких веков оно оставалось единственным морем для России.

Наши предки спускались к нему по стремительной и порожистой реке Выг, спокойной Нюхче, по величавым Двине и Онеге.

Предположительно, освоение Беломорского побережья русскими началось в IX веке. Лихие ушкуйники, беглые холопы, купцы, охотники за пушниной и моржовым клыком, рыбаки, земледельцы пробирались сюда через леса и болота, реки и озера в поисках лучшей доли.

Постоянные поморские поселения зафиксированы в исторических документах XIV века. О них говорится в Уставной грамоте 1398 года великого князя Московского Василия I, сына Дмитрия Донского.

Известный историк и государственный деятель первой половины XVIII века Василий Татищев писал: «Бярмия издревле в северных гисториях известна, и она была не город, но целой народ, которые жили между Белого и Ладоского озер к северу....остатки Бярмов Карелия именуется и дале... их главный город Колмогарда на Двине при Белом море. И оные в 8-м столетии по Христе при нашествии словян еще были в довольной силе и в те времена с датчанами и шведами приходящими имели войны... Поморие есть северная часть России, в которой все по берегу Белого и Северного моря от границы Корелии с Финнами на восток до гор Великого Паяса, или Урала, заключается. К югу же издревле русские по малу часть по части овладели и к Руси приобсчали... Ныне все оное и еще с немалою прибавкою под властью Поморской губернии состоит».

Первые мили дни и ночи

Трудно осваивалось Белое море. Ведь поначалу у русских поморов не было ни компаса, ни даже простейших карт. Мореходы отправлялись в плавание, рассчитывая лишь на себя, удачу да на описания и рассказы людей, что издревле жили в этих местах задолго до прихода русских.

Трудны северные походы. Особенно опасно для плавания горло Белого моря. Из-за воронкообразного пролива, что соединяется с Баренцевым морем, там очень сильное течение и колебания уровня воды бывает более 4 метров.

Мне приходилось бывать на многих морях, но нигде не встречал таких резких отливов и приливов. Во все времена люди стремились как можно быстрее миновать «чертово горло». Кроме течений и приливов, эти места опасны частыми штормами и туманами.

Удивителен растительный и животный мир Белого моря. Оно — единственное из морей Северного Ледовитого океана, основная часть которого находится южнее Полярного круга. Уникальность еще и в том, что это почти закрытый бассейн, соединенный с океаном узким и длинным проливом. Поэтому в Белом море есть живые существа и растения, которых нигде больше не встретишь.

Позади первые мили, острова, солнечные и хмурые дни моего путешествия. А еще бессонные летние ночи...

Может, их неверно называют белыми? Ведь сколько в них цветов, оттенков! Светло-голубое небо раскрашено розовыми, салатными, золотистыми полосами. Эти полосы отражаются в море и манят к горизонту, все дальше и дальше...

Небесные корабли

Низко над водой, в бирюзовых облаках появился кораблик... перевернутый мачтами вниз! Вначале я не поверил своим глазам. Сон? Чудо? Обман зрения?.. А может, это предвестник гибели кораблей — «Летучий голландец»? Сколько приходилось читать и об опасных знамениях в море, и о загадочных небесных кораблях!

В старинных ирландских летописях «облачные парусники» упоминаются еще в середине XII века. В 1798 году в графстве Майо в Ирландии множество людей видели, как проплывает в небе целая эскадра. Изумление и страх вызвало ее появление среди облаков.

Не раз приходилось мне слышать о небесных кораблях от старых средиземноморских рыбаков, от чукчей и жителей Курильских островов, от индейцев Аляски. И вот наконец

увидел сам...

Я зажмурился и снова открыл глаза. Кораблик продолжал свой небесный путь. И не было ничего в нем гибельного, рокового, зловещего.

На какие-то секунды он исчез, будто утонул в потоках солнечного света, а потом снова появился, и гордый силуэт его стал еще более четким.

Вахтенный рулевой заметил, как я разглядывал небесный корабль, и равнодушно пояснил:

— Рефракция... Атмосферное явление... А сколько моряков оно обмануло и привело к гибели! Просто где-то за горизонтом идет обыкновенное судно. В Белом, как и в других полярных морях, рефракция встречается часто и бывает очень сильной. Острова, корабли, скалы кажутся ближе, чем на самом деле. Они увеличиваются и словно парят над морем перевернутыми...

— Значит, просто атмосферное явление и ничего больше? Жаль... Конец романтической загадки.

И все же я продолжал любоваться корабликом в облаках. И несмотря на будничное объяснение тайны, задавал сам себе вопросы: «Куда он держит путь?.. Где же ты, гавань небесных кораблей?..»

Есть еще острова

Со всех сторон из моря, как в сказке, будто сами собой, вырастают деревья, травы, камни и даже целые леса. Увеличиваются береговые линии и появляются новые островки. Время отлива...

Издавна рыбаки и охотники спасались на Беломорских островах от штормов и туманов, пережидая непогоду. А на самых больших участках суши, которые не исчезали во время приливов, промышляли зверя, устраивали зимовья и склады. Сколько же их на Белом море?

Специалисты называют разные цифры. Даже лочия не дает точного ответа.

Листаю ее страницы. Манящие и исконно поморские названия островов: Анзерский, Асафий, Белая-Луда, Бережной Сосновец, Лумбовский, Моржовец, Жужмуй, Ивановы Луды...

Нет, никогда не сосчитать всех. Ведь в лочии иногда указывается название лишь группы островов, в которых есть немало безымянных клочков суши.

В Белом море еще множество подводных камней. Некоторые появляются из воды лишь во время отлива. Между ними — узкие мелководные проливы и проходы. Поэтому здесь трудное и опасное плавание, требующее большого мастерства и знания района.

Отлив продолжается. Острова теперь напоминают гигантских доисторических чудовищ, что расплзлись по морю и жадно пьют воду, изогнув зеленые и коричневые спины.

Время — три часа ночи. Пустынно, тихо и светло. Внезапно послышался шорох, потом стук, звонкое цоканье и всплеск. Со скалы, неподалеку от меня, падали камушки.

Кто потревожил их? Зверь? Человек?..

Нет никого на вершине...

И снова тишина.

Мне вдруг вспомнились стихи популярного в начале XX века поэта Саша Черного:

Есть еще острова одиночества мысли.

Смелым будь и не бойся на них отдыхать.

Там угрюмые скалы над морем нависли.

Можно думать и камешки в воду бросать...

Поющая скала

Отер однажды захотел проведать, как далеко на север простирается земля... какие люди обитают дальше на севере. Держась северного направления близ берега, в течение трех дней он имел пустынную страну всегда справа, а море — слева.

Тогда он достиг такой северной широты, дальше которой китоловы обыкновенно не проникают.

Однако он отправился еще далее на север, сколько мог проплыть в три дня; тут земля эта начала поворачивать на восток. Здесь он дождался ветра с запада — северо-запада, а потом поплыл вдоль берега (Мурманского) на восток, сколько мог проехать в четыре дня. Тут он был вынужден ждать прямого северного ветра, так как суша в этом месте начала загибаться к югу или же в материк вдавался залив (Белое море).

Оттуда он плыл подле берега южным курсом, сколько мог, в течение пяти дней. Затем он прошел к устью большой реки (Северная Двина), которая вытекала из отдаленнейших частей той страны. Он проплыл немного в эту реку, но продвинуться дальше ни он, ни его спутники не осмелились, опасаясь враждебного нападения жителей, которые густо населяли другой берег».

Так записал английский король Альфред Великий рассказ о путешествии к берегам Белого моря.

Это плаванье состоялось в 875 году. Возможно, оно явилось одним из первых посещений западноевропейских купцов Беломорья. Снарядил и возглавил экспедицию норвежец Отер. В молодости он разводил северных оленей. От моряков и купцов слышал о легендарной стране Биармии, что располагалась от берегов Белого моря до Приуралья.

Слухи о земле, богатой пушниной, моржовой, мамонтовой костью и золотом, появились в Скандинавии еще до IX века. Как часто бывает, факты о далеких странах обрастают легендами. Немало довелось их услышать Отеру и о Биармии, и о Белом море.

В одной из них говорилось о «печаль поющей скале». Находилась эта скала якобы на каком-то острове в Двинской губе. Внутри нее есть пещера, попасть в которую можно лишь из-под воды.

Согласно легенде, некий древний народ, обитавший на берегах Северной Двины, вынужден был покинуть родные места. Вражеские набеги, эпидемии, природные катастрофы, а может, какие-то иные беды сподвигнули их на это? О том в легенде не упоминается. Перед великим переселением собрало неизвестное племя все имеющееся золото и схоронило в «печаль поющей скале».

Может быть, переселенцы собирались, освоившись в новых землях, вернуться за ним? Не получилось. Все корабли их затонули в Белом море во время шторма. Никого не осталось в живых. Никто не горевал об исчезнувшем племени. Лишь скала при сильных ветрах пела свою печаль и пыталась рассказать людям о погибших.

Может, из ее песен стало известно о сокровищах древнего народа? Находились охотники отыскать заветную скалу и проникнуть в пещеру. Но никому еще это не удалось. «Поющая печаль» верно хранила добро погибшего племени.

Даже те, кто явственно слышал в море пение легендарной скалы, не могли точно определить ее местонахождение.

Согласно преданиям, пытался отыскать хранительницу сокровищ и Отер. Но об этом замысле он ничего не рассказал своему покровителю — королю англосаксов Альфреду.

А может, путешественник попросту отказался от затеи с поисками сокровищ? И без того успешная торговля с Биармией принесла ему огромные богатства.

А заветная скала, говорят, до сих пор волнует искателей приключений нераскрытыми тайнами, ненайденными сокровищами древнего народа, печальными песнями в штормовые дни.

Школа под парусами

Освоение русскими Беломорья называли издавна «державной школой под парусами». Здесь развивались международные отношения и торговля, кораблестроение и знание навигации, сельское хозяйство в северных условиях и духовная жизнь, военное мастерство и освоение заполярных морей и земель.

С увеличением в этих краях русских переселенцев интенсивно строились новые селения, укрепления, города, верфи, церкви и монастыри. В 1342 году новгородец Лука Варфоломеев начал возводить на Северной Двине крепость Орлец, которая стала в Беломорье важнейшим центром колонизации.

По приказу Московского государя Ивана III в 1496 году московский дьяк Григорий Истома отправился через Белое море в Данию с дипломатической миссией. В то время шла война со шведами, поэтому путь через Великий Новгород был закрыт. Григорий Истома со своими помощниками на четырех парусных лодках отправился из устья Северной Двины по Белому морю вдоль Кольского полуострова. Миновав мыс Нордкап и Лофотенские острова, русская дипломатическая миссия прибыла в район города Тронхейм. Отсюда начался переход по суше через южную Скандинавию к столице Дании Копенгагену.

Впоследствии рассказ русского дипломата о его путешествии привел в записках австрийский посол в Москве Сигизмунд Герберштейн: «...Мы перенесли свои суда и груз через перешеек в полмили шириной... потом мы проплыли в землю дикой лопи... Здесь, оставив лоды, мы дальнейший путь проделали по суше на санях».

В то же время, что и Григорий Истома, совершили свое путешествие князья Иван и Петр Ушатые. Из устья Северной Двины они проделали путь «морем-окияном да через Мурманский нос». А дальше от Варангер-фиорда сумели добраться до озера Инари и по рекам и волоком вышли к Ботническому заливу.

Каждое подобное путешествие обогащало Россию научными познаниями, открывало новые возможности для торговли, развития флота.

В XV–XVI веках поморы строили различные типы судов: кочи, карбасы, раньшины, шнеки. Вместо гвоздей мастера крепили обшивку к корпусу кораблей с помощью корней можжевельника и молоденьких тонких елей. Ведь гвозди быстро ржавели, появлялась течь, расшатывалась обшивка. А деревянное крепление разбухало в море и почти не пропускало воду.

Обычно корабль поморам удавалось соорудить за 5–7 месяцев. В середине XVI века Иван Грозный повелел построить при Соловецком монастыре первые крупные верфи и сухой док. Созданию кораблей на Белом море царь придавал важное государственное значение.

Совершенствовался флот, крепла военная и экономическая мощь Руси. В этом немалая роль принадлежала «школе под парусами».

Старинные знания и традиции

Освоение Белого моря было неразрывно связано с совершенствованием лоции. На материковых берегах и на островах поморы сооружали специальные опознавательные знаки и пристанища. На самых видных местах ставились большие деревянные кресты. Поперечина такого креста всегда указывала на север и юг. На них делались барельефы, навесы от дождя и снега, врезались иконы.

Особые приметы каждого креста помогали поморам определить свое местонахождение и направление пути. Они прекрасно знали, что от положения Луны зависит сила отлива и прилива. Это явление поморы называли «вздохами моря-окияна».

«Грудь-то у няго широка да могуча, как вздохнет, подымет грудь — тут и прибыла больша вода: прилив значит, — объясняли в старину поморы. — А коль выдохнет — уходит вода — время отлива наступило. Не часто дышит море-окиян. Два раза вдохнет, два раза выдохнет — сутки прочь...»

Жителям Беломорья компас был известен еще до XIV века. В старину он представлял собой круглую коробочку, сделанную из дерева, кости или меди. Диаметр ее обычно не

превышал 5 сантиметров. Компас очень ценился у мореходов, передавался из поколения в поколение и хранился у кормщика в специальном кожаном мешочке.

В зависимости от направления все ветры у поморов имели свои имена. Северо-восточный назывался «полуночником», «шольником» — юго-западный, «побережником» — северо-западный, «обедником» — юго-восточный.

Бережно хранили поморы свои рукописные лоции и карты. Назывались они по-разному: «Хода корабельные Русского окиян-моря», «Мыслии о ветрах», «Устав как суда водити», «Ход Груманландской». В них описывались берега, морские глубины, проливы, указывалось наилучшее время для прохождения того или иного водного участка.

С помощью ворвани — вытопленного жира морских животных — умели поморы «успокаивать» морскую нолну.

Русский путешественник и натуралист Иван Лепехин писал об этом в семидесятых годах XVIII века: «Средство сие состоит в ворваньем сале, которое во время заплескивания судна льют в море, или пускают подле судна мешки, наполненные оным.

Средство сие издревле нашим поморянам известно и за многие годы прежде было у них в употреблении, нежели европейские ведомства о сем средстве как некоем важном открытии были напечатаны».

Один из хранителей тайн

Издавна селились в Беломорье не только мореходы, судостроители, крестьяне, купцы, служивые люди, основатели монастырей и церквей. Тянулись сюда и отшельники, собиратели и хранители древних знаний и тайн. О них мало упоминалось в исторических документах и научных трудах, зато рассказывали об этих людях предания поморов.

Мне приходилось встречаться с хранителями древних тайн Севера. От них слышал, что порой в Белом море, как в Бермудском треугольнике, при загадочных обстоятельствах пропадают лодки с людьми и даже корабли.

Поиски ни к чему не приводили: не оставалось после подобного исчезновения ни обломков судов, ни даже пятен моторного или дизельного топлива.

Один из хранителей древних тайн по имени Никита уверял, что такие исчезновения связаны с «заборейцами». Он даже обещал мне показать «знаки заборейские», то есть еще не открытые наукой памятники, оставленные ушедшей цивилизацией.

Иди к Синему камню!

С ним я познакомился в самом начале своей первой экспедиции в Беломорье. Потом неоднократно встречался с этим странным человеком.

Никто не знал его фамилии и отчества, сколько ему лет, где живет зимой, когда появится вновь и куда уйдет.

Странник Беломорья — блаженный Никита... Летом его можно было увидеть на Соловецких островах и в селе Гридино, в устье Северной Двины и в Кандалакше, на мысе Крестовом и среди заброшенных изб на реке Варгуза. По слухам, зимовать Никита уходил куда-то в леса Кольского полуострова. Там, то ли в заброшенном скиту, то ли еще в каком-то укрытии, жил он до весны. А потом снова отправлялся бродить по Беломорью.

Находились свидетели, что встречали зимой блаженного в лесах на западе от озера Имандра. Там, где, по слухам, имеется тайный скит и где обитают колдуны загадочного и, как считается, исчезнувшего народа чуди. Сам Никита не любил распространяться о месте своей зимовки. Отвечал уклончиво: «Где полярну ночь проводил, там уж солнце все осветило, да растопило, да память мою перегрело...»

Говорят, много людей спас этот блаженный. Бывало, заблудятся в лесу туристы и останутся без еды, без надежды на спасение. Одолеет их отчаяние, а тут вдруг откуда ни возьмись Никита появляется.

А в котомке у него всегда сухари, крупа да разные консервы припасены. Накормит бедолаг, приободрит и на дорогу выведет. Да еще истории всякие расскажет о Белом море, о седой старине, о таинственных явлениях, что происходят на этих землях, об исчезнувших загадочных северных людях, которых древние греки называли гиперборейями.

Верить ему, может, и не очень верили, но слушали с интересом и относились к Никите с уважением.

Однажды шторм перевернул лодку с рыбаками. Людям вплавь удалось добраться до каменистого острова. От морской пучины спаслись, а что делать дальше — не знали. Ни воды пресной на том острове не было, ни дров, чтобы разжечь костер и согреться.

От жажды, холода и голода больше трех суток мучились рыбаки. Готовились уже смерть принять, да вдруг утихло море, и к островку причалил Никита на своей лодочке.

— Живите, сироты! Возрадуйтесь, понурые! Да не меня, а своего заступника Николу Мерликийского благодарите!

Потом блаженный рассказал рыбакам, будто во сне услышал голос самого Николая Чудотворца: «Проснись, Никита!.. Поднимай парус и иди к Синему камню! Спасай людей!»

К песням Терского берега

Лучше переждать. Между Умбой и мысом Святой Нос негде укрыться от шторма, нет на Терском берегу спасительных бухт, — советовали мне опытные поморы. Снова штормовое предупреждение. Еще один день ожидания в уютном заливе.

Умба — старый поселок. Издавна здесь живут рыбаки, лесозаготовители, строители. Сойдешь впервые на деревянный тротуар поселка, оглядишься и сразу становится ясно: главное богатство здесь — лес и море.

Корабли и лодки у причалов. Машины, груженные бревнами и досками. Запах копченой рыбы. Неторопливые разговоры жителей о штормовой погоде, о будущем лове трески, о лесных пожарах.

В поселке гостей принимают душевно и просто. Охотно рассказывали жители Умбы о родном Терском берегу, что тянется от устья реки Варзуги до мыса Святой Нос — на границе Белого и Баренцева морей. Реальные события прошлого переплетались с легендами, но совсем не хотелось разбираться, где правда в рассказах поморов, а где — вымысел.

Непременно кто-то из старожилков сообщал приезжим, что в Умбе побывал Сергей Есенин.

Вроде бы документальных подтверждений этому нет. Но в 1917 году, после путешествия поэта по Беломорью, появились строки:

Не встревожен ласкою угрюмою
Загорелый взмах твоей руки.
Все равно — Архангельском иль Умбою
Проплывать тебе на Соловки.

Все равно под стоптанною палубой
Видишь ты погорбившийся скит.
Подпевает тебе жалоба
Об изгибах тамошних раки.

Так и хочется под песню свеситься
Над водою, спихивая день...
Но спокойно светит вместо месяца
Отразившийся на облаке олень.

Может, и в самом деле они написаны после остановки Есенина в Умбе? Поэта интересовали предания, сказки, былины, песни поморов. А разве можно при этом обойтись без Терского берега?

В автобиографии Есенин отмечал, что был на Мурманском побережье, в Архангельске, на Соловецких островах. А в те годы суда, курсирующие между этими пунктами, обычно заходили в Умбу.

Я бродил по деревянным улицам поселка, поднимался на каменистый холм, оглядывал окрестность с высоты и так же, как жители Умбы, верил, что по этим тротуарам много лет назад ходил Есенин. Останавливался, разглядывал морские и лесные дали, корабли в бухте, суету чаек и видел в белой северной ночи нечто свое — заветное, никому еще не открытое...

И в старые времена, и в наши дни Терский берег манил к себе любителей народных песен и преданий. Но откуда здесь такое самобытное песнопение и легенды? Наверное, оттого, что на Терском побережье творчество произрастало и развивалось в особой, неповторимой среде. Способствовали этому отдаленность от городов и магистральных дорог, постоянный состав населения, устоявшиеся поморские традиции.

Зимними вечерами собирались женщины в одной избе, пряли, шили, вязали. И при этом обязательно пели и рассказывали предания...

Так и было в давние времена, и в семидесятых годах прошлого века. Сохранится ли эта добрая традиция и дальше?

Бесовы следки

Солнечные лучи. Дар великого светила земле. Они летят через космос и превращаются в траву, светлое море, теплую землю, улыбку человека. Птицы, звери, люди радость от прикосновения солнечных лучей выражают звуком, танцем, игрой. Человек издавна пытался закрепить свой восторг в камне.

Кто знает, час или день высекал он на скале солнечный круг. Наверное, зачарованный своим творением человек прикоснулся ладонью к высеченному кругу и ощущал тепло.

Каменные загадки Белого моря. Они встречаются здесь на каждом шагу. Рукотворные лабиринты на Соловецких островах, сейды на островах Русский Кузов и Немецкий Кузов, дорога из каменных плит на Кондострове.

Считается, что первые люди поселились на берегах Белого моря более пяти тысяч лет назад. Об этом свидетельствуют многочисленные археологические находки. Орудия труда времен неолита: каменные сосуды, рыболовные крючки, иглы, топоры. Украшения из бронзы и раковин. И наконец, петроглифы — рисунки на скалах.

Неподалеку от Беломорска у реки Выг — целая картинная галерея. На скалах высечены звери, птицы, рыбы. Люди в лодках, на лыжах, сцены охоты на лесных и морских зверей...

Встречаются и таинственные знаки: звезды, кресты, круги, овалы, треугольники, четырехугольники, изображения человеческих следов. Особенно запоминается фигура беса на красноватой скале и семь отпечатков его ступни. От этого в народе и пошло название «бесовы следки».

Беломорские петроглифы создавались много тысяч лет назад и не одним мастером, поэтому они помогают проследить и понять, как развивалось искусство древнего человека, а значит, и его мышление.

Возле наскальных рисунков древние жители Беломорья совершали культовые обряды, жертвоприношения, ритуальные танцы, обращались к божествам.

Время разрушает даже камни. Беломорские петроглифы тоже нуждаются в защите: от ветра, воды, перепада температур. И увя... прежде всего от человека.

Прямо на скалах, на которых творили неведомые мастера, современные дикари устраивают привалы — оставляют мусор, жгут костры, а иногда берут острый камень и пытаются рядом с древними рисунками нацарапать свои.

— Не ведают, что творят, — вспомнил я слова блаженного Никиты. — И быть каждому за эти грехи наказанным великими мучениями...

Проклятие осквернителям

Что и говорить, добрым был человеком Никита, лишь однажды я видел, как он лютовал.

Разожгли туристы костер неподалеку от камней с древними рисунками. А когда огонь погас, налетел с моря ветер и разметал золу. Попали остатки пепелища и на древнее творение.

Накинулся Никита с кулаками на туристов и прогнал их прочь. А сам долго потом отмывал наскальные изображения, поливая водой из котелка, очищая ладонями. При этом посылал проклятия на головы варваров-туристов.

— Да нахлебаться вам, ироды, водицы морской!.. Да охватит вас меряченье!.. Да придут к вам люди, что на скалах высечены!.. Да увидеть вам битвы старинные, огневные шаманские танцы-проклятия, приворожки и заманья, что беду вызывают и уносят в белые сны уставших богов!..

Рассказал мне тогда Никита, будто каждого, кто потревожит могилы или творения древних, неминуемо ждет наказание.

«Услышат они в какой-то день и час голоса забореев» — людей, живших в Арктике тысячи лет назад, тех самых, которых древние греки называли гиперборейцами. Вначале голоса будут неразборчивы, потом станут все ясней и ясней.

И прозвучит в тех словах назначение кары за содеянное. Приговором может стать болезнь меряченье. От нее человек впадал в безумство: влезал на скалу и кидался вниз, резал себя всевозможными острыми предметами, бросался головой в костер, плясал до смертельного изнеможения, перегрызал себе жилы, тянулся к Полярной звезде и шел к ней, не разбирая дороги, пока не оказывался в морской пучине или на дне реки.

Никто не вернулся

О загадочной психической болезни, прозванной в народе меряченьем, я слышал давно. Как толковали старики, приходит она из «проклятых» мест Кольского полуострова. Заболевают якобы чаще те, кто уничтожал древних идолов, наскальные изображения, разрывал захоронения, долго находился в «проклятых» местах, покушался на чужое добро и на заговоренные клады или пытался докопаться до каких-то древних тайн бесчестными способами. Эта болезнь возникала также под воздействием недобрых шаманских ритуалов, злых чар или после принятия специального отвара из ядовитой «печаль-травы». Выяснить, что это за трава, мне так и не удалось. А вот пораженных меряченьем или какой-то схожей болезнью, встречал на севере Скандинавии, в Сибири и Америке.

Люди превращались в зомби и лишались воли. Движения их становились то слишком резкими, сверхбыстрыми, то необычно плавными, заторможенными. Отрешенный взгляд устремлялся в одну точку и ни на что не реагировал. А потом вдруг глаза больного наливались жутковатым красным огнем. Казалось, этот огонь вот-вот испепелит всех. Охваченный меряченьем переставал ощущать боль и порой на короткое время становился ясновидцем. Он мог каким-то образом, мысленно, побывать в прошлом и будущем, а затем довольно точно предсказывать судьбу любому человеку. Загадочная болезнь изучалась медиками разных стран. И не только ими. В двадцатых годах из Москвы на Кольский полуостров была направлена секретная экспедиция для изучения этого заболевания. Удалось собрать какие-то материалы, но потом они таинственным образом затерялись в московских кабинетах ОГПУ, НКВД.

Интересовалась меряченьем и гитлеровская военная разведка абвер. Во время Второй мировой войны для изучения этой болезни и обрядов, связанных с каменными рукотворными

лабиринтами, на Кольский полуостров была заброшена специальная группа агентов. Но никто из них назад не вернулся и даже не отправил донесение в Берлин. Все бесследно исчезли в северных лесах.

Существует версия, что гитлеровское руководство каким-то образом увязывало загадочную северную болезнь с работой над созданием оружия массового психологического воздействия.

Говорили в народе, будто много лет назад заболел меряченьем и блаженный Никита. Спас его от смерти шаман. Заставил плясать в каменном лабиринте «танец очищения» и неотрывно смотреть на костер.

Всю ночь продолжалась эта странная пляска. Помогло. Вылечил шаман Никиту и передал ему якобы веление древних забореев: стать хранителем загадочных мест Беломорья и Кольского полуострова.

Не только духовный центр

Кто на Белом море бывал — Соловки не миновал» — так говорят и потомственные поморы, и те, кто впервые побывал в этих краях.

В конце XIX века известный русский историк Василий Ключевский писал о Соловецком монастыре: «Пустынный монастырь воспитывал в своем братстве особое настроение... особый взгляд на задачи иночества.

Основатель его некогда ушел в лес, чтобы спастись в безмолвном уединении... к нему собирались такие же искатели безмолвия и устроили пустыньку. Строгая жизнь, слава подвигов привлекали не только богомольцев и вкладчиков, но и крестьян, которые селились вокруг богатейшей обители как религиозной и хозяйственной опоры, рубили лес, ставили починки и деревни, расчищали нивы...»

Основанный в XV веке на Большом Соловецком острове монастырь стал не только духовным центром русских людей в Беломорье, но и опорой в дальнейшем освоении северных земель и морей. Вслед за монастырем здесь создавались скиты, промыслы, строились гавани, причалы, всевозможные мастерские, дороги, каналы, дамбы, разводились сады и огороды.

Не раз эта святая обитель становилась крепостью для завоевателей и местом спасения от разных бед многих русских людей. Но Соловецкий монастырь превращали и в тюрьму. Святым местом его сделали верующие подвижники, неприступной для врагов твердыней — герои, а острогом — большие грешники.

Как отмечал исследователь Севера журналист Генрих Гунн: «Ссылали на Соловки за «воровство», «измену», «дурость», «предерзостное жительство», «богохульные и непристойные речи». Никаких списков заключенных не велось, а имен некоторых и не знал никто...

Сюда был сослан поп Сильвестр при Иване Грозном, Симеон Бекбулатович — за обличение Лжедмитрия, при Петре — самозванец Салтыков, сообщники Кочубея. В XIX веке ссылались студенты Московского университета, декабристы, два графа Толстых «за некоторую вину». Прислан был особый колодник, называемый «бывший Пушкин». Что это был за человек, никто не знал».

Все, кто бывал на Соловках в XVIII и XIX веках, отмечали необычно суровые условия содержания каторжников и невозможность совершить побег.

В 1923 году монастырь упразднен. На острове был создан Соловецкий лагерь особого назначения. За несколько лет существования «СЛОНа» в нем побывало больше заключенных, чем за XVIII и XIX века.

Рукотворные лабиринты

Знамениты Соловки и загадочными древними сооружениями.

В книге «Магия пирамид и лабиринтов» я уже писал о беломорских лабиринтах и с

каким священным трепетом относился к ним блаженный Никита.

Сложены они из камней и представляют собою спираль диаметром от пяти до тридцати метров. В наше время камни возвышаются всего лишь на 10–40 сантиметров.

Когда созданы эти лабиринты — точно не установлено. Одни ученые считают — в первом тысячелетии до новой эры, другие называют более давние времена.

Для чего понадобились они древнему человеку?

Мне доводилось слышать разные версии. И что спирали, выложенные из камня, имели культовое назначение, и что это древние календари, и даже что они являлись ловушками для рыбной ловли. Хотя в море ни одного подобного лабиринта не обнаружено.

Очевидно, древние люди строили их для чего-то жизненно важного. Иначе трудно объяснить столь широкое распространение лабиринтов не только в Беломорье, но и в скандинавских странах. Некоторые исследователи утверждают, что есть они на Крайнем Севере Европейской России и за полярным Уралом.

Давний знакомый Никиты ученый Николай Виноградов, много лет изучавший загадочные строения Бе-ломорья, в двадцатых годах прошлого века писал: «Относительно лабиринтов Дании в литературе имеется всего лишь одно упоминание, что они там встречаются.

В Норвегии Нордстрем насчитывал несколько лабиринтов... В Швеции имеется более двенадцати лабиринтов... Пятьдесят (или около пятидесяти) расположены в тридцати приходах Финляндии.

Гораздо более (чем в Финляндии) этих сложений по северным берегам России... Соловецкие лабиринты представляют собою один длинный целостный ряд почти тождественных загадочных сооружений... охватывающих весь северо-запад Европы, начиная от Дании и до Северного Ледовитого океана».

Весть сама дойдёт к тебе

В первые Никита показал мне загадочные каменные сооружения в ненастный день. Дождь кропил мелко и холодно — совсем по-осеннему. Его капли блестели на травах и сосновых иглах, сверкающим бисером играли на потемневших от влаги камнях лабиринта. А потом налетел ветер и несколькими порывистыми взмахами невидимой кисти осветлил небо над маленькой бухтой.

Он звал за собой старые сосны. А деревья лишь покорно кивали макушками, но корнями крепко держались за камни и землю. Ветер злился, пуще задувал, однако так и не смог одолеть упрямые сосны.

Никита, казалось, не замечал ни дождя, ни ветра. Лицо его было сосредоточенным, губы слегка шевелились. Может, он шептал молитву, а может — какие-то старинные заговоры. При этом Никита медленно ступал по спирали лабиринта, иногда останавливался, наклонялся и прижимал ладонь к одному из камней, будто хотел почувствовать в нем что-то живое.

Блаженный имел свое объяснение происхождения лабиринта, отличавшееся от того, что мне удалось прочесть. Он называл их «мировыми узелками», связывающими землю с небом, огонь с водой, свет с темнотой, живых с мертвыми. По словам Никиты, построено их было «великое множество» и не кем-нибудь, а именно «потомками заборейцев». И якобы каждый род, каждая семья этого исчезнувшего народа создавала свой лабиринт.

— А ныне большинство «узелков» заросло травами, ушло в землю, и только «хранители» могут отыскать их, — пояснил Никита.

В записках Николая Виноградова говорится: «То небольшое число легенд о лабиринтах, что доводилось мне слышать, весьма отрывочны и не имеют реальной почвы.

Таковой является легенда о так называемых «сжимающихся» и «блуждающих» лабиринтах, а также о лабиринтах, под которыми на большой глубине якобы находятся непонятные пирамиды «вниз вершинкой», и о лабиринтах и с вовсе сказочными

возможностями — воспроизводства невидимого грозного оружия...»

О фантастических «сжимающихся» и «блуждающих» лабиринтах Никита почему-то не захотел рассказывать. Наотрез, решительно отказался, как я ни упрасивал его. Мне даже показалось, что он опасается говорить на эту тему.

А когда я поинтересовался упомянутыми в рукописях подземными пирамидами, которые «вниз вершинками», и что означает «невидимое грозное оружие», старик и вовсе сделал страшные глаза и замахал руками:

— Ничего не знаю. Да и тебе не советую расспросами заниматься. Молчи! Молчи о том и не думай... Коли понадобится кому надо — весть сама дойдет к тебе.

Как ни подмывало поинтересоваться, кому может понадобиться, чтобы до меня дошла весть о перевернутых пирамидах под рукотворными лабиринтами, о таинственном оружии, я все же сдержался и промолчал.

Заповедные земли Беломорья

Утром северный ветер усилился. Прошел короткий дождь. Все быстрее разбегались по заливу желтые пенистые гребешки. У горизонта клубились фиолетовые и синие туманы. Мачты судов, что спрятались от шторма в Кривозерской бухте, нехотя кланялись морю.

Волей-неволей в эти ненастные часы мне вспомнились слова старой песни:

Если ветер не бьет в паруса,
То они превращаются в тряпки...

День и ночь не утихал штормовой ветер. Зло и весело трепал он на берегу верхушки деревьев, гнал к югу мелкие тучки и, быть может, рыскал над волнами, отыскивая хоть один парусник.

Лишь через сутки выглянуло солнце и ветер сник. Я продолжил свой путь по Белому морю на небольшом рыболовецком суденышке. После выхода из Кривозерской бухты легли курсом на Кандалакшу.

Вскоре показался остров Великий — самый большой в Кандалакшском заливе. Это заповедная земля. Здесь живут лоси, медведи, куницы, лисы, в ручьях и озерах нерестятся кунжа и форель.

Кандалакшский — самый северный заповедник в нашей стране — был основан в 1932 году. Расположен он на многих островах, разбросанных вокруг Кольского полуострова в Белом и Баренцевом морях. На них гнездятся и отдыхают при перелетах гаги и тупики, полярные крачки и турухтаны, кайры и поморники.

Один из островов Кандалакшского заповедника — Харлов — стал в XVII веке царской «заповедью», где оберегали кречетов — ловких и стремительных птиц — для царской охоты.

Остались позади заповедные острова. Справа по борту в сизой пасмурной дымке — леса Кольского полуострова. Они тянутся до порта Кандалакша.

К причалу подошли, когда море, чайки и город погрузились в светлое ночное молчание.

Вещий танец среди камней

Однажды рассказал мне Никита, как давным-давно собрался он побывать в Петербурге. Зачем это ему понадобилось — не объяснил. Подходил он несколько раз к Северной столице, а войти не мог. — Что же тебе помешало? — поинтересовался я.

— Этот «узелок-лабиринт» чужой для меня. Не захотел впускать в свои чертоги, — загадочно ответил Никита. — Запутанный город. Много злых сил сплелось в том «узелке».

— Да что у него общего с лабиринтом? — удивился я. — Прямые линии кварталов,

улиц, проспектов...

— Все равно запутанный, — упрямо стоял на своем Никита. — На утонувших и ушедших под землю лабиринтах он стоит, на «узелках» из останков человеческих, загубленные души и замутненные помыслы по его улицам витают...

Указал мне блаженный на один из соловецких лабиринтов.

— Говорят, вон тот «узелок» руками «долгого царя» выложен. Да неверно это. Царь Петр только свой камень вставил в «узелок». А после того весь народ от этого места прогнали, чтоб не глазели да не сглазили. И царь в одиночестве совершил «вещий танец» среди камней...

По словам Никиты, некоторое время никто из приближенных и местных жителей не смел возвращаться к лабиринту, где Петр совершил таинственный древний танец. А когда царь закончил обряд, то увидел, как внутри лабиринта появилось озеро или скорее лужица.

Наклонился над водой царь. А оттуда «глядел на Петра его будущий град». И случилось вещее видение на Соловецком лабиринте, ровно за год до начала строительства Северной столицы.

Не знаю, насколько верна история, рассказанная Никитой, но Петр Алексеевич действительно побывал на Соловках в 1702 году, то есть за год до основания Санкт-Петербурга.

Целебная сила

По словам блаженного Никиты, создавались лабиринты в седые времена, когда «небесная колесница имела не семь, а девять звезд». Я догадался, что небесной колесницей он называл созвездие Большой Медведицы. Если верить объяснениям Никиты, было это около восьми-девяти тысяч лет назад. По его мнению, лабиринты служили для «заборейцев» и моделью устройства мира, и «хранилищем времени» (очевидно, под этим подразумевался календарь), и местом, где проводились обряды и где можно было найти исцеление от болезней и ран.

Свидетелем целительной силы «узелков» я стал сам, когда поранил руку и долго не мог остановить кровь. Блаженный провел меня тогда по спирали к центру лабиринта, затем велел не двигаться и закрыть глаза.

Он что-то прошептал и буквально через несколько секунд приказал:

— А теперь смой водицей кровь!

Я взглянул на руку и не поверил глазам. Рана превратилась в небольшую царапину с запекшейся кровью и больше не болела.

Услышать голоса звезд и морей

Как утверждал Никита, рукотворные лабиринты были своеобразными календарями. Древние люди определяли по ним время ловли рыбы, сбора лечебных трав и корней, промысла морского зверя и другие сезонные работы. Но, как это делалось, блаженный не знал.

А при рождении человека в спираль родового-лабиринта вставляли новый камень. Этот камень становился как бы именным покровителем новорожденного.

Здесь же древние люди закапывали пепел умерших соплеменников. Выложенная из камней спираль-лабиринт будто бы помогала душам мертвых быстрее покинуть землю и унести в космос в нужном направлении. Однако научного подтверждения тому, что под «мировыми узелками» находятся захоронения, пока не удалось заполучить.

Не только в Беломорье мне доводилось слышать от исследователей и знатоков древних тайн, что лабиринты являются своеобразным накопителем еще неизвестной человечеству энергии.

«Когда пройдешься по его «извивам» к центру, то твои деяния и мысли соберутся там и

долгое время будут сберегаться как тепло в неостывшей печи», — поясняли старики с Большого Соловецкого острова.

Здесь, в лабиринте, можно услышать голоса звезд, далеких морей и океанов, ощутить, как бьется сердце земли. Здесь, среди камней, далекое прошлое блуждает в обнимку с будущим. Здесь можно встретить, услышать, увидеть и почувствовать то, что уже было, то, что будет, и даже то, что никогда не случится.

Лабиринт может сам собой менять конфигурацию, по-новому запутывать свои проходы либо вовсе исчезнуть и появиться вновь, подчиняясь неведомым и неподвластным людям законам.

В память о погибших

Еще до знакомства с Никитой на беломорских островах Русский Кузов и Немецкий Кузов я осматривал странные сооружения, не менее загадочные, чем каменные лабиринты-узелки.

Называют эти творения древних сеидами. Создавались они так: валун размером с большой письменный стол устанавливался как бы на ножки из камней. На самом валуне горкой складывались маленькие камешки.

Многие из этих валунов издали напоминают животных. В древности жители Беломорья совершали здесь жертвоприношения, ритуальные танцы, просили богов послать им хорошую погоду, удачную охоту и рыбалку, не обижать души погибших соплеменников, особенно тех, кого поглотила морская пучина.

Некоторые сейды не были похожи ни на зверя, ни на птицу. И все же они мне что-то напоминали. Но что?

Я понял это, лишь когда стал спускаться с возвышенности острова к морю и обернулся. При взгляде снизу и при вечернем освещении валуны стали похожи на лодки. Тогда мне пришла мысль, что камушки на лодке-валуне могут олицетворять древних охотников и рыбок.

Количество камней на сеидах примерно соответствовало количеству людей в лодках, изображения которых были на скалах у реки Выг.

Возможно, много веков назад жители Беломорья возводили сейды в память о погибших соплеменниках. А может, их ставили в начале сезона охоты или рыбного лова, чтобы умиловить богов. Сколько на валуне камешков — столько людей в лодке погибло или отправилось за добычей.

Никита подтвердил мои предположения. Но при этом долго выспрашивал, не трогал ли я камни, не прихватил ли их с собой как сувенир, не побеспокоил ли души древних как-то по-иному.

Расспросы блаженного были не случайны. Заезжий на острова народ иногда «на память» прихватывал с собой камешки с сеидов.

Потом мне довелось увидеть, как Никита оберегал сейды от пришлых и даже разговаривал с ними. Каждую весну он появлялся на островах, чтобы совершить обряд омовения камней в море.

Бережно сгребал их Никита в свою котомку и подол рубахи, спускался к воде и долго полоскал, при этом что-то приговаривая. Потом снова карабкался вверх с тяжелой ношей и раскладывал камушки на прежние места. Теперь этого уже никто не делает...

Как уходил Никита

Он обещал показать мне «знаки заборейские» и открыть какие-то их тайны. Однако предупредил, что сделает это, лишь когда я стану «подготовленным» и снова приеду в Беломорье.

Как подобное должно произойти? По каким признакам я узнаю об этом? И что вообще

означает «подготовленный»? Никита не объяснил, только усмехнулся и пробормотал мне в ответ:

— Через много-много лет сам поймешь...

Но встретиться нам больше не довелось. О последних часах Никиты я узнал через много лет, когда снова побывал на Терском берегу. Старухи из поселка Умба рассказали, как он отправился в последний путь.

В тот год, весной, Никита, по своему обычаю, отправился на острова, где были сейды. Собирался совершить омовение священных камней. И тут произошла беда. Обронил он случайно один камушек в море. Как ни пытался блаженный, так и не смог его отыскать в воде. Загоревал Никита и отправился по беломорским селениям поведать о своем грехе:

— Загубил я душу древнюю... А потому должен принять наказание. Кого из вас обидел — простите и не поминайте недобрым словом... Ухожу вслед за погубленной душой...

Кто верил блаженному, кто посмеивался. Мало ли что наговорит убогий? Но только с той поры Никиту больше не видели.

— Сел он в лодку, — рассказывали старухи, — поднял парус и ушел навсегда.

И странное дело: даже те, кто не верил рассказам Никиты, утверждали, что наблюдали его уход в одно и то же время в разных поселках, в разных уголках Белого моря.

А еще говорили: как только отчалил от берега Никита, сразу стихли волны, и, откуда ни возмись, опустился на море непроглядный туман.

Не знаю, стал ли я спустя многие годы после встречи с блаженным Никитой «подготовленным» и достойным проникать в тайны времен и народов. Достаточно ли получил для этого знаний? Смогу ли уберечь себя и других от вековых проклятий?

Будущие экспедиции покажут.

Лазурь-огонь из подземелья

Природа часто сохраняет нам удивительные отзвуки прошлого. Целые столетия, а иногда и на протяжении тысячелетий она хранит следы древнего человека, пока его потомки обдуманно или

случайно не найдут их и не прочтут по ним о деяниях своих предков.

Георгий Ушаков

Призрак-олень

Стадо насторожилось. Какой-то неуловимый сигнал заставил оленей разом повернуть головы туда, где за рекой Месна уже различались во мгле сопки Анорзесда. В начале августа заполярная ночь еще очень робкая и едва набирает силы ненадолго пригасить дневной свет. Заболоченная тундровая равнина Канина полуострова лишь на два-три часа впадает в сонное затишье и покрывается темно-синей пеленой.

Короткий ночной сон северной земли. С шумом поднялась на крыло встревоженная казарка, облака налились багрянцем, а от беломорского берега в сторону Баренцева моря потянулась шумная стая гусей...

Их бестолковый гогот вывел оленей из оцепенения. Так и осталось неясным, что же хотели они разглядеть во мгле среди далеких сопок.

Матерый рогач с темным пятном на загривке вдруг отделился от стада. Как ошалевший жеребец, он вздыбился, а потом с силой ударил передними копытами землю. Несколько раз мотнул головой так яростно, что, казалось, вот-вот потеряет рога.

Странные, совсем не оленьи движения.

Вопросительно я взглянул на Василия, но старый оленевод молчал и внимательно наблюдал за непонятным поведением животного.

Наконец, олень успокоился и медленно побрел прочь от стада к реке Месна.

— Что это с ним? — поинтересовался я.

— Так чудит олень, когда одурманен подземным народцем. Они его выбрали. Он обречен. Не зря коричневая метя на холке, — спокойно пояснил Василий.

— Подземный народец? — переспросил я. — Ты имеешь в виду легендарную «чудь белоглазую»?

Старик кивнул в ответ, помолчал и неспешно пояснил:

— Сегодня ночью, в сопках Анорзеседа, виднелся их «лазурь-огонь» из подземелья. Верный признак, что народец готовится к охоте.

— С чем же они идут на зверя и птицу? С луками, с копьями? А может, у них есть ружья?

Мой насмешливый тон не задел Василия. Лицо его оставалось серьезным.

— Зачем им оружие? Когда «чуди белоглазой» понадобится олень, они выпускают из подземелья «призрак оленя», и тот отбивает от любого стада.

— Час от часу не легче... То сказочные подземные люди — «чудь белоглазая» и «лазурь-огонь», то животные-призраки, — попытался я повернуть на веселый лад разговор. — И как же ты допускаешь, чтобы какие-то гномы уводили из стада оленя?

Василий пожал плечами.

— Им перечить нельзя. Попытаешься остановить оленя, так он скоро все равно сдохнет, будто болезнь какая-то подкосит. А если его мяса попробуешь — сам свалишься, а от какой хвори — ни один врач не определит.

Я понял, что мой канинский знакомый не склонен шутить и весьма серьезно относится к таинственному и легендарному племени северных карликов.

— Видал, как насторожилось стадо? — невозмутимо продолжал Василий. — Призрак-олень беззвучен. Его едва можно разглядеть, и то лишь опытному глазу. А зверье и всякая животины чуют приближение призрака издалека.

— И часто сказочные человечки досаждают вам? — уже без всякой насмешки спросил я.

— Да нет, мы умеем с ними ладить. Один-два раза в год, как замечаем в сопках «лазурь-огонь» из подземелья, так приносим им подарок. Либо гуся подстреливаем, либо семгой или нельмой поделимся. Бывает, и оленя отдаем. А еще обязательно отбиваем от них заезжих. Либо запугиваем любопытных страшными историями, либо уверяем, что ни о какой «чуди белоглазой» не слышали.

— Ну, а мне-то почему рассказал? — удивился я.

— Да потому, что ты сам видел, как «подземельный народец» забрал оленя, — с готовностью ответил Василий.

— Ничего особенного я не видел. Мало ли куда олень отправился в одиночку! Может, пить захотел — вот и пошел к реке, без всяких призраков и сказочных человечков...

Мой упрямый тон не подействовал. Василий не собирался спорить. Лишь просто и равнодушно добавил:

— Олень с коричневой метой обречен и уже никогда не вернется...

Я взглянул в сторону реки, где только что виднелись над тундрой ветвистые рога.

Но пусто было там. И впрямь чудо! Олень мгновенно исчез на совершенно открытой, хорошо просматриваемой местности. Может, и в самом деле его увел за собой призрак?

давние свидетельства об этом загадочном народе упоминается в легендах, песнях, сказаниях почти у всех северных народов. Говорится о нем и в летописях, официальных документах, многочисленных трудах ученых и в записках путешественников.

Известный русский историк и государственный деятель, сподвижник Петра I, Василий Никитич Татищев писал о древней народности чудь: «Имя сие сарматское, тут значит сосед или знаемый, русские во оное заключали Естляндию, Лифляндию, но после, оставя имя Чюдь, все именовали Ливония. Оное положение, как видимо из древних северных и прусских писателей, задолго прежде Рюрика к Руси принадлежало...»

Некоторые летописцы не очень хорошо понимали этнические различия финских племен и «чудью» называли и предков современных эстонцев, и многие народности, населяющие Беломорье, и даже побережье Северного Ледовитого океана. Самыми загадочными являлись племена, которые в старину именовали «чудь белоглазая», «чудьзаволоцкая».

Их считали колдунами, подземными карликами, хранителями кладов и залежей руд, искусными кузнецами, злыми чародеями и даже людоедами.

Путешественник и натуралист Иван Иванович Лепехин во второй половине XVIII века посетил многие уголки России. О загадочных маленьких людях Севера он писал: «У самоедов и других северных народов существуют предания о живущих под землей людях. Самоеды называют их сиртье и говорят, что это народ, занимавший их страну раньше их и который после их прихода ушел в землю и живет еще там».

Другой исследователь Севера Александр Шренк в середине XIX века отмечал в своих записках: «...один самоед малоземельской тундры рассказал мне, что в настоящее время сирты живут под землею, потому что они не могут видеть солнечного света...»

Далее Шренк поведал, как этот самоед, то есть ненец, вздумал выкопать яму на одном холме и «...вдруг увидел пещеру, в которой жили сирты».

Один из них сказал ему: оставь нас в покое, мы сторонимся солнечного света, который озаряет вашу страну, и любим мрак, господствующий в нашем подземелье; впрочем, вот дорога, которая ведет к богатым соплеменникам нашим, если ты ищешь богатств, а мы сами бедны. Самоед побоялся следовать по указанному ему мрачному пути, а потому скорее закрыл вырытую им пещеру».

В якутском героическом эпосе Олонхо тоже говорится о карлике: «При сотворении мира на западном краю земли было очень большое озеро.

На восточной стороне его стояла одинокая маленькая юрта. Хозяином этой юрты был очень маленький человек. Шкуры одной белки хватало на всю его одежду: из спинки доха была, из брюшка — штаны, из задних лапок — торбаса, из передних лапок — рукавицы, из шкуры головы — шапка, из хвоста — боа.

Этот человек не знал, откуда и как он появился и как попал в свою юрту. Лишь спустя какое-то время карлик узнал от богатыря Айыы, что за неуживчивость божества спустили его в земной мир и при этом изменили — сделали маленьким человеком».

Во время моих экспедиций по Скандинавским странам, по Беломорью, на побережье и островах Северного Ледовитого океана приходилось слышать немало сходных легенд о карликах. У разных народов у них свои названия. Общее в преданиях то, что все эти «чудь белоглазая», альбы, цверги, сиртье, «Мамонтовы людишки», «белые карлы» и т. д. обладали непостижимой силой и тайными знаниями.

В случае опасности они уходили под землю, жили там среди несметного богатства: золота, серебра, мамонтовых бивней, какого-то загадочного «живого металла». Они умели пользоваться огнем из глубин земли, одурманивать людей, изготавливать лекарства и яды, принимать образ животных и растений, тумана, воды, камней.

О «чуди белоглазой» рассказывали, будто они могут создавать под землей так называемые перевернутые пирамиды. С помощью подобных сооружений карлики Севера освоили неведомую обычным людям энергию и даже научились «вызывать в небо четыре солнца» и заставлять «шептать луну». Зачем «чуди белоглазой» понадобилось целых четыре солнца и для чего нужно, чтобы ночное светило «шептало»? Ответы на эти вопросы я ни у кого не смог получить.

Черные печища

Легенды, песни, предания лишь упоминают о древних тайнах. Но человеку всегда важно получить некое материальное подтверждение событиям, явлениям, слухам прошлого.

Существуют ли такие свидетельства о загадочном народе Севера «чуди белоглазой»?

Сохранились ли их жилища, изделия, культовые сооружения и другие памятники?

Точно ответить на эти вопросы пока не могу.

В документах середины XVII века, связанных с Заонежьем, сообщается: «Сыскались, государь, на речке на Анданге, на суземе, на черном лесу чудские печища, и лесом, государь, те чудские печища поросли большим, обойма дерево по полутора, и по два, и больше».

В XVII веке печищем называли однодворную деревню, где проживала большая семья. Впоследствии так стали обозначать любую деревню в Заонежье и Архангельской губернии.

Однако заброшенные в северных дремучих лесах старинные избушки, якобы принадлежавшие «чуди белоглазой», называли черными печищами.

Те, кто знал о таких избушках, посторонним старались не рассказывать. Считалось большим грехом указать к ним дорожку. Ведь, согласно преданиям, «северные карлики»-чародеи нередко возвращались в свои покинутые много лет назад жилища. И, встретив там постороннего человека, могли ему здорово навредить.

И все же люди посещали тайком черные печища, которые до сих пор можно встретить в лесах Карелии, в Ленинградской, Мурманской и в Архангельской областях. Но даже отшельники остерегались в них селиться или хотя бы оставаться на ночлег.

Полусгнившие бревенчатые и необычно маленькие избушки приходилось видеть мне в верховьях реки Пинега.

При поверхностном осмотре можно предположить, что этим заброшенным строениям более двух веков. Размеры их едва превышают домики на детских игровых площадках. Взрослому человеку там не подняться в полный рост. Ничего особенного в черном печище обнаружить не удалось. Не встретились ни сами «северные карлики», ни явные следы их обитания.

Изумрудный дылда

В лесах на реке Пяльма, что впадает в Онежское озеро, я познакомился с местным охотником. Звали его Потапом. Жил он по какой-то неясной причине отшельником в полуземлянке, оставшейся от старого скита. Рассказал мне Потап, что когда в 15-16 веках русские стали обращать «чудь белоглазую» в православную веру, та не очень сопротивлялась. Но по наказу старейшего чудьского колдуна крестились только дети и молодежь, а старики ушли в свои потайные ямы, под которыми располагались так называемые перевернутые пирамиды. Туда же они унесли и сокровища, накопленные за многие века. И в первую очередь какого-то «дылду-шептуна» — священного истукана, выполненного из темного изумруда.

Откуда взялось столько драгоценного камня, чтобы изготовить идола, Потап не знал. Но уверял, будто маленькие человечки обладали несметными сокровищами. Сохранилось предание, что «из золота и драгоценных камней северные карлики собирались соорудить «дылде-шептуна» — главному своему идолу, покровителю и предсказателю особое жилище: пирамиду, только перевернутую маковкой вниз».

Лишь тогда якобы изумрудный истукан раскроет «чуди белоглазой» все тайны прошлого и нашепчет будущее до самого последнего дня земной жизни людей.

Уже не в Заонежских лесах, а на Полярном Урале, в Финляндии и на норвежском острове Серейя мне доводилось слышать описание изумрудного «дылды-шептуна» и о том, как в разные времена его пытались отыскать охотники за сокровищами. Пытались, да ничего хорошего из этого не выходило. Никому не давался в руки драгоценный истукан. А многие искатели «дылды-шептуна» бесследно исчезали в северных лесах и болотах... Конечно, в тех дремучих местах немудрено пропасть, но многие считали: искателей похищали и уводили в свой мир подземные карлики.

Знамение и предсказание

Давно известно: чем знаменитей человек, тем больше сложено преданий, былей и небылиц о его жизни и смерти. Царь Иван Грозный — не исключение. О кончине государя подробно писал Николай Михайлович Карамзин: «Крепкий сложением, Иоанн надеялся на долголетие; но какая телесная крепость может устоять против свирепого волнения страстей, обуревающих мрачную жизнь тирана? Всегдашний трепет гнева и боязни, угрызение совести без раскаяния, гнусные восторги сластолюбия мерзостного, мука стыда, злоба бессильная в неудачах оружия, наконец, адская казнь сыноубийства истощали меру сил Иоанновых: он чувствовал иногда болезненную томность, предтечу удара и разрушения, но боролся с нею и не слабел заметно до зимы 1584 года.

В сие время явилась комета с крестообразным небесным знамением между церковию Иоанна Великого и Благовещения. Любопытный царь вышел на Красное крыльцо, смотрел долго, изменился в лице и сказал окружающим: Вот знамение моей смерти!

Тревожимый сею мыслию, он искал, как пишут, астрологов, мнимых волхвов, в России и в Лапландии, собрал их до шестидесяти, отвел им дом в Москве...»

По слухам, дом для северных предсказателей был выделен вначале в Китай-городе, а затем в Кремле. Царский любимец боярин Богдан Яковлевич Вельский ежедневно навещал их и расспрашивал о небесных знаках, о болезни государя. Потом слова волхвов передавал Ивану Васильевичу.

— А крепки ли в своих познаниях те чародеи-кудесники? — каждый раз интересовался государь.

— Мудры, серьезные, прозорливы! — отвечал Вельский. — Вот только один попался неказистый. Малехонький — у коня под брюхом пройдет не согнувшись, и молчун к тому же. Зато бородачи у него по земле волочится. Все чародеи речи мудрые глаголят, а этот ходит кругами по горнице, пол бородой метет и свистит.

— Где ж такого бестолкового отыскиали? — удивился Иван Васильевич.

— Из-под Каргополя доставили, — пояснил боярин... — В тамошних лесах молодцы его изловили. А сам он из «чуди белоглазой» происходит. Хотел окаянный по их обычаям в землю уйти, да не успел. За бороду извлекли...

Как гласила молва, астрологи и волхвы предсказали день кончины Ивана Грозного. Конечно, такое известие очень расстроило царя. Он приказал провидцам под страхом смерти никому не сообщать о своих прогнозах.

Карамзин, ссылаясь на современника Ивана Грозного, писал, что царь сказал Вельскому: «Объяви казнь лжецам астрологам: ныне по их басням мне должно умереть, а я чувствую себя гораздо бодрее».

Но день еще не миновал, ответствовали ему астрологи. Для больного снова изготовили ванну; он пробыл в ней около трех часов, лег на кровать, встал, спросил шахматную доску; хотел играть с Вельским... вдруг упал и закрыл глаза навеки.

...В сии минуты царствовала глубокая тишина во дворце и в столице: ждали, что будет, не дерзая спрашивать. Иоанн лежал уже мертвый, но еще страшный для предстоящих царедворцев, которые долго не верили глазам своим и не объявляли его смерти. Когда же решительное слово «не стало государя!» раздалось в Кремле, народ завопил громогласно».

Под кровом вечной тишины

Конечно, в первые дни после смерти царя никому не было дела до астрологов и волхвов. Наконец, вспомнили о них. Решил Богдан Вельский отпустить предсказателей. Незачем им теперь в Москве отсиживаться на казенных харчах. Явился боярин в дом, где проживали астрологи и чародеи. Все оказались на месте. Вот только «малехонький свистун» куда-то запропастился.

Начал Вельский предсказателей расспрашивать, а те руками разводят:

— Не знаем, боярин-кормилец, как и куда «чудин-белоглазый» подевался. Свистал-свистал кроха, да и просвистал жизнь государя. Поди погляди, боярин, может, и

сокровищ царских теперь не досчитаешься...

Неизвестно, выполнил ли Вельский совет предсказателей, но по Москве несколько дней шли поиски маленького северного чародея. Найти его не смогли, зато поползло по городу множество слухов о таинственном человечке с длинной бородой. Носился он по Москве с огромным мешком и все тосковал по родному Северу. Пытался будто бы проскочить через городские заставы, да никак не удавалось.

Из-за этого обозлился «чудин-белоглазый» на жителей столицы и принялся мстить. По ночам забирался он в свой мешок и замирал прямо на дороге. А заслышав шаги одинокого прохожего, начинал хрюкать и гоготать.

Прохожий радовался, что нашел нежданно свинью или гуся, и кидался к мешку. Тут-то его «чудин-белоглазый» хватал за руку и утаскивал в подземелье.

Не доносит древняя молва, сколько времени так измывался маленький чародей над москвичами. Но и спустя века от знатоков преданий и поверий можно было услышать, что еще блуждает по московским подземельям неприкаянный седовласый карлик. Заманивает он туда горожан обещаниями несметных богатств и навсегда оставляет в темном царстве. А сам еще и жалуется несчастным, будто никак не может он вырваться из здешнего подземелья и уйти в родной северный край.

Конечно, слишком сказочными выглядят рассказы о таинственной «чуди белоглазой». И все-таки предания о ней притягивают к себе и любознательных слушателей, и ученых, и поэтов разных народов и поколений.

Может, и Александр Пушкин, услышав легенды о сказочных способностях «чуди белоглазой», впоследствии отразил свои впечатления в поэме «Руслан и Людмила»:

Между пустынных рыбарей
Наука дивная таится.
Под кровом вечной тишины,
Среди лесов, в глуши далекой
Живут седые колдуны;
К предметам мудрости высокой
Все мысли их устремлены;
Все слышит голос их ужасный,
Что было и что будет вновь,
И грозной воле их подвластны
И гроб и самая любовь.

Страж Полярной Звезды

*Северный океан есть пространное поле, где усугубиться может
Российская слава, соединенная с беспримерною пользою
через изобретение восточно-сибирского мореплавания...*

Михаил Ломоносов

И «острые горы» и «падающая ледяная глыба

В переводе с голландского «Шпицберген» означает «Острые горы». Такое название дал северному архипелагу в XVI веке знаменитый путешественник Биллем Баренц. Пытаясь отыскать северо-восточный проход из Атлантики в Тихий океан, он совершил три экспедиции по северным морям. Последнее путешествие закончилось трагически. Летом 1597 года голландский мореход умер. Это случилось когда участники экспедиции были

вынуждены покинуть свой корабль, затертый льдами у побережья Новой Земли, и отправиться в обратный путь на двух лодках.

Норвежцы Шпицберген называют Свальбардом. В XIII веке датский историк Саксон Грамматик сообщал, что на островах этого архипелага жили очень высокие люди. А название «Свальбард», или «Холодный Берег», дали прибывшие туда викинги.

Свежевание кита (старинная гравюра)

Но на Шпицбергене многочисленные экспедиции пока не нашли никаких следов и свидетельств пребывания там викингов.

Наши поморы стали осваивать эти острова задолго до экспедиции Баренца. Некоторые исследователи полагают, что новгородские мореходы бывали там еще в X веке. Русские называли архипелаг Грумантом.

Примерно так в старину именовали Шпицберген и в некоторых других странах. Немецкий ученый Иеронима Мюнцер в 1493 году писал португальскому королю Жуану II: «...Под суровой звездой арктического полюса... открыт большой остров Груланда...на котором находится величайшее поселение людей под... господством великого герцога Московии».

Но что означает слово «Грумант»? Некоторые исследователи считают, будто это измененное на старорусский лад «Гренландия».

Но есть и другая версия. Известно, что у знатоков «Студеного моря» — русских поморов — была примерно сотня терминов для обозначения различных видов льда. В старину падающую в море ледяную глыбу они якобы называли «грума» или «грумана».

На Шпицбергене, изобилующем ледниками, падающие в море глыбы льда — явление частое. И в наши дни, и в древние времена. Возможно, так и появилось обозначение архипелага.

В судовом журнале экспедиции известного русского путешественника, адмирала Василия Чичагова, побывавшего на Шпицбергене в 1766 году, отмечено: «Примечательно, что всякий день отваливались от ледяных гор превеликие льдины».

Освоение архипелага

Это привлекало в древности людей к этим суровым ледяным берегам? Согласно научным данным, на протяжении геологической истории Шпицбергена климат там неоднократно менялся. Миллионы лет назад эта северная земля утопала в тропической растительности. Из этой растительности и образовались впоследствии богатейшие залежи каменного угля.

Но в средние века и русских людей, и жителей Скандинавии Шпицберген привлекал, конечно, не углем, а изобилием морского зверя и рыбы.

Русские охотники добывали на архипелаге тюленей, моржей, белых медведей, песцов, занимались и китобойным промыслом.

Очевидно, богатой была добыча на Груманте, раз люди отваживались преодолевать

нелегкий и опасный путь с материка и даже зимовать на островах.

Представители известного поморского рода Старостинных появлялись на Груманте еще до 1435 года. А один из их потомков, Иван Старостин, зимовал там 39 раз.

Норвежский дипломат и исследователь Анкер отмечал: «По количеству зимовок Иван Старостин установил рекорд, который не смог побить никто из людей, зимовавших на Шпицбергене».

На самом большом острове архипелага мыс у входа в Ис-фьорд назван в честь этого охотника.

Русские люди строили на Шпицбергене не только жилье и склады, но и возводили по берегам деревянные восьмиконечные кресты. У их подножия наши первопроходцы хоронили своих товарищей. А еще эти кресты являлись, по давним поморским правилам, навигационными знаками. Их перекладыны указывали на север и юг.

Грумант батюшка

Конечно, у поморов, которые хаживали на Грумант, были и свои особые традиции, обряды, приметы, песни, предания. Разве можно без них обойтись в студеные ночи полярной зимы, на далеких от родного дома островах?

Наверное, одним из самых известных грумантских песнопевцев и сказителей был Самсон Ксенофонович Суханов. Родился он в 1766 году в крестьянской семье, в Вологодской губернии.

В юности ему доводилось вместе с охотниками-промысловиками зимовать на Груманте. В дальнейшем Самсон Суханов стал знаменитым каменотесом. Благодаря его мастерству появился в Москве пьедестал памятника Минину и Пожарскому, в Петербурге — Александровская и Ростральные колонны у здания Биржи, скульптурные группы Горного института, статуи воинов на башне Адмиралтейства, ряд колонн Исаакиевского и Казанского соборов. Знакомые Самсона Ксенофоновича вспоминали, что, живя в Москве и Петербурге, мастер порой тосковал по северным просторам и частенько вспоминал Грумант.

Нередко он пел сочиненные им песни и рассказывал приятелям были и предания «ледяных островов».

Грумант, угрюмый, прости!
На родину нас отпусти!
На тебе жить так страшно
— бойся смерти всечасно...

Хоть и опасен этот северный архипелаг, а все же манил он к себе людей: и тех, кто уже бывал на нем, и тех, кто лишь слышал о нем.

Суханов записал немало грумантских преданий и даже особых заговоров и традиций. Когда поморы подходили к островам архипелага, обязательно произносили нараспев:

Прими и отпусти, Груман-батюшка! Прими нас как гостей желанных.
Сохрани и обереги от смерти и печали. Отпусти нас невредимыми и с богатыми дарами своими.

При подходе к берегам поморы бросали в море или на лед какой-нибудь предмет — «гостинец батюшке Груману» — и обязательно гладили несколько раз ладонью воду, лед и какой-нибудь камень на острове и приговаривали: «Вот мое тепло тебе — «студеному батюшке». Сбереги его и меня не забудь».

К сожалению, большая часть записей Самсона Суханова не сохранилась. Издавна

документам, связанным с освоением Севера, на Руси почему-то не везет. Их воруют, увозят за границу, нечаянно или намеренно уничтожают, по разным причинам прячут от всех в тайниках. А сколько документов было уничтожено в огне! Так, например, в 1779 году полностью сгорел богатейший архив Архангельской губернской канцелярии. Много ценных бумаг исчезли в пожарах Иркутского, Тобольского, Якутского и других архивов.

Самсон Суханов умер в 1840 году. Говорят, перед смертью он вспоминал свою молодость, хождения по морям и землям студеным и нелегкое зимовье на архипелаге. При этом мастер добавлял: «А ведь отпустил меня Грумант-батюшка с богатыми дарами...»

Ружьецо, рожок да топорок

В 1719 году вышел в свет роман «Робинзон Крузо». Через несколько месяцев он принес мировую славу его автору Даниелю Дефо. История шотландского моряка Александра Селькирка, прообраза Робинзона, была издана в большинстве стран мира. У Даниеля Дефо нашлось много последователей и подражателей. Робинзонада не давала покоя многим литераторам. Появились сотни произведений, в которых рассказывалось о потерпевших катастрофу и выживших на необитаемых землях.

Так было в литературе. А в жизни? История знает немало случаев «робинзонад» со времен Древнего Египта до наших дней.

В 1766 году была издана небольшая книга «Приключения четырех российских матрозов к острову Ост-Шпицбергену бурей принесенных». В ней описывалась подлинная история. Автор книги Петр-Людвик Ле Руа в 1731 году приехал в Россию. Занимался научной деятельностью и преподавал в Петербурге.

Когда сподвижник императрицы Елизаветы граф Петр Шувалов узнал о «робинзонаде» четырех поморов, то поручил Ле Руа написать об их приключениях.

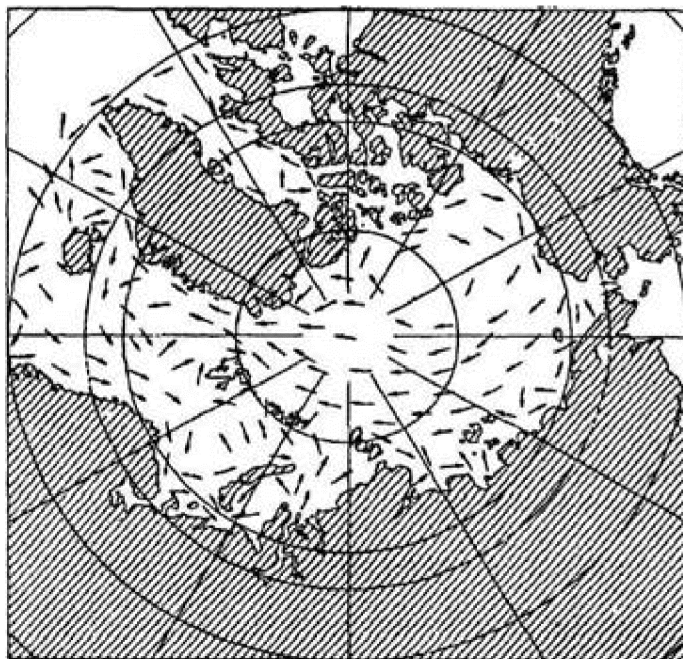

Схема поверхностных течений в Центральной Арктике

Спустя почти два столетия, исследуя эту работу, профессор М.И. Белов отмечал: «Изучение биографических материалов показало, что в книге Ле Руа допущена грубая ошибка в написании фамилии Инковых и имени Хрисанфа Инкова, который ошибочно назван Иваном.

В связи с обнаружением новых материалов необходимо внести соответствующие поправки в список четырех груманланов, зимовавших на Шпицбергене: это Алексей Иванов

Инков, Хрисанф Прокопьев Инков, Федор Андреев Веригин, Степан Стахеев Шарапов...

...читатель вправе задать вопрос, насколько документально обосновано то, о чем рассказывается в повести. Теперь он познакомится с подлинными именами, с доказательствами бесспорности самого подвига».

Казалось бы, произошло невозможное — люди выжили за семьдесят седьмой параллелью на заледеневшем каменистом острове!..

Одно дело потерпеть кораблекрушение и спастись на необитаемой земле в теплом климате, где изобилие фруктов, животных и растений. Но в Арктике, с ее морозами, полярными ночами, пустынными ледяными землями?! К тому же, в отличие от Робинзона Крузо, который смог прихватить с разбитого корабля много полезных вещей, русским мореходам так не повезло.

Когда впоследствии поморов спросили, что у них было, кроме одежки, они ответили: «Ружьецо, рожок да то-порок...» Кроме этого в рожке было пороха на двенадцать зарядов, на столько же пуль да еще «маленький котел, двенадцать фунтов муки в мешке, огнянка и несколько труту, ножик, пузырь с курительным табаком и по деревянной трубке».

Шесть лет Арктического пленения

Мореходы, родом из Окладниковой слободы с реки Мезень, прожили на затерянном во льдах островке шесть лет и три месяца. Трудно поверить, что люди могли продержаться столько времени на этом «осколке» Шпицбергенского архипелага. «А мы верили, молились и трудились — вот батюшка Груман и не забрал нас», — говорили русские робинзоны, когда вернулись домой.

В книге Ле Руа говорится, что из Мезени отправился корабль с четырнадцатью поморами для охоты на китов и моржей.

У одного из островов Шпицбергенского архипелага судно попало в ледяной затор. Поморы поняли, что им не вырваться из этого плена до весны, и решили искать место для зимовки. «Ибо они ясно видели, что каким-нибудь случаем погибнут, ежели останутся на море. Чего ради отправили четырех человек с судна искать...

Как сей остров был совсем пуст и необитаем, то им непременно надлежало снабдить себя оружием и съестными припасами... принуждены они почти целую милю идти по льдинам... отчего они имели в пути столько опасностей, сколько и трудностей. Следственно, им не должно было много при себе иметь груза, дабы не провалиться и не потонуть», — писал Ле Руа.

Алексей и Хрисанф Инковы, Веригин и Шарапов сумели добраться до острова и отыскивали там хижину, которую когда-то соорудили поморы.

«...По утру на другой день пошли они на берег, чтобы пересказать своим спутникам о своем счастье и чтобы вынести из своего судна съестные припасы, всякое оружие и, словом, все те вещи, которые почитали нужными для препровождения зимы на сем острове.

... Пришед на место, где они вышли на берег, они увидели только отверстое море и совсем не нашли льду, которым оно накануне покрыто было, но, к самому большому своему несчастью, не увидели и судна. Поднявшаяся в прошлую ночь жестокая буря причинила сие великое бедствие.

Думать можно, что или стеснившие судно льдины разломались и, с стремлением наперши, разрушили его; или они умчали его с собою в пространное море, или оно от какого-нибудь другого случая погибло... и как сие обстоятельство удостоверило их, что им нет больше надежды оставить сего острова, то возвратились они с великою печалию назад в свою хижину...»

Двенадцатью имевшимися у них пулями они добыли двенадцать оленей. Ни одного промаха...

Однажды на берегу нечаянные островитяне обнаружили выброшенное штормом старое бревно. В нем оказался железный крюк. Может, бревно это было обломком погибшего

корабля.

Из крюка поморы сделали наконечник для копья. Этим оружием они уложили белого медведя. Его жилы пошли на изготовление тетивы. Луки и стрелы островитяне вырезали из остатков деревьев, занесенных морским течением от материкового побережья.

Вот с помощью такого примитивного оружия поморы добыли около двухсот пятидесяти оленей. Песцов они ловили немудреными силками. Из шкур шили обувь и одежду самодельными иглами из рыбьих костей.

Ле Руа подробно описывал способы выживания поморов на необитаемом острове: «Всех к прибавлению жизни средств вдруг изобрести не можно, но обыкновенно отворяет нам глаза нужда и приводит на ум такие вещи, которых бы в другом случае совсем и вздумать не можно было.

...Они принуждены... долгое время есть почти совсем сырое мясо и притом без соли, которой совсем у них не было, и без хлеба. Безмерная стужа в сей стране и разные неуютности не позволяли им надлежащим образом варить мясо: в хижине у них была только одна русская печь, следовательно, в ней не можно было ставить котлов. С другой стороны, претерпевали они великий недостаток в дровах, ибо ежели бы разводить им огонь и на дворе, то бы от того не могли пробавиться дровами для своей хижины.

Наконец, беспрестанный страх и опасение от белых медведей препятствовали стряпать кушанье и на дворе.

...чтобы отвратить недостаток в дровах, который их принуждал есть сырое мясо, вздумали они обвешивать оным свою хижину, которая... каждый день была наполнена дымом, восходящим вверх... она служила им некоторым образом вместо коптильни... развешивали они мясо на палочках, в верхней части кровли укрепленных, так что медведи не могли его доставать...»

Севера и возвращение домой

Лишь один из четырех русских робинзонов не дождался спасения. Случилось это незадолго до окончания островного пленения. Цинга... Эту болезнь, вызываемую нехваткой витаминов, не зря называли «наказание Севера». Сколько жителей Заполярья, путешественников, ученых, рыбаков и охотников она погубила! Не миновала цинга и четырех поморов. С их слов Ле Руа описал это постигшее их «наказание Севера».

Хрисанф Инков, которому уже доводилось зимовать в Арктике, поделился с товарищами, как обезопасить себя от страшной болезни.

«Он говорил им, что должно: 1) есть сырое и мерзлое мясо, разрезавши его на мелкие кусочки; 2) пить совсем теплую оленью кровь, как скоро его убьешь; 3) делать сколько можно движения телу и 4) есть сырой ложечной травы (*Cochlearia*) по столько, сколько можно будет, ибо сие растение одно токмо, да и то в нарочито малом количестве, здесь попадает...»

...всяк знает, что ложечная трава имеет сильное действие в излечении цинги... Трое матросов, употребляя оное, избавились совершенно от сей скорби...

Четвертый, по имени Федор Веригин, показывал всегда непреодолимое отвращение от оленьей крови; сверх же того он был не проворен и весьма ленив и оставался всегда почти в хижине.

С самого начала прибытия его на остров впал он в сию болезнь, а в следующее время усилилась она в нем так жестоко, что он почти шесть лет в бессилии несносном страдании препроводил. В последние годы своей жизни лежал он беспрестанно в постели, у него не доставало больше сил, чтобы встать прямо, и ниже он привести рук ко рту. Сие принудило спутников кормить его до самой смерти, подобно как новорожденного младенца».

Вынужденных зимовщиков обнаружили такие же, как и они, охотники за морским зверем. Когда их после шестилетней отлучки доставили на родной мезеньский берег, все трое заявили: «Больше в студеное море не пойдем... Охолодились до скончания дней

своих...»

Но, как говорится в предании, бывшие пленники Грумана «за месяцок отогрелись, оттаяли, вволю наелись хлебушка, грибов и ягод, и вновь потянуло их в студеное море».

Перед тем как снова заняться привычным делом, невольные островитяне побывали в Петербурге. Их вызвал в столицу граф Шувалов, чтобы они подробно рассказали о своих приключениях.

Так о мужестве поморов узнали во многих странах. Книга «Приключения четырех российских матрозов к Ост-Шпицбергену бурей принесенных» была переведена на английский, голландский, итальянский, немецкий и французский языки. Она вызывала у читателей XVIII века не меньше восторга, чем знаменитое творение Даниеля Дефо.

А что сегодня? По-прежнему популярен и почитаем во всем мире и в России Робинзон Крузо, а вот о наших героях — Алексее Инкове, Хрисанфе Инкове, Федоре Веригине, Степане Шарапове — преодолевших островное пленение, не сломленных заполярными стужами и ночами, вспоминают мало.

Луч солнца в куске льда

Известный французский журналист Анри Лашамбр побывал на Шпицбергене в конце XIX века. С восторгом описывал он летние погожие дни этой северной земли: «Как только рассеивается туман, глазам представляется целый ряд ледяных зданий, крепостей, соборов самых фантастических форм. Одни величественно неподвижны; другие медленно передвигаются, несмотря на свою чудовищную величину, и при каждом колебании их зеркальная поверхность отражает целый сноп лучей цвета изумрудов, рубинов и сапфиров.

По бокам этих льдин струятся многочисленные водопады, свергающиеся сначала в бассейны, образовавшиеся в самых основаниях этих чудовищных ледяных гор, а потом вливающиеся в море. Все эти большие и маленькие водопады освещаются горячими лучами яркого солнца...

Эта полярная природа, которую считают такой бедной, холодной и безжизненной... сверкает всеми цветами драгоценных камней, представляет настоящий фейерверк, который появляется и исчезает двадцать раз в минуту под влиянием солнечных лучей...

О человек, что ты такое рядом с этим величественным зрелищем?

Как ничтожны твои самые роскошные театральные декорации в сравнении с тем, что видишь здесь, где всю обстановку составляют вода и солнце! Как ничтожны все чудеса, придуманные тобой, созданные величайшими искусствами, наряду с чудесами красок и блеска, которые производит световой луч, проникая в кусок льда!...

В тот погожий день Анри Лашамбр и его спутники отправились на катере в залив Магдалены. Один из знатоков Шпицбергена показал журналисту место на берегу, где «...находится громадное подземное кладбище, существующее уже несколько веков. Китоловы из Смереенбурга хоронили здесь своих мертвецов».

Когда Лашамбр заметил, что нынешний праздник солнца и льда совсем не вяжется с этим печальным местом, ему ответили: «Такая игра солнца со льдом бывает здесь, лишь когда малыш Якоб приходит почтить своих предков».

Застывшая темень и слабая вода

XVI веке голландские китобои стали осваивать прибрежные воды Шпицбергена. Весть о том, что богаты эти места морскими животными, разнеслась по всей Европе. Летописцы отмечали, что в XVII столетии в районе архипелага в охотничий сезон собиралось до 15 тысяч промысловиков. Одновременно подходило около 300 английских, голландских, датских, немецких, шведских кораблей.

Такое скопление китобоев нередко приводило к ссорам и вооруженным конфликтам. Случалось, что морские охотники отбивали друг у друга добычу, убивали команду

конкурентов, а судна соперников топили.

Иногда свои злодеяния они потом оправдывали тем, что «страж Полярной звезды — Шпицберген» потребовал новых жертвоприношений.

Среди китобоев ходила легенда, будто этот северный архипелаг, как некий злой дух, служит Полярной звезде и может по ее повелению превращаться в застывшую от арктических морозов «живую говорящую темень». Она нашептывает и напевает слова, от которых человек сходит с ума и погибает. Эта «застывшая темень» не пропускает людей дальше на север, если не получит жертвоприношения.

Рассказывали арктические китобои и о «слабой воде». Внезапно появляется она в нескольких милях от северных берегов Шпицбергена. Любой корабль и даже легкая лодка не могут преодолеть ее. Все плавающее в обычных условиях словно проваливается в морскую бездну. «Слабая вода» не щадит мореходов и не оставляет никаких следов на поверхности от погибших судов.

Почему она появляется, а затем внезапно исчезает — знает лишь сам Шпицберген да самые посвященные в тайны Севера волхвы и шаманы. Однако и они не могут защитить людей от злой воли «стража Полярной звезды».

Интересно, что легенды о так называемой «слабой воде» существуют также у китайцев, полинезийцев, у некоторых племен северо-американских индейцев.

Кровавая сделка

Сколько островов в архипелаге Шпицберген?

В XVI–XVII веках этого никто не знал. Среди охотников на морского зверя ходили слухи, что их несколько тысяч и они не поддаются подсчету. Сама Полярная звезда по каким-то причинам не позволяет сделать это. Ну, а тот, кто вдруг сумеет сосчитать все острова Шпицбергена, получит власть над этой арктической землей, морским зверем и рыбой. А еще он научится понимать «застывшую говорящую темень». А это значит, что откроются ему многие тайны Севера и самой Полярной звезды.

Люди, которые нарушили студеной покой Шпицбергена, добывая рыбу и зверя в его водах, должны платить кровавую дань. Сколько островов в архипелаге — столько будет отнято человеческих жизней.

Даже в те далекие времена многие понимали, что подобные легенды китобои рассказывали для запугивания конкурентов. Но проявлять недоверие не решались. А вдруг и впрямь осерчает «застывшая говорящая темень» или попадешь на «слабую воду»?

В начале XVII века голландцы создали на западном побережье Шпицбергена несколько постоянных поселений охотников на морского зверя и даже основали городок Смереенбург. Это название переводится как «Город ворвани». Ведь многие жители его не только занимались охотой и рыбной ловлей, но и вытапливали жир морских животных. Ворвань затем отправляли для продажи на материк.

В одной шпицбергенской легенде говорится, что основали Смереенбург китобои из Амстердама, которых возглавлял Гуго-Единорог. Такое прозвище предводитель получил после того, как совершил тайную сделку со Шпицбергеном.

Впрочем, эта тайна вскоре открылась для всех жителей Смереенбурга. Но о ней шептались с оглядкой.

Оставив своих товарищей на побережье, Гуго один вышел на лодке в море. Три дня он пытался сговориться с «застывшей темней» — духом архипелага. А на четвертый потерял сознание. Когда очнулся, его лодка была уже на берегу. В кулаке Гуго оказался неизвестно откуда осколок бивня нарвала.

Предводитель китобоев понял: сделка со Шпицбергеном состоялась. Жителям Смереенбурга отныне станет сопутствовать удача в промысле, но за это архипелаг — Страж Полярной звезды — заберет столько человеческих жизней, сколько у него имеется островов.

Поведал Гуго своим товарищам, что им разрешается добывать любого кита, кроме

нарвала-единорога. Отныне это животное — покровитель Смереенбурга.

Осколок бивня Гуго стал носить на цепи на шее как талисман, а люди прозвали своего предводителя Единорогом.

Багровое копье

Предание об этом нарвале и сегодня можно услышать от жителей северного норвежского города Тромсе. Но, возможно, появилось оно много веков назад среди охотников на морского зверя, рыбаков и добытчиков пушнины. В справочной литературе сообщается, что единороги не превышают шести, а их винтообразно закрученный бивень — трех метров. Питается этот вид китов головоногими моллюсками и рыбой. А грозное оружие — бивень предназначен вовсе не для нападения на других морских животных. По мнению специалистов, бивень, возможно, служит нарвалам своеобразным стабилизатором во время плавания и для пробивания во льду отдушин. Ведь единороги, как и другие китообразные, долго не могут находиться под водой.

В легендах говорится, что в водах Шпицбергена обитал когда-то гигантский нарвал, прозванный «Багровым копьем». Был он вдвое или втрое больше самого крупного своего сородича. А бивень его превышал семь метров.

Когда король-нарвал сердился, обычно сероватого цвета бивень становился багровым. Полярные мореходы знали: не дай Бог в такие минуты кораблю оказаться на пути единорога. Его грозное оружие пробивало обшивку любого судна, а удар был таким сильным и точным, что у команды не оставалось шансов на спасение. Ни пушечное ядро, ни гарпун китобоя не могли поразить легендарного единорога.

Жители Смереенбурга каждый год в июне или июле замечали, как «Багровое копье» подплывал совсем близко к берегу и подолгу наблюдал за ними. Иногда он издавал различные звуки: рев, стон, громкое бульканье, всплески.

Предводитель переселенцев из Амстердама определял по этим звукам, в каком настроении гигантский нарвал. Не гневается ли на людей? Можно ли выходить в море на промысел?

Гуго хорошо понимал язык «Багрового копья» и никогда не ошибался, растолковывая его сигналы жителям Смереенбурга.

Недобрый взгляд

Наверное, удача сопутствовала на Шпицбергене голландским рыбакам и охотникам за морским зверем. Прошло немного времени, и население городка перевалило за 1200 человек. По тем временам для удаленного от материка северного архипелага — число не малое. Даже в наши дни в самых крупных городах Шпицбергена — Лонгьербиена, Нью-Олесунна, Баренцбурга и Пирамиды — население меньше.

Несмотря на суровые условия Заполярья и свои островные особенности, жизнь в Смереенбурге во многом протекала как на материке: промысел, заготовка, строительство, работа в домашнем хозяйстве, отдых, веселье... Появлялись новые семьи, умирали и рождались люди. Неизвестно, в каком году, но точно в XVII веке, в семье смереенбургского китобоя появился мальчик. Дали ему имя Якоб. Несмотря на такое событие, в тот же день отец новорожденного вышел в море.

Не для пропитания понадобилась ему добыча. Решил китобой загарпунить нарвала, чтобы изготовить из бивня такой же амулет, как у предводителя Гуго.

Знал он, что земляки не одобряют этого. Ведь с самого основания Смереенбурга никто из них не осмеливался убивать единорога. Потому китобой отправился на промысел один и тайком от всех.

Великий необдуманный риск. Да и провинность немалая для жителя северной колонии.

Но повезло в тот день отцу новорожденного. Добыл он молодого нарвала. Отбуксировал его к берегу и вдаль от людей разделал.

Однако утаить такое событие в маленькой колонии невозможно.

Собрались жители Смереенбурга на совет. Немногословны северные мореходы. Никто не шумел, не бранился, лишь осуждающе посматривали на ослушника да попыхивали трубочками.

Один Гуго после долгого раздумья произнес:

— Беда и тревога задули в наши паруса. Утром у берега видел я «Багровое копье». Недобрый у него взгляд, и бивень свой поднимает высоко над водой...

Сказал это и словно сглазил: отпугнул удачу от жителей Смереенбурга. В тот год, что ни день, больше стало появляться вблизи Шпицбергена чужих кораблей. А это значит, уменьшилась добыча колонистов.

Не раз между пришлыми и местными китобоями вспыхивали ссоры, переходившие в резню и перестрелку. Один за другим гибли мужчины Смереенбурга. Кто от ножей и пуль, кто в схватках с китами, а некоторые уходили в море и неизвестно по каким причинам не возвращались. Отчего и куда они пропадали? Арктика любит молчание и умеет хранить тайны исчезновения людей.

Все чаще собирались смереенбуржцы не для веселья. Скорбили и размышляли, кто погубил их товарищей. Пришлые китобои? Местные «Багровое копье»? Или это Шпицберген собирает кровавую дань: одного человека за каждый свой островок?

А тем временем подрастал маленький Якоб. Хоть и носил он талисман из нарвального бивня, но и его не обошла беда. Мальчик так и не научился говорить. Со своими сверстниками он не играл и почти не общался. Целыми днями бродил в одиночестве по берегу и что-то высматривал в море.

Иногда Якоб, словно увидев в воде жуткое неизвестное существо, начинал трястись и глухо стонать. Люди в страхе крестились. Им казалось, что они слышат стон не мальчика, а разгневанного нарвала. И даже во взгляде Якоба им чудился жестокий роковой холод глаз «Багрового копья».

Чернокнижник из Роттердама

В такие недобрые времена и появился в Смереенбурге незванный гость. Прибыл корабль за ворванью и сырой кожей, и на берег сошел мрачный господин. Сразу видно: не купец, не охотник, не рыбак и даже не сборщик налогов. Колонисты смекнули: алхимик и чернокнижник!..

Пришельца звали Губерт, а родом он был из Роттердама. А этот город, как известно, еще с XIV века облюбовали ведьмы, колдуны, астрологи, чернокнижники. Особенно много появилось их там после кровавых событий 1585 года. Испанцы захватили тогда Антверпен и беспощадно стали сжигать на кострах еретиков, колдунов, ведьм и, на всякий случай, лекарей и ученых. Кому-то из них удалось бежать от расправы, а затем укрыться в Роттердаме.

Загрустили смереенбургские колонисты: от такого визитера ничего хорошего не жди. Но Шпицберген — не материк, и порядки здесь другие. Кем бы ни был прибывший, все равно — гость. Хочешь не хочешь, а гнать из дома не положено.

А Губерт оказался притким господином и умел втираться в доверие. За пару дней он облазил окрестности Смереенбурга, насобирав каких-то камней и трав, настрелял разных птиц и, наконец, соизволил сообщить о своей главной цели прибытия на Шпицберген.

Бивни нарвалов! Вот ради чего проделал он долгий путь из Роттердама.

Вначале возроптали жители Смереенбурга. И так на их головы одна за одной валились беды. А за убийство нарвалов никому несдобровать. Каждый понимал: мстить «Багровое копье» будет беспощадно и неотвратимо.

Но Губерт оказался не из тех, кого можно переубедить и заставить отступить от

намеченного. Видно, и впрямь сам наглый сатана покровительствует чернокнижникам и подсказывает им нужные слова.

Высыпал на стол пришелец из Роттердама горсть золотых монет, положил рядом свиток бумаги и стал прельщать и запугивать народ.

— Вот, господа, перед вами лишь малая частичка золота, которое вы будете иметь, если согласитесь с моим предложением. В золоте — ваше спасение, а в этой бумаге — гибель. Англия вступает в войну с нашей страной. На сегодняшний день у нее стало вдвое, а может, и втрое больше боевых кораблей, и наш флот неминуемо потерпит поражение. Англия стремится к господству в северных водах над всеми островами и к монополии на китовый промысел. Так что и ваши корабли, и дома будут уничтожены. А вас либо утопят, либо отправят в рабство в Вест-Индию. Не верите мне — прочтите этот государственный документ.

Губерт ухмыльнулся и протянул свиток жителям Смереенбурга.

— Читайте сами, если не верите мне... Что же касается чудовища, которого вы называете «Багровое копьё»... — чернокнижник сделал паузу и обвел пристальным взглядом слушателей. — Не верьте глупым сказкам. Мы живем в просвещенном XVII веке, сейчас царствуют наука, здравый смысл, расчет и реальные взгляды на мир.

Смело выходите на промысел. Обещаю, вас ждет удача.

За добытые бивни я отвешу столько золота, сколько хватит вам для возвращения на родину и безмятежной жизни там, на берегу залива Эй или Зейдер-Зен. И не будет нужды больше отправляться в опасные северные земли и моря. А месье «Багрового копьё» останется глупой сказкой, из далекого прошлого...

Нашелся грамотей среди китобоев. Зачитал бумагу, нредъяв пенную чернокнижником. Убедились: и впрямь

Англия войну затевает и хочет подмять под себя весь северный промысел и захватить все земли в ледовитых морях. Задумались, запыхтели своими трубочками немногословные жители Смереенбурга. И лишь один поинтересовался: зачем понадобилось Губерту так много бивней нарвала?

Чернокнижник не стал утаивать и охотно пояснил: — Бивень единорога — главный элемент элексира «вечной силы и жизни». Из него я буду изготавливать чудо-лекарство.

Последний промысел

Что еретик брякнет — сатана подтвердит, а ветер услужливо разнесет по свету», — говаривали в старину. Попыхтели-попыхтели трубочками китобои, переглянулись между собой да и кивнули дружно в знак согласия. Один Гуго остался хмурым и неприступным.

Звон золота притупляет и рассудок, и страх. На следующий день, подгоняемые надеждой быстро разбогатеть, отправились китобои на промысел.

Будь Гуго таким же говорливым, как чернокнижник, наверняка сумел бы переубедить и остановить товарищей. Но где простому труженику северных морей тягаться в красноречии с образованным Губертом!

Может, и хотел Гуго уклониться от запретной охоты и остаться на берегу. Но разве может предводитель бросить своих товарищей?

В море вышли все. Только женщины и дети остались в Смереенбурге. Да еще чернокнижник продолжал рыскать в окрестностях городка. Снова собирал камни и растения, стрелял птиц.

Только ушли китобои, а на берегу произошло чудо: заговорил немой Якоб. И не просто начал говорить, а предсказывать. Он словно ясно стал видеть все, что происходит далеко за горизонтом:

— Вот подошли корабли наши к стаду единорогов... Вот метнули китобои гарпуны. Вот застонали от боли могучие звери, и море сделалось красным. Велика добыча, да никому она теперь не в радость. Неповоротливыми стали корабли, а кровь единорогов пьянит

охотников. Еще и еще мечут они гарпуны и не могут остановиться, неразумные... Смотрят на мир Божий, а видят лишь золото... И собственные руки им теперь неподвластны. Сатана движет ими.

Но конец бойни близок. Уже почуял кровь «Багровое копье» и несется стрелой на помощь сородичам...

Ближе, ближе расплата... Громче смех ликующего сатаны. Вот люди заметили в море стремительные буруны... Вот виден им уже страшный багровый бивень... Они кричат, но ничего поделать не могут. Раскалываются, как скорлупа, корабли... Кровь людей смешивается в воде с кровью единорогов. Теперь они братья, и единый дом у них — морская бездна...

Все!.. Свершилось возмездие. Те, кого не утопил «Багровое копье», попали на «слабую воду». Нет кораблей... А людям стала вечной обителью пучина. Их много было, но меньше, чем островов у Шпицбергена. И Стражу Полярной звезды еще долго собирать кровавую дань...

Кончил пророчить Якоб и снова онемел. Может быть, оставшиеся на берегу женщины и не поверили бы мальчишке, но вдруг увидели, что море у горизонта сделалось красным. А оттуда стремглав неслись к острову чайки. Было что-то жуткое в их криках и гомоне. Птицы летели низко вначале над морем, потом над землей. Дети и жены погибших китобоев явственно видели, что перья чаек вымазаны кровью.

Промчалась обезумевшая от ужаса несметная стая и скрылась за ледяными горами. А на берегу вдруг наступила тишина. Тягостная, долгая, непроницаемая... Ни всплеска воды, ни рокота прибоя, ни завывания ветра...

Сколько длилась она — неизвестно. А прервалась внезапными воплями, стонами, причитаниями, плачем женщин и детей. В иступленном отчаянии никто не заметил, как Якоб ступил на воду и медленно побрел по морской глади, туда, где остывал после сражения «царь нарвалов».

Больше Якоба никто не видел. Пропал навсегда и роттердамский чернокнижник. Кинулись его искать разъяренные жены китобоев, но так и не нашли. Поговаривали потом на острове, будто проклятый Губерт зачем-то полез в пещеры, где жители Смереенбурга хоронили своих покойников. Что произошло в подземелье — неизвестно, однако оттуда он уже не выбрался.

В исторических документах говорится, что Смереенбург перестал существовать во времена, когда в ближних водах были перебиты почти все киты. Есть версия, будто флотилия англичан напала на корабли китобоев и потопила их, после чего оставшиеся на берегу жители Смереенбурга покинули свои дома и перебрались на материк.

Но и в XVII веке, и гораздо позже северные мореходы разных стран распевали песню о немом Якобе, ставшем братом «короля единорогов», о проклятом чернокнижнике из Роттердама, соблазнившего золотом и сладкими обещаниями китобоев, о Шпицбергене, который оберегает путь к Полярной звезде.

Так ли все произошло в Смереенбурге? Верить ли песням и преданиям или историческим документам? И отчего на самом деле был покинут городок китобоев?..

Точный ответ может дать лишь Арктика.

Но Арктика любит молчание и умеет хранить тайны исчезновения людей.

Немеркнущая и неувядаемая

*Многие из путешественников плавали сюда для отыскания
свободного*

*морского пути на Восток, многие — для открытия Северного
полюса, чтобы*

*разъяснить мировую загадку как со стороны научных
полезнейших наблюдений,*

*так и со стороны открытий. Человеческий ум до того был
поглощен
этой нелегкой задачей, что разрешение ее, несмотря на суровую
могилу,
которую путешественники по большей части там находили,
сделалось
сплошным национальным состязанием...
Горячие порывы у русских людей к открытию Северного полюса
проявились еще во время Ломоносова и не угасли до сих пор...
Георгий Седов*

И товар, и крест, и сабля

Что необходимо народу и стране для освоения неведомых северных земель? На Руси издавна отвечали на этот вопрос так: вера, знания, опыт, сила, капитал. Веру первопроходцам в то, что совершают они благое дело, давали церковь, священники, монахи, паломники, северные монастыри и скиты. Знания о неизвестных землях и опыт покорители северных краев получали от ученых, местных жителей, бывалых рыбаков, охотников. Силой первопроходцев являлась армия, военный флот, казачество. Ну а купечество и промышленники частенько финансировали экспедиции и различные проекты, связанные с освоением неведомых земель.

Нередко сами купцы становились первопроходцами и первооткрывателями. Шли они вперед в неизвестное не только с товарами. Крест и сабля, знания и пушки, жажда наживы и стремление увидеть нечто новое, воля царя и благословение церкви были их спутниками в нелегких странствиях.

Купцам приходилось изучать военное и морское дело, языки и обычаи народов, с которыми они торговали, мир животных и растений, климат, историю, географию, экономику неизведанных земель и стран.

В начале XVII века наемник, автор записок о нашей стране Жак Маржерет сообщал: «Россия — весьма богатая страна, так как из нее совсем не вывозят денег, но они ввозятся туда ежегодно в большом количестве, так как все расчеты они производят товарами, которые имеют во множестве, именно: разнообразными мехами, воском, салом, коровьей и лошадиной кожей... лен, пеньку, всякого рода веревки, кавиар, т. е. икру соленой рыбы, они в большом количестве вывозят... соленую семгу, много рыбьего жира и других товаров. Что касается хлеба, то, хотя его очень много, они не рискуют вывозить его из страны.

...Сверх того, у них много поташи, льняного семени, пряжи и прочих товаров, которые они обменивают или продают, не покупая чужеземного на наличные деньги».

Русские правители часто по достоинству оценивали величайшую роль купечества и промышленников в жизни страны. Уже при Петре I это сословие получило немало льгот. Купцы освобождались от рекрутской повинности, войскового постоя. В зависимости от их деяний понижались налоги. Царь содействовал образованию торговых компаний, разрешал купцам приобретать к заводам целые деревни, а также выдавал им крупные субсидии и подряды.

Торговцам и промышленникам предоставлялось право на самоуправление в городах и на поиски и разработку полезных ископаемых.

По-разному относился русский народ к купечеству. В былинах и преданиях, в песнях и различных литературных произведениях воспевались удаль и душевная широта, смекалка и ловкость, отвага и самоотверженность торговых людей. Однако нередко в народном творчестве высмеивались их скупость и корыстолюбие.

«К тебе ся наша грамота»

Одними из самых знаменитых купцов и промышленников в России были

представители многочисленного рода Строгановых. Историк и исследователь Андрей Александрович Введенский писал: «Строгановы в XVI–XVII вв. — влиятельные и авторитетные агенты русских царей.

Будучи в XVI в. городовыми приказчиками по правительственному управлению Сольвычегодском и уездом, неограниченную власть они имеют также в пермских вотчинах, где строят пограничные крепости — городки, содержат свою вотчинную армию, ведут по своему усмотрению пограничную войну с нерусскими народами, подданными сибирского хана Кучума, организуют поход своего полководца Ермака в Сибирь для ее завоевания. Они контролируют деятельность английской торговой компании. По полномочию митрополита «Московского и всея Руси» строят церкви в пермских вотчинах, называют попов и смещают их.

В XVII в. Строгановы — финансовые агенты правительства у таможенных и кабацких сборов, финансисты, снабжающие правительство безвозвратными и срочными ссудами на большие суммы, консультанты правительства при выработке новоторгового устава. Эта сросченность Строгановых с самодержавной властью сильно облегчила их торгово-предпринимательскую деятельность и увеличивала их влияние на ход экономической жизни страны».

Выходцы из разбогатевших поморских крестьян Строгановы сделались не только знаменитыми купцами и промышленниками, но и крупными землевладельцами, государственными деятелями, меценатами.

Начало торговой деятельности этого рода исследователи относят к XV веку. А уже в XVI столетии Строгановы были хорошо известны царям и выполняли их поручения.

Так, в декабре 1573 года Иван Грозный отправляет грамоту Якову Аникиевичу Строганову, в которой говорится о покупке для государя соболей.

«От царя и великого князя Иван Васильевича всея Руси Якову Оникееву сыну Строганову.

Как к тебе ся наша грамота придет и ты б купил на нас соболей сорок по осми рублев и по девяти рублев и по десяти рублев и по одиннадцати и по двенадцати и по тринадцати рублев. Да и дорогих соболей Одинцов купи сколько добудешь, да и скупив те соболи и одинцы прислал бы еси к нам часа того не борзе...

А на которые соболи у тебя денег нет и ты б соболи поймал на договоре, да к нам отписал, и мы к тебе за те соболи деньги пришлем тотчас». Из многочисленных документов видно, что у Ивана Грозного со Строгановыми были доверительные отношения. Причиной тому не только своевременная поставка двору качественного товара. Во время очередного набега

на Москву армии крымского хана Строгановы по просьбе царя отправили к Серпухову тысячный отряд своих казаков. Этот полк был хорошо оснащен и вооружен дорогими пищалями и пушками.

Семен Аникиевич Строганов стал организатором походов Ермака в Сибирь. По-разному складывались отношения знаменитого землепроходца и воина с не менее знаменитым семейством купцов и промышленников. Но значимость Строгановых в освоении Сибири и Крайнего Севера неоспорима.

В начале XVII столетия, когда для Руси наступило страшное Смутное время, это семейство помогало финансами, снаряжением и воинами освободиться стране от захватчиков. Способствовали Строгановы и воцарению Михаила Романова.

Оказывали они помощь и Петру I. Во время Северной войны они основали на Урале несколько заводов и поставляли так необходимые для победы железо и медь. Царь оценил усердие и присвоил Александру, Николаю и Сергею Строгановым титулы баронов. А позднее этот род был возведен в графское достоинство.

Беречь потеху и диво

В XVI–XVII веках они имели обширнейшие владения на берегах Иртыша, Камы, Оби, Сылве, Тобола, Чусовой. Нешадно эксплуатируя и русских, и народы Приуралья и Сибири, Строгановы развивали там земледелие, рыбные, соляные и рудные промыслы. Также активно вели торговлю с сибирскими племенами.

Но Строгановы жили не только наживой и политикой. Существует предание, что один из основоположников этой династии, Аника, умел неплохо играть на рожках и гусях и частенько укрывал у себя в доме гонимых властями скоморохов.

Умирая в 1570 году, Аника, наряду с материальными богатствами завещал сыновьям «беречь потеху и диво». Этой фразой он как бы сделал наказ помогать искусству, народным промыслам, собирать и оберегать духовное наследие.

Завет Аники Строганова выполнялся его потомками. Многие историки отмечали, что среди подневольных людей этой семьи образовалась «крепостная интеллигенция». Среди них были архитекторы, актеры, музыканты, геологи, судостроители, переводчики, врачи, художники. На их обучение Строгановы денег не жалели. Так же, как и на оборудование мастерских, приобретение различных инструментов, книг и произведений искусства.

Отмечая заслуги Строгановых перед отечественной культурой, Андрей Александрович Введенский писал: «Работы их иконных горниц положили начало новому направлению в русской живописи, создав нарядно-торжественную «строгановскую школу» иконописания.

Строгановы распространили по всей стране полифонию в церковно-певческих хорах через своего служилого человека, композитора и дирижера Дилецкого. Они пустили на книжный рынок рукописные, каллиграфически оформленные книги, писанные в их мастерских. У Строгановых создана и Строгановская летопись о походах Ермака.

Строгановская каменная и деревянная архитектура развила ранее сложившееся народное творчество и распространила ее образцы в строительстве».

Трудно перечислить, сколько церквей было возведено благодаря этому семейству начиная с XVI века и вплоть до 1917 года.

Строгановы собрали одну из самых больших библиотек в Российской империи. В XIX столетии они подарили ее Томскому университету.

Ещё одна страсть

Исследователи полагают, что промыслом жемчуга представители этой фамилии занимались еще в XV веке. Новгородцы добывали драгоценный минерал на Кольском полуострове, на реках вблизи Онежского озера и Белого моря. Очевидно, урожай жемчуга был немалый, поскольку уже в XIV столетии, а может, и раньше новгородцы продавали его за рубеж.

Великий Московский князь Иван III в 1488 году подарил венгерскому королю Матьяшу черного соболя. На лапках зверька были укреплены 20 драгоценных минералов, добытых новгородцами на Севере. Как отмечалось в летописи, «жемчуги не малы и хороши и чисты».

В книге «Сольвычегодская старина», написанной в XIX веке, упоминается, что «Строгановы в речке Иксе в 4 верстах от Сольвычегодска воспитывали жемчужные раковины, для чего, по рассказам, держали особого приставника, какого-то иностранного доктора.

...в Иксе и в настоящее время водятся раковины таких громадных размеров, каких не видно ни в одной реке Вологодской губернии».

Люди Строгановых добывали жемчуг таким же способом, как это делали в давние времена новгородцы. В центре «ловчего плота находилось «окно». В него вставляли трубу из бересты. В нижнем конце трубы крепили слюдяную пластинку. Ловцы жемчуга рассматривали через нее дно реки.

Заметив нужную раковину, они доставали ее специальным шестом. Когда набиралось определенное количество раковин, их начинали раскрывать ножом. Как правило, в сотне раковин оказывалась всего одна-две жемчужины. В книге «Сольвычегодская старина»

отмечалось, что Строгановы не только добывали, но и выращивали драгоценный минерал. Разводили раковины-жемчужницы в озере неподалеку от своих сольвычегодских хором и вотчинного Благовещенского собора.

Добытый и выращенный жемчуг затем использовался при изготовлении икон, ювелирных изделий, в различных вышивках и украшениях мужских и женских парадных одеяний.

Есть сведения, что много жемчуга Строгановы дарили монастырям и храмам. В XVI–XVIII веках этот драгоценный минерал широко использовался в окладах икон.

Зелёная нетленница

Известно, что жемчужина формируется моллюском вокруг занесенной в раковину песчинки. Но только тем моллюском, который выделяет перламутр. Этот минерал может быть белого, желтого, красноватого, бледно-голубого и даже черного цвета. Жемчуг недолговечен. В среднем его жизнь — 250–500 лет.

Потом теряется блеск, он как бы угасает и, наконец, превращается в порошок. Когда в 1544 году было вскрыто погребение дочери римского полководца Флавия, обнаружили 53 жемчужины. Правда, представляли они собой рассыпающиеся в порошок невзрачные горошины.

Еще в древности люди знали, что жемчуг надо беречь от высыхания, а для этого — чаще носить на теле и омыwać теплой водой. И в Индии, и на Руси существовал способ «оживления» стареющего минерала. Его запихивали в глотку петуха. Птица проглатывала драгоценную горошину. Под действием желудочного сока устаревший тусклый слой растворялся, и жемчужина как бы оживала, приобретая прежний блеск.

С древних времен считалось, что этот камень способствует ясновидению, помогает издали разглядеть врага, читать чужие мысли и оберегает своего владельца от сглаза. Надо лишь верить в магическую силу своей жемчужины, доверять ей и даже советоваться. Иначе она может притянуть всевозможные беды.

В «Изборнике Святослава» говорится, что жемчуг является надежным талисманом. А когда он тускнеет, то этим предупреждает своего владельца о его болезни или скорой кончине.

Существует легенда, будто Строгановы тоже узнавали о близкой смерти благодаря жемчугам.

А еще сохранилось предание, что некий ушкуйник по прозвищу Бармага бежал от государевых людей с берегов Камы на далекий остров в студеное море. В какие времена случилось это, не говорится, но сообщается, что островом, на который занесло ушкуйника, была Новая Земля.

Там в одной из речушек Бармага случайно добыл необычную жемчужину — «Зеленую нетленницу». Как в такой студеной воде могли существовать моллюски — осталось загадкой. Ведь реки Новой Земли настолько холодные, что там водится лишь одна рыба — голец.

Верить слухам или не верить — воля каждого. Узнал откуда-то беглый ушкуйник, что жемчужина, которую называют «Зеленой нетленницей» или «Немеркнушей, неувядаемой», дается в руки человека один раз в тысячу лет.

В отличие от других подобных минералов «Зеленая нетленница» — вечная и нестареющая. А приобретает она такие необычные свойства лишь в реках Крайнего Севера. Световую силу и неувядаемость она якобы получает от Полярной звезды.

Но зеленая жемчужина порой бывает весьма опасной. Может человека осчастливить, а может — погубить. Северные шаманы говорят, что не ее находят люди, а она сама выбирает хозяина. Любит «Немеркнушая, неувядаемая» оставаться тайной для всех. Ну а тех, кто рассказывает, где и как ее нашли, ждет беда.

Когда беглый ушкуйник вернулся на материк, то какое-то время скрывался на соляных разработках Строгановых. Каким-то образом слух о его необычной находке дошел до всесильных промышленников.

Вскоре состоялась сделка. Получив деньги, довольный Бармага собрался на Каму, снова ушкуйничать. Но не тут-то было. Видно, не понравилось «Зеленой нетленнице», что разболтал он о том, где нашел ее.

Однажды ночью завыл Бармага — так, будто в сновидении сам дьявол схватил его за глотку. Всполошились артельщики, а ушкуйник, ничего не замечая вокруг, еще громче завыл и кинулся прочь.

Взобрался он на скалу и, не раздумывая, вниз головой сиганул. Примчались к тому месту люди, огляделись, да никого не увидели. Ничего не осталось от ушкуйника — будто в камни или пыль превратился.

Доложили о случившемся кому-то из Строгановых. А те, наверное, решили, что не обошлось здесь без магической силы зеленой жемчужины, и велели своим людям помалкивать о происшествии да и сами старались не вспоминать о «Немеркнушей, неувядаемой». И никто, даже из самых близких к Строгановым, не знали, где хранят они свою опасную реликвию.

Пытались люди о ней вовсе забыть, да не получалось. Жемчужина с Новой Земли будто сама собой появлялась манящей зеленой искоркой в глазах, во снах и мыслях у каждого, кто хоть раз видел ее.

Старики читали неизвестно когда и от кого услышанное заклинание против чар «Немеркнушей, неувядаемой»:

И несть ея силе неугосимой,
И несть ея сияния,
И несть конца перлосвету ея.
Обойди стороной меня ся чары.
Да померкнет волнующий свет ея...

Помогало ли это заклинание уберечься от недоброго влияния зеленой жемчужины? Никто не мог ответить уверенно. Однако многие беды, происходившие в доме Строгановых, еще долгие годы приписывались магическому воздействию «Немеркнушей, неувядаемой»...

Подверженный вечной стуже

Предполагается, что русские поморы начали осваивать архипелаг Новая Земля еще в XIX веке. Но документы о тех событиях не сохранились.

Возможно, первым в Европе упоминанием о Новой Земле является труд итальянца Лэта Помпония. После совершения в 1479–1480 годах путешествия по Восточной Европе он писал: «На Крайнем Севере, недалеко от материка, находится большой остров; там редко, почти никогда, не загорается день; все животные там белые, особенно медведи».

Голландский географ и юрист Николас Корнелиссон Витсен после пребывания в Москве издал в 1692 году книгу «Северная и Восточная Татария». Голландец сообщает о давнем освоении Новой Земли: «Русские, плавающие по Северному морю, открыли около 107 лет назад остров, дотоле неизвестный, обитаемый славянским народом и подверженный... вечной стуже и морозу...

Он превосходит величиной остров Кипр и показывается на картах под названием «Новая Земля».

Экспедиция в Северном Ледовитом океане в течение четырех лет вела исследования западного побережья Новой Земли и прилегающей района Баренцева моря

Этот «подверженный вечной стуже» архипелаг издавна привлекал не только русских. Иностранцы, заинтересованные в северо-восточном морском проходе из Европы в южные страны, неминуемо сталкивались с Новой Землей.

В XVI веке голландцы организовали три экспедиции в Индию и Китай. Они надеялись, что торговый путь туда через северные моря будет более выгодным и безопасным, чем плавание по Атлантическому и Индийскому океанам.

Во главе одной из этих экспедиций был знаменитый мореплаватель и исследователь Заполярья Биллем Баренц. В 1596 году его корабль был затерт льдами у северной оконечности Новой Земли и пошел ко дну. Команде удалось спастись на шлюпках и добраться до берега.

Несмотря на свой опыт плавания в северных широтах, голландские мореходы сомневались, смогут ли они выдержать зимовку на Новой Земле. В экспедиционных записях появились такие опасения: «А вдруг и воздух здесь загустеет, подобно воде, ставшей тверже скал? Не грозит ли всем нам медленная смерть от удушья или, что страшнее, безумие?»

Из плавника голландцам удалось построить сносное жилье. Путешественники страдали от голода, стужи и ураганных ветров. А еще их донимала цинга. Баренц как мог поднимал настроение команды и вселял надежду в отчаявшихся. Он ссылался на опыт русских, которые не раз зимовали на этом архипелаге.

Через год Биллем умер. Тело его было опущено в море. В то самое море, которое с 1853 года стали называть Баренцевым.

Спустя почти три столетия на полуострове Литке китобои обнаружили жилище голландских полярников. На стене сохранились часы. Их стрелки остановились в далеком 1597 году. В печке нашелся бережно припрятанный дневник экспедиции. На столе, сколоченном из плавника, лежала старинная книга «История Китая». Она была открыта на той странице, которую, возможно, в последний раз читал Биллем Баренц.

Множество путешественников связали свои мечты, труд и подвиг с Новой Землей: англичанин Стивен Борроу, русские исследователи Савва Лошкин, Федор Розмыслов, Федор Литке, Карл Бэр, Федор Рахманин, Август Циволько, Петр Пахтусов, Владимир Русанов и другие. Их имена остались на карте и в преданиях Новой Земли. Скорее всего, никто из предпринимателей Строгановых лично не бывал на этом архипелаге. И все же они тесно связаны с его освоением.

Наказанные Полярной Звездой

Примерно в конце XV — начале XVI века Строгановы организовали на Новой Земле промысловую колонию. Переселенцы добывали здесь моржей, нерп, китов, белых медведей, песцов, оленей, вываривали жир морских животных. Согласно северным преданиям, некоторым колонистам было тайно поручено искать в реках Новой Земли жемчуг. Возможно, Строгановы мечтали добыть именно легендарную «Зеленую нетленницу».

Не сохранилось документов и свидетельств о поисках и о существовании жемчуга на северном архипелаге. Но есть записи о пребывании людей Строгановых на Новой Земле.

В 1762 году была издана книга, написанная чиновником архангельского губернатора, неким Клингstedтом. «Старая традиция знает, что несколько фамилий бежали и обосновались с их женами и детьми на Новой Земле во время разорения Новгорода в царствование Ивана Васильевича, — писал Клингstedт. — Беглые крестьяне, принадлежащие к фамилии Строгановых, погибли с женами и детьми, и русские знают еще до сих пор поселки, где эти люди жили, и указывают их имена, но потомки несчастных фамилий все погибли одновременно, по-видимому, от заразы, вызванной туманами».

О загадочном смертоносном тумане говорится и в северных преданиях. Люди, обитавшие в Арктике тысячи лет назад, чьи души за всевозможные грехи не приняла Полярная звезда, превратились в туман. Он то сжимается, расплзается по огромным пространствам, гасит все звуки, не дает ничего разглядеть, сводит людей с ума, убивает на

месте или навечно «заволакивает».

«Наказанные» Полярной звездой могут быть прощены, лишь когда отыщут для нее «Немеркнущую, зеленую нетленницу». Поэтому смертоносный туман и не позволяет пришельцам с материка находить жемчуг в реках Новой Земли.

Тайна смерти переселенцев

Но легенды легендами, а подтверждений возникновения и быстрой гибели строгановской колонии имеется немало. Архангелогородский краевед В.Крестинин в изданных в январе 1789 года записках говорит о давнем новоземельском поселении: «Устье Строгановой губы на 6 верст, длина залива на 4 версты. Наименование сея губы произведено от имени старинных новгородцев Строгановых, поселившихся некогда и скончавших свою жизнь в сей пустыне.

Остатки их жилища видимы даже до днесь на берегах сея губы...

Кончина сих несчастных отшельников подтверждена многими могилами, находящимися на Мутном мысу, в 6 верстах от предречных развалин. Там валяются обнаженные человеческие кости больших и малых людей. У могил стояли кресты, из коих один, по свидетельству самовидца Рахманина, стоит цел, но оброс мохом; других крестов обломки валяются по земле. На разсыпавшихся крестах были вырезаны надписи...

Содержание оных надписей показывало род погребенных на сем месте людей из Нова города Строгановых». В историях, услышанных Крестининым от мезенских мореходов, говорится, что колонистов убили какие-то неизвестные воины, «сии люди с железными носами и зубами... страшное их видение смертоносно».

Даже в XX веке среди жителей Арктики ходили слухи о безжалостных воинах с железными носами и зубами, которые живут в глубоких пещерах Новой Земли, где есть теплые озера. Загадочные воины иногда в виде тумана и теней выходят на поверхность. Они добывают серебро, ищут в реках архипелага зеленые жемчужины и губят или уводят с собой в пещеры людей.

Автор нескольких книг о Строгановых Андрей Введенский предполагал, что в конце XVI века колония «либо погибла от цинги, либо пострадала от нападения «шарашутов».

Кто такие шарашуты? Введенский считал, что так называли в старину ненцев. Но другие исследователи не согласны с этим. По их мнению, шарашуты являлись потомками древнего народа Арктики и таинственными обитателями пещер Новой Земли. Они поклонялись Полярной звезде, собирали и хранили от всех «Зеленых нетленниц». С помощью необычных жемчужин совершали магические обряды и колдовали.

Может быть, Строгановы слышали эту легенду, когда купили у беглого ушкуйника «Немеркнущую, неувядаемую» и опасную драгоценность, и оттого помалкивали о ней?

Еще одна загадка старинного семейства... Существовала ли на самом деле «Зеленая нетленница»? И если существовала — принесла она счастье или беду Строгановым? Но об этом умалчивают их семейные предания.

Хрустальная сиверсия

*Говорят, что непоборимы торосы Ледовитого океана.
Это ошибка: торосы поборимы — непоборимо лишь людское
суеверие.*

Степан Макаров

Песня спета

Значит, тебе до вечера свой буксирок ждать. Ну, а мой «Красноярск» через час

зашлепает плечами, — Валера кивнул в сторону колесного теплохода. — Так что прощай, Якутск!.. Тебе — на Тикси, мне — на Тит-Ары. — А почему в Тит-Ары? — поинтересовался я.

— Обещал один друг перебросить оттуда к Оленекскому заливу. А там до Усть-Оленека рукой подать, — пояснил Валера.

— Ну ты и бросаешься километрами, словно камушками! Хоть представляешь, сколько и как добираться от Тит-Ары до Усть-Оленека?

Валера беспечно пожал плечами:

— Мне все равно. Решил добраться — значит доберусь. И на Таймыре побываю, и берегом Прончищева пройду, и на мысе Марии постою. Ну а если совсем повезет, успею найти Хрустальную таймырскую розу.

— Откуда знаешь о Хрустальной Сиверсии? — удивился я.

Валера отвел взгляд в сторону.

— Это все моя... — Он вдруг запнулся, нахмурился, помолчал несколько секунд и снова поспешно заговорил: — Была у меня невеста... Не знаю уж, где она вычитала или услышала: чтобы крепка и неразлучна была любовь, надо отыскать Хрустальную таймырскую розу и принести на могилу Марии и Василия Прончищевых.

— Где ж теперь твоя невеста? Почему один идешь?

Валера лихо подмигнул мне, хотя в глазах не было веселья.

— Как поется в песне:

И на душу легла статья-разлучница,
И срок-разводник жизнь перечеркнул...

Пять с половиной лет состояли мы в переписке. Ждала. Несколько раз навещала. А за месяц до того, как я откинулся от хозяина, ее две сучары угробили. С ними я разобрался... А как узнал, что у меня запускной тубик, решил напоследок ее мечту исполнить...

— Ты что, обалдел, с туберкулезом по северам мотаться?! — возмутился я.

Валера невесело и с каким-то отчаянием засмеялся:

— Я в холода попал поневоле. Залетел в студеные земли бакланом-малолеткой, а на лютых минусах и вьюгах заделался кондовым северяком. Помнишь, как у Высоцкого:

Север, воля, надежда. Страна без границ.
Снег без грязи, как долгая жизнь без вранья.
Воронье нам не выключает глаз из глазниц,
Потому что не водится здесь воронья...

Валерка продекламировал и развел руками.

— А моя песня спета! На месяц раньше, на месяц позже, в больничке или в тундре... Теперь уже все равно...

Василий

После смерти императора Петра I многие его дела и начинания новые правители России пытались если не похоронить, то отложить в сторону.

Удивительно, что этого не произошло еще с одним детищем Петра — Великой Северной экспедицией. Сотни известных и малоизвестных чиновников, офицеров, ученых, мастеровых, казаков, моряков, несмотря на дворцовые интриги, козни и помехи недоброжелателей, продолжали выполнять заветы Петра Алексеевича.

Командиром одного из отрядов Великой Северной экспедиции был назначен лейтенант Василий Прончищев.

О нем известно немного. Родился в семье мелкопоместного дворянина из Калуги. В

1716 году, когда Василию исполнилось 14 лет, его определили в Навигационную школу в Москве. А через год Прончищева перевели в Морскую академию в Санкт-Петербург.

В свои тридцать с небольшим лет он уже имел большой мореходный опыт. В 1722 году участвовал в походе в Персию, служил на кораблях Балтийского флота.

Весной 1734 года в Якутск прибыли моряки и мастера. И началось в Жатайском затоне строительство кораблей для плавания в Северном Ледовитом океане.

Перед Василием Прончищевым стояла задача изучить труднодоступные берега между устьями Лены и Енисея.

Городок на реке Лена

Подробное описание селения, откуда начиналась экспедиция, оставил известный исследователь Сибири Николай Щукин. Правда, сделал он это уже в 1830 году. Но за девяносто с лишним лет после пребывания там Прончищева Якутск мало изменился. «...Проехав Леною 2500 верст, вы встретите на пути только два маленьких городка, Киренск и Олекминск; но здесь в Якутске глаз вдруг поражается хорошо застроенною Никольскою улицею, каменными церквями и каким-то многолюдством.

...Хотя город лежит на берегу величайшей реки, но летом и зимою умирает, так сказать, от жажды; весною же каждый почти год терпит от наводнения.

...Хотя Якутск стоит и на равнине, но равнина сия имеет множество ложбин, где гниет застоявшаяся дождевая вода. Пошел дождь — непроходимая грязь, от солонцоватой почвы; настала засуха, ветер — пыль столбом.

Здесь господствует песок, камней нет даже на берегах Лены, а потому и вымостить город нечем, если бы захотели.

Множество хороших деревянных домов доказывает, что город находился когда-то в возрастающем положении.

...Здесь в каждом достаточном доме строится возвышенная светелка, для лета, в которой, обыкновенно, спят. Мух и комаров такое множество, что невозможно растворить рта; от оводу скот находит спасение только около жилья.

...вблизи нет ни одного ключа, ни одной речки, кроме озер с худою водою; зато осенью озера сии бывают наполнены гусями и утками, где самый страстный охотник может утешить свою охоту...» — отмечал Николай Щукин.

Несмотря на множество трудностей, к весне 1735 года суда были построены. Экспедиции Прончищева предназначалась трехмачтовая дубель-шлюпка «Якутск».

Женщина на корабле

В рапорте, отправленном в Санкт-Петербург, подробно сообщалось о завершении строительства кораблей, о подготовке экспедиции, но ни слова не упоминалось об одной детали, которую можно назвать и важным историческим событием, и тяжелым должностным преступлением.

Вопреки уставу и традиции, впервые в мире в северной научно-исследовательской экспедиции участвовала женщина! Звали ее Мария, хотя, как считают современные исследователи, имя ее — Татьяна.

Дочь приближенного к Петру I дипломата, сосланного в Сибирь после смерти императора, она получила прекрасное воспитание. Девушка много читала, училась пению, рисованию, знала язык, обычаи, легенды и сказания якутов. Конечно, в небольшом городке Мария и Василий не могли не встретиться. И они повстречались.

Но существует версия, что молодые люди были знакомы давно. Поскольку имения их родителей якобы находились по соседству.

Вместе с Прончищевым в Якутск прибыл его друг и помощник подштурман Семен Челюскин. Оба офицера влюбились в девушку. Мария выбрала Прончищева и незадолго до

экспедиции стала его женой.

Что ожидало ее? Долгая разлука? Тревожное ожидание? Год? Два?

Мария поняла, что не сможет расстаться с любимым и сумеет стать полезной экспедиции.

Но, по давней морской примете, женщина на корабле приносит несчастье.

Очевидно, поверье это появилось во времена финикийских и древнегреческих мореходов. Согласно мифам, и Нептун, и Посейдон, и другие боги морей частенько страдали от вмешательства в их дела богинь-женщин.

Многие века существовал у древних корабелов жестокий обычай: при спуске нового корабля под киль укладывали молодую и красивую рабыню. Ее раздавленное тело считалось хорошим жертвоприношением богам. А кровь красавицы, обогрившая корпус корабля, согласно поверьям, оберегала его от гибели в морской пучине.

У русских и других северных мореходов считалось плохой приметой, если женщина интересуется, куда отправляется судно, когда вернется, какой груз на борту, сколько человек в команде.

Жены поморов не должны были приходить на причал и провожать мужей в плавание. Им запрещалось в день отхода корабля месить тесто, вышивать, стирать, подметать пол в избе. Все это могло якобы вызвать сильный шторм и гибель судна. Если муж долго не возвращался из плавания, жена должна была прикармливать чаек.

По морским традициям разных стран, женщина если и попадала на корабль, то, на крайнюю мере, не допускалась на капитанский мостик, и ни в коем случае ей не разрешалось давать советы экипажу. Нарушение этих правил грозило различными бедами.

Неизвестно, верил ли начальник экспедиции в подобные приметы или просто соблюдал военную дисциплину?

Прончищев не соглашался брать с собой Марию, пока, в нарушение устава, за нее не вступились участники экспедиции. Отвага, знания, организаторские способности Марии не остались незамеченными. Все сорок девять путешественников заверили командира, что петербургское начальство не узнает об участии его супруги в плавании. Прончищев сдался.

29 июня 1735 года дубель-шлюпка покинула Якутск.

И вместе с бывалыми моряками все тяготы и невзгоды северной экспедиции стойко переносила первая в мире полярная исследовательница.

Говорят, полярное лето короче крика белой совы.

Кажется, календарь медлит терять свои листки, а студеное время слишком торопится.

Вот уже задули с океана яростные осенние ветры, что несут и холод предстоящей зимы, и долгую-долгую темноту.

Ветер шарил в пазах избушки старого Николая, стараясь проникнуть внутрь жилья, чтобы погасить в печи огонь и укутать людей холодом.

От каждого ветрового удара в оконца я настороженно поглядывал на темные стекла: выдержат ли свирепые удары?

Старик-якут не обращал внимания на потуги ветра и продолжал разговор:

— Не знаю, кто первым открыл или придумал это. Может, правда, а может, сказка. Может, полярники, а может, шаманы людям поведали, что Берег Прончищева на Таймыре и место захоронения Марии и Василия возле Усть-Оленека зовутся «Землей испытания любви»...

Николай говорил медленно, глядя в одну точку. Будто не мне рассказывал, а каким-то невидимым людям из будущего.

— От стариков слышал: если хочешь, чтобы любовь была счастливая, непроходящая — отправляйся в те земли. А еще надо найти Хрустальную Сиверсию...

— А есть эта Хрустальная Сиверсия на самом деле? — прервал я.

— Есть! — уверенно кивнул Николай.

Мне уже приходилось встречать и на полярном Урале, и на Таймыре, и в оленекской тундре желтые таймырские розы — сиверсии. Конечно, не сказочные — хрустальные, а простые. Наверное, это самые ранние тундровые цветы. Распускаются они чаще всего на небольших возвышенностях: восемь-тринадцать цветков в каждой розетке.

Слышал я, что за четыре года стебель сиверсии прирастает лишь на один сантиметр и что живут эти цветы до ста пятидесяти лет.

Не знаю, как сейчас, но в старину шаманы готовили из сиверсии лекарства и какие-то чародейские напитки. В ней есть сахар, крахмал, жиры и другие полезные вещества.

Прекрасные арктические цветы так поразили знаменитого полярного исследователя Эдуарда Толля, что он назвал один из островов у берегов Таймыра Сиверсией. Легенды и предания связывают Прончищевых с этим полярным цветком. Случайно ли Толль назвал остров именно Сиверсией, а кряжу, тянущемуся от Усть-Оленека на северо-запад к Анабарскому заливу, дал имя Прон-чищева?..

Николай, видимо, почувствовал, что я отвлекся мыслями от его рассказа. Он тронул меня за плечо и добавил:

— Как ни длинна полярная ночь, но и она проходит. И снова зацветет тундра. Кто знает, может, и ты найдешь не простую, а Хрустальную Сиверсию...

Зимовье на реке Оленёк

Больше месяца понадобилось экспедиции, чтобы пройти путь от Якутска до устья Лены. 2 августа путешественники достигли острова Столб. От него начиналась дельта реки. Через пять дней по Быковской протоке дубель-шлюпка наконец вышла в море и направилась на запад к устью реки Оленек.

Может, правы те, кто считал, что экспедиции Прончищева не повезло с самого начала? Едва пустились в плавание, а безжалостная Арктика уже диктовала необходимость искать место для зимовки.

Усилились морозы. Крепче и толще сделались льды. Северный ветер навевал тревогу. В дубель-шлюпке образовались течи. Бороться с ними приходилось ежедневно. Наконец дубель-шлюпка «Якутск» стала на якорь неподалеку от места, где на правом берегу реки Оленек находилось несколько домов промысловиков.

Конечно, ни Мария, ни Василий не могли в те часы догадаться, какая печальная связь будет у них с селением Усть-Оленек.

Вначале местные жители испугались прихода корабля и скрылись в тундре. Но через несколько дней отношения с путешественниками наладились, и они вернулись в свои дома.

По приказу Прончищева участники экспедиции собрали по берегу реки подходящий плавник и за несколько дней построили две избы, где и зазимовали.

Знак их последней весны

Солнце полностью скрылось 13 ноября. Наступила полярная ночь. Но жизнь во льдах и снегах продолжалась. Весть об экспедиции быстро облетела тундру. С разных сторон приезжали якуты и эвенки посмотреть на загадочных белых людей, поговорить, обменяться вещами, поторговать.

Мария и Василий расспрашивали их и записывали сведения о народах, населяющих заполярные земли от Лены до Енисея, об островах и побережье Северного Ледовитого океана, о полезных ископаемых, о растениях и животных.

Участники экспедиции небольшими группами уходили вместе с якутами и эвенками в тундру, чтобы изучить местность и поохотиться.

Лишь 22 января на горизонте появилась едва различимая освещенная полоса. Предвестница солнца! Предвестница весны! Предвестница окончания полярной ночи.

Те, кто видит каждый день рассвет, восход солнца, рождение нового дня, не могут до

конца оценить это. Лишь пережившие арктическую ночь способны по-настоящему радоваться появлению солнца, наслаждаться первыми его лучами.

Люди Севера стараются не пропустить его первый робкий сигнал о том, что долгая полярная ночь идет на спад, и задолго до него поднимаются на возвышение и пристально всматриваются в темноту.

Так встречали этот сигнал Мария и Василий... Знак последней в их жизни весны.

Непроходимые поля

В 1736 году река Оленек вскрылась лишь 21 июня. До самого августа лед стоял в море вплотную к берегам. Суровая зимовка не прошла бесследно для здоровья многих участников экспедиции. Заболел цингой и Василий Прончищев. 3 августа дубель-шлюпка «Якутск», наконец, смогла выйти в море.

Как отмечалось в судовом журнале, «с великою опасностью» экспедиция пробиралась на запад. В устье реки Анабар путешественники сделали остановку «для осмотра горы той, в которой руда».

13 августа судно прошло мимо группы островов, им Прончищев дал название — острова Петра.

Чем дальше на север — тем больше плавающих льдин, тем толще и крепче «стоячий лед», тем медленнее двигалась дубель-шлюпка.

Конечно, ни Мария, ни Василий не могли знать, что пройдет немного времени, и этот видимый таймырский берег и бухта в нем будут названы их именами.

18 августа, продвигаясь вдоль кромки льда, судно прошло залив Фаддея. Он весь был покрыт неподвижным толстым льдом.

19 августа «Якутск» достиг островов Самуила, которые спустя два столетия будут переименованы в острова Комсомольской правды.

Опустился густой туман. А когда после полудня он рассеялся, путешественники увидели непроходимые ледяные поля.

Двигаться дальше было невозможно. Ледяной плен мог погубить судно. Страдающий от болезни Прончищев сумел подняться и собрать у себя в каюте совет.

Все понимали: дальше пути нет. Если не повернуть назад — верная гибель.

Так, на широте 77029', в самой северной точке, достигнутой Великой Северной экспедицией, было принято решение: возвращаться...

Стерегающий изгнанник

Любовь — всегда испытание. И рядом с радостью любви движется тень несчастья. Так вблизи Хрустальной Сиверсии кружит отверженный волк, — продолжил рассказ Николай.

— Отверженный волк? — переспросил я. — Говорят, если рождается волчонок с серебристой шерстью и темным пятнышком, мать-волчица сразу распознает «мету изгнанника». Чтобы не навлечь гибель всего потомства, она уносит прочь этого волчонка, едва он начинает скалить зубы. Четыре полных луны волчица прикармливает маленького изгнанника, а потом оставляет одного в тундре. И тогда лишь луна да полярная сова покровительствуют ему, становятся небесными матерями. Если волчонок не погибнет в первые ночи, белая сова приводит его к месту, где растет сиверсия. Там всегда много леммингов. Они любят поедать цветы. Волчонок сам ловит леммингов, а иногда сова убивает для него зверьков. Немногие из отверженных становятся взрослыми. Но, даже если волчонок выживает в одиночестве и превращается в матерого зверя, он никогда не примыкает к стае сородичей. И стая не принимает серебристого волка с метой одиночества, ведь за ним всегда идут беда и гибель. Вот и рыщет всю жизнь по тундре отверженный — ищет Хрустальную Сиверсию.

— Зачем? — удивился я.

Старик молча покачал головой, на какое-то мгновение застыл, а потом продолжил:

— Этого, кроме самых мудрых шаманов, никто не знает. А они о таком не любят говорить... Волк с метой изгнанника считает луну и сову двумя своими небесными матерями-волчицами: желтой и белой. Говорят, если появился в округе отверженный, можно иногда услышать, как воют в небе луна и сова. Будто две матери-волчицы ищут на земле детеныша, помеченного неласковой судьбой. И в эти часы печали непознанной любви рождается самый редкий цветок тундры — Хрустальная Сиверсия. Одинокий цветок, не знающий любви солнца, появляется, когда полярная ночь еще не сложила свои черно-звездные крылья. Может, для того и распускается Хрустальная Сиверсия, чтобы поддержать одиноких, заблудившихся, отверженных, усталых...

Под песню ветра

Николай внезапно умолк. Я взглянул на его прищуренные глаза, на отрешенное выражение лица и понял: сейчас задавать вопросы бесполезно. Его уже нет рядом со мной в избушке. Мыслями он блуждает далеко в ночной тундре. И, кто знает, может, под вой небесных волчиц, под взглядом отверженного волка ищет среди снегов Хрустальную Сиверсию.

Я решил не беспокоить старика. Смотрел на огонь в печи и пытался понять смысл туманной и неясной легенды. Мне казалось, я смутно ощущаю какую-то связь ее с Марией и Василием Прончищевыми.

Хрустальная Сиверсия... полярная ночь... серебристый волк-изгнанник... две его небесные матери...

Ощущал — и никак не мог до конца понять эту связь!

А может, не стоит искать тайный, глубинный смысл легенды? Он сам раскроется рано или поздно. Без стука и спроса войдет в эту избу, прижмется к теплой печи, и станут вдруг понятными и легенда, и явь, и их тонкие загадочные связи и переплетения.

А пока надо, как Николай, слушать песню арктического ветра... Слушать, как две небесные волчицы — луна и сова — оплакивают отверженного волка, не познавшего любовь.

Вместе и навсегда

Все хуже становилось Василию, и Мария теперь не отходила от него. Корабль с трудом пробивал себе дорогу сквозь льды. Теперь командовал судном штурман Семен Челюскин. 23 августа «Якутск» подошел к Хатангскому заливу. Вначале путешественники хотели устроить зимовье на его побережье.

На разведку местности отправилось несколько матросов. Но вскоре они вернулись и сообщили: нет на берегу человеческого жилья, а самое главное — очень мало плавника. Значит, не из чего строить избы, нечем согреться в полярной ночи.

Было принято решение возвращаться на старое зимовье в устье реки Оленек.

Путь до Оленекского залива недолог, но в реку дубель-шлюпка войти не смогла. Мешал сильный встречный ветер с юга. Он гнал высокие волны и раскачивал обледеневший корабль.

Люди, измученные холодом, усталостью, болезнями, с трудом передвигались. Но опытные путешественники знали: главное теперь — не переставать ощущать холод, усталость и боль. Без них ты уже во власти смерти — облегчительницы страданий.

29 августа умер Василий Прончищев.

Лишь 2 сентября «Якутску» удалось войти в реку, когда смиловившись и затих ветер. С опущенным флагом судно подошло к месту зимовья.

6 сентября 1736 года Василий Прончищев был похоронен неподалеку от Усть-Оленека, на небольшой возвышенности.

Несмотря на уговоры команды, Мария не покидала могилу. Здесь через пять дней она и скончалась — тихо, в одиночестве, под плач метели. Похоронили ее рядом с Василием...

Наверное, не стоит спорить и гадать — умерла она от тоски по любимому или от болезни. Важно, что ушли они вместе, и уже никто, ничто и никогда не сможет их разлучить.

Конец пути — начало воспоминаний

Час обещания солнечного света... Час надежды на солнечный свет... Он наступает в конце полярной ночи. Вначале этот едва уловимый знак подадут звезды. Они бледнеют, и кажется, их свет едва теплится. Дунь посильней ветер Арктики — они угаснут.

Но проходят минуты, и звезды снова разгораются.словно кто-то во Вселенной подбавил жару в великой космической топке.

Дыхание тундры в «час обещания солнечного света» становится другим, как и звуки живой природы Заполярья. Это время особой чуткой тишины, когда за сотни километров можно услышать летящих на север птиц, ворчание медвежонка в берлоге, писк лемминга, взмах крыльев полярной совы.

И хочется в такие минуты мыслями беседовать со звездами о будущем, о прошлом Земли с теми, кто ожидал здесь много лет назад «час обещания солнечного света».

Я встречал едва уловимые знаки прихода весны на берегу бухты, что носит имена Марии и Василия Прончищевых.

Сильные, красивые чувства и поступки всегда рождали легенды...

Я нашел Хрустальную Сиверсию!..

Лепестки сказочно-таинственной таймырской розы были прозрачно-голубого цвета. Казалось, сквозь них можно разглядеть звезды.

Волшебное видение?

Начало новой легенды?

Показалось в ночной темноте?

Нет, я верил, что она есть — и отыскал!

Рядом с волшебным цветком в вечной мерзлоте были процарапаны едва различимые слова: «Не срывайте! Ради них. Ради всех!»

Кого имел в виду неведомый автор — Марию и Василия Прончищевых? Всех влюбленных?

Кто и когда нацарапал ножом слова? Мой знакомый Валера? Влюбленные и романтики давних времен?

Вечная мерзлота десятилетиями хранит борозды и глубокие царапины...

Нет никого рядом. Некому ответить мне. Только слышно, как кружит по тундре серебристый волк с отметиной одиночества и льет свою песню-печаль на цветок любви. И подпевают ему две небесные волчицы — желтая луна да белая сова...

Это знамение! Значит, кому-то скоро уходить в вечное ледяное одиночество?

Я не тронул Хрустальную Сиверсию.

Пусть и другие увидят ее живой. Больше встреч с ней — больше любви.

Пусть остается Хрустальная Сиверсия там, где ей положено цвести.

Мария и Василий поймут это.

И ничто не сломит наших крыльев

Я уверен, что если мы обратим внимание на силы, свойственные самой природе, и попробуем работать заодно с ними, а не против них, то найдем вернейший и легчайший способ достижения полюса.

Фритьоф Нансен

Где они?

(Из записок французского инженера-аэронавта Анри Лашамбра)

В воскресенье, 11 июля 1997 г., из порта «Вирго» на Шпицбергене поднялся аэростат «Опен» («Орел»), унося в своей лодке Андрэ, Стриндберга и Френкеля, смелых исследователей, отправившихся покорить Северный полюс. Во всех газетах и журналах сейчас же появились различные статьи по этому поводу: одни предсказывали успех, другие высказывали более пессимистические взгляды, словом, каждый судил об этой необыкновенной экспедиции со своей точки зрения.

Первая часть этого смелого предприятия выполнена, и теперь встает страшный вопрос: Где они?

По-прежнему шли различные толки. Между тем, около середины августа сделалось известным, что один из почтовых голубей, принадлежащих экспедиции Андрэ, был убит 22 июля матросом рыбацкого судна «Alken», между Северным мысом Шпицбергена и семью островами около 80 градусов северной широты.

Этот голубь нес депешу, которая была передана слишком поздно, месяц спустя, когда китоловное судно «Alken» вернулось в Гаммерфест. Она состояла в следующем:

«13 июля, 12 ч. 30 м. пополудни, 82,2 градусов северной широты, 15,5 градусов восточной долготы. Идем на восток 10 градусов на юг. На аэростате все благополучно. Это третья депеша голубиной почтой.

Андрэ».

Итак, Андрэ пустил трех голубей менее чем за три дня, и аэростат прошел за это время около 300 километров, что можно объяснить тем, что во второй день не было ветра.

С тех пор не было получено сколь-нибудь вероятного известия. Много шума наделала телеграмма из Красноярска в Сибири о том, что 14 сентября в Енисейской губернии в течение нескольких минут видели шар, принадлежащий, как предполагают, Андрэ.

Эта телеграмма была очень неопределенна. Если предположить, что аэростат более шестидесяти дней держался в воздухе, что еще можно допустить, то для того, чтобы достигнуть этого места, он должен был пролететь более 1000 километров над населенными странами, оставаясь незамеченным, что является крайне сомнительным. С другой стороны, Андрэ не пролетел бы такого большого расстояния над страной, где сообщения относительно легки и где бы он мог быть в полной безопасности, не спустившись на землю и не остановившись на время.

Но нельзя терять надежды, зная характер этих редких людей, смело идущих навстречу неизвестности из желания приподнять завесу, скрывающую от смертных эти таинственные области, нельзя отчаиваться, прочитав рассказ о чудесном путешествии Нансена и его спутников.

Разве Андрэ не покровительствовали до сих пор счастье и случай? Разве он в своей карьере аэронавта не избежал опасных крушений, в которых погибли бы другие?

Будем надеяться, что счастливая звезда его не оставит и что судьба, покровительствующая смелым, скоро вернет к нам с победой этих трех достойных удивления ученых.

Начало экспедиции было, впрочем, очень трудным: всевозможного рода препятствия, дурная погода, а в особенности неблагоприятные ветры заставили храбрых путешественников дважды приниматься за нее раньше, чем они могли покинуть землю и полететь по направлению к этому недостижимому полюсу, отыскание которого стоило уже жизни стольким знаменитым ученым...»

Голубь, роза и лед

Более трех десятилетий люди, интересующиеся арктическими исследованиями, вспоминая об Андрэ и его экспедиции, задавали вопрос, прозвучавший в записках Лашамбра: «Где они?»

До 1930 года ответа не было. И потому возникало множество предположений и даже мистических слухов. Особенно усердствовали журналисты.

Отгадку тайны исчезновения экспедиции пытались найти в прошлом, в биографии Соломона Августа Андрэ. Родился будущий путешественник и воздухоплаватель 18 октября 1854 года в небольшом шведском городке. Его отец, владелец аптеки, рассчитывал, что сын продолжит дело. Но вышло по-иному. В школе мальчик увлекся книгами о Севере, о путешествиях, воздухоплавании и творениями Жюль Верна. А роман «Пять недель на воздушном шаре» стал буквально его настольной книгой.

Получив инженерное образование, Андрэ некоторое время работал на заводе механиком, а затем отправился за границу набираться опыта. В Германии и Франции он знакомился с новыми достижениями науки и техники, а еще встречался с путешественниками, побывавшими за Полярным кругом.

В Париже одна его знакомая, то ли в шутку, то ли всерьез, предсказала будущему воздухоплавателю: «Много будет тайн вокруг тебя, но самой большой из них станет твоя смерть... Голубь, роза и лед — вот символы этой тайны».

Наверное, молодой инженер не придавал значения предсказаниям парижской знакомой. А если бы и отнесся всерьез — разве что-нибудь изменилось бы в его судьбе?

Вскоре после возвращения на родину он стал профессором «чистой и прикладной физики» в технической школе. А в 1882 году принял участие в метеорологической экспедиции на Шпицберген. Там Андрэ провел около года, возглавляя опыты, связанные с атмосферным электричеством. Суровый архипелаг покорила его неброской северной красотой. Именно на этой земле у молодого ученого появилась дерзкая исследовательская программа.

Его работа в Арктике была замечена и одобрена в научных кругах Швеции. Молодого исследователя назначают главным инженером Бюро привилегий и одновременно приглашают преподавать в Стокгольмскую техническую школу.

Но для Андрэ теперь все это — лишь этапы на пути к сокровенной мечте: достигнуть Северного полюса на воздушном шаре.

Он делает инженерные расчеты и консультируется с учеными, изучает историю освоения Арктики и воздухоплавания, ищет сторонников своей идеи и средства на экспедицию, встречается с опытными полярниками.

Наконец, в 1892 году Андрэ получает от Шведской академии и фонда «В память Л. Гьерта» деньги на постройку воздушного шара и проведение научных исследований.

Через год он совершает свой первый самостоятельный полет из Стокгольма. Начало было удачным. Но вот третье путешествие на воздушном шаре едва не закончилось его гибелью. На Балтийском море произошло крушение: аэростат упал на камни. Сам испытатель отделался незначительными ушибами.

Но эта беда не сломила исследователя. Андрэ остался непоколебим в стремлении покорить Северный полюс. В 1895 году он защищает в академии наук свой проект экспедиции. Полет на аэростате, по его замыслу, должен начаться со Шпицбергена.

Проводы и прибытие

(Из записок Анри Лашамбра)

Июнь 1896 г...я приезжаю в Готенбург, где меня принимает капитан Андрэ, брат исследователя, и, хотя я очень устал, от сорокачасового путешествия по железной дороге и на пароходе, я раньше всего отправляюсь на «Virgo» (экспедиционный корабль), который приютил меня на несколько месяцев и приведет в северные страны.

Андрэ удачно выбрал судно для своего путешествия; нагрузкой его руководил его брат.

При моем прибытии работа идет с лихорадочной деятельностью, и почти невозможно себе представить, какая масса предметов помещается на этом небольшом пароходе в триста тонн...

У нас отборный экипаж, состоящий почти исключительно из молодых техников, студентов политехнической школы в Стокгольме и офицеров, поступивших простыми матросами для того, чтобы принять только участие в экспедиции. Видно, что у нас не будет недостатка ни в отважных, смелых моряках, ни в ученых...

Воскресенье, 7 июня... Прощание очень трогательно, и волнение, которое охватывает всех присутствующих и душит меня самого, достигает своего высшего напряжения, когда ровно в десять часов посреди благоговейной тишины раздается сигнал к отъезду.

«Virgo» медленно отчаливает.

Тогда энтузиазм становится неопишным. Четырехкратное громкое «ура» вырывается из всех взволнованных грудей...

...вокруг нашего парохода, вышедшего уже из гавани, образуется целый кортеж лодок.

Около сотни судов провожает нас. С некоторых нас приветствуют музыкой... Те, которые не имеют пароходов, идут вдоль набережной. Это настоящее море людей...

Солнце сияет; небо также как будто принарядилось и своим видом ободряет смелых путешественников, отправляющихся на исследование Северного полюса...

Вот мы наконец в открытом море.

...16 июня, полдень. С сегодняшнего утра мы плывем вдоль берегов Шпицбергена... Пароход идет медленно посреди плавающих льдин, которые каждую минуту грозят затереть нас. Нужна вся опытность нашего капитана и бдительность рулевого, чтобы избежать катастрофы.

Лоцман занимает наблюдательный пост и указывает свободные проходы.

Мы видим массу птиц, китов, пускавших в воздухе громадную струю воды, тюленей и т. п.

...«Virgo» остановился, и офицеры совещаются; мы находимся под 76 градусом северной широты, и нам осталось пройти еще немного, чтобы достигнуть Ледяного Фиорда, где мы должны отдохнуть раньше, чем отправимся в Норск-Оарну.

Направо горы, покрытые вечным снегом; прямо — непроходимый, сплошной лед. Остается свободный проход у берегов, но капитан не знает глубины моря; он ищет в своих картах: подождем!..

Среда, 17 июня, под 77 градусом северной широты...

В девять часов утра мы с нескрываемым удовольствием сходим на землю. Андрэ, Экгольм и Стриндберг выносят свои инструменты, устанавливают их и определяют отклонение магнитной стрелки.

Впрочем, с тех пор, как мы вышли в море, они не перестают работать. Это настоящие ученые, влюбленные в свою задачу, не выставляющие на показ своих знаний.

...Геологи нашли здесь обильную почву для своих исследований, а ботаники могут вдоволь гербаризировать.

...Мы устраиваем нашу главную квартиру на развалинах лагеря, принадлежавшего племени сибирских охотников, которые провели весь прошлый год в этом ущелье.

...Воскресенье, 21. Около двух часов утра мы находимся в виду островов Норск-Оарна, места, где мы решили построить сарай и которое будет центром наших действий.

Утром мы делаем в лодке рекогносцировку вокруг островов с целью найти удобное место, где бы могло пристать наше судно, разгрузка которого будет чрезвычайно трудна вследствие отсутствия пристани и всех приспособлений, существующих обыкновенно в

портах.

Имеющиеся у нас карты этой области очень неточны.

Понедельник утром. Исследователи снова делают рекогносцировку и Андрэ окончательно выбирает пунктом нашей остановки долину Данск-Гатт.

Это место защищено со всех сторон высокими горами и открыто только с севера, со стороны моря.

Маленький, деревянный домик, выстроенный некогда англичанином Пиком, будет служить нам убежищем, и здесь мы сложим излишек наших припасов.

...Это небольшое здание, сделанное все из дерева, довольно удобно; оно состоит из столовой, спален и кухни. Во всех комнатах есть печи, и наши матросы затопили их, чтобы просушить стены...

Чердак очень удобен для голубятни, и мы помещаем там наших голубей, которым здесь не будет, конечно, так хорошо, как в их обыкновенных голубятнях, но которые найдут здесь все-таки сносное жилище. Эти голуби взяты нами из Гаммерфеста. Мы пустили уже несколько из них с парохода, но пока еще не знаем, вернулись ли они в Норвегию».

Загадочная собеседница

В разгар работы экспедиции к острову подошел пароход «Эрлин Ярл», и на берег высадилось около шестидесяти праздных туристов из разных стран. Помеха или небольшая разрядка для полярных исследователей? Незваные гости с любопытством рассматривали экспедиционное оборудование, приставали с расспросами, делились новостями с материка и даже устраивали развлечения для покорителей Арктики.

В честь Андрэ и его товарищей туристы организовали обед на борту корабля. Здравницы, добрые и веселые пожелания, восторженные речи, звон бокалов...

Окрыленный таким вниманием и комплиментами, Андрэ тоже расчувствовался.

— Дорогие друзья, явившиеся издалека, чтобы видеть, как я отправляюсь на завоевание великой неведомой области, благодарю вас! — начал он, заинаясь от волнения. — Меня называли великим человеком... Но мне будет трудно заслужить это имя, если северные ветры продолжат еще несколько недель дуть, как теперь. Наше величие улетит вместе с нами далеко, очень далеко. Тут мы ничего не сможем поделать. А если нам не суждено будет подняться, то вы засвидетельствуете, что мы исполнили все, что зависит от нас... Вы возвращаетесь на юг. И если вам повстречаются ветры, которые могут стать для нас попутными, пришлите их к нам. И мы будем их приветствовать как вестников от наших друзей с «Эрлин Ярла»... Товарищи с «Virgo», четырехкратное «ура» нашим друзьям, которые пришлют нам южные ветры!

В разгар веселья к Андрэ подошла очаровательная молоденькая туристка. По давней традиции скандинавских мореходов, она повязала ему на руку голубую ленту и преподнесла бутылку вина и четыре розы.

Розы за Полярным кругом! Как она сумела их сохранить? Андрэ был тронут до слез.

— Но почему их четыре? Ведь это несчастливое число в букетах! — спросил он.

— Вас полетит на аэростате трое. Значит, каждому по цветку. А четвертую розу бросьте вниз, когда достигнете Северного полюса, — поспешно пояснила девушка. — А взамен я хочу получить от вас голубя. Я его выпущу, как только почувствую благоприятный для вас ветер...

И не забывайте: голубь, роза и лед...

Девушка не договорила. Веселый взгляд сделался многозначительным и таинственным.

Андрэ вздрогнул и с удивлением уставился на собеседницу. Голубь, роза и лед... Эти слова ему произносила давным-давно другая...

Что это — случайное совпадение? Почему и когда-то, в Париже, и сегодня, на Шпицбергене, названы голубь, роза и лед?.. Почему их связывают с его судьбой?

Да, он нередко останавливался у церкви Святой Гертруды в Стокгольме, чтобы

покормить голубей. Но никак не был связан с ними. Да, он любил цветы и даже иногда покупал розы на Юргордене, восточном острове Стокгольма. Но они не играли значительной роли в его судьбе... А лед? Для жителя северной страны застывшая вода — явление обыденное...

Девушка прервала минутное замешательство и размышления Андрэ. Она вдруг прикрыла глаза и тихо, так, чтобы слышал он один, произнесла нараспев строки из старинной песни мореходов:

Но голубь не садится на лед, Но розы не растут во льдах...

Зачем нашептала она эти слова? Андрэ показалось, что девушка хочет предостеречь его от беды, но не решается приоткрыть роковую тайну.

Арктика дружит с мистикой. Здесь часто происходит то, что одни потом называют стечением обстоятельств или случайным совпадением, а другие — непостижимыми для человека игрой судьбы и воздействием таинственных сил.

Андрэ ничего не успел спросить у загадочной собеседницы. Грянул салют в честь его экспедиции. Двадцать один выстрел из пушки «Эрлин Ярл» взорвал тишину северного простора.

Больше у них не было возможности поговорить наедине. И осталось неизвестным, получила ли девушка в подарок голубя.

Праздник завершился, и пароход с туристами отчалил от острова.

Тайные замыслы богов

(Из записок Анри Лашамбра)

Северный ветер продолжает дуть; он принес нам настоящую снежную бурю. Горы покрылись снегом, и природа как бы готовится ко сну. Птиц меньше; реже слышны их веселые крики. Белый капюшон покрывает купол аэростата, который ждет только дуновения южного ветра, чтобы подняться; но этот ветер, дувший в июле, теперь совершенно исчез.

Ирония судьбы! Кто мог предвидеть это препятствие, и как бы могла удалиться экспедиция, если бы нам были известны тайные замыслы богов!

Теперь небо на севере туманное и темное; солнце уже давно не показывается, море бурное.

Флаг, поставленный на горе позади сарая, который должен был указывать нам направление ветра, опрокинут в эту ночь вихрем. Лоцман говорит, что до конца этого месяца нам не грозит опасность, что море замерзнет, но капитан объявил, что «Virgo» снимется с якоря и пойдет к югу не позже 20-го числа, что бы ни случилось с полярной экспедицией.

Андрэ и его двое товарищей терпеливо ждут появления кусочка ясного неба и свежего южного ветра, чтобы подняться; их поддерживает сильная вера. Аэростат сам как будто ждет, чтобы его освободили от связывающих оков... Все готово, предусмотрено, проверено Андрэ до мельчайших подробностей; припасы, инструменты, приборы на своих местах.

...Газовый аппарат функционирует, шар наполнен еще десять дней тому назад. Он покрыт снегом, который проник в каждый уголок сарая. Лодка закрыта паруси-ным чехлом, но снег пробился и туда.

Невозможно оставаться на палубе, где бушует ветер; и день проходит скучно и монотонно. Все ждут конца этой кампании...

Воскресенье, 9 августа. Утром: слабый южный ветер; после полудня: затишье; общее уныние. Эггольм заявляет, что аэростат теряет около 30 килограммов в день; он рассчитывает, что его может хватить на 40–50 дней путешествия, что, конечно, мало при настоящем положении, но оболочка прочна...

Понедельник, 10 августа... Семь часов вечера: довольно сильный южный ветер в

верхних слоях.

Затем полная перемена; господствует северный ветер.

Что это? Неужели в последнюю минуту нас постигнет неудача?

Неужели нужно будет уложить этот шар, готовый полететь в страны, где разбивалось столько усилий уже несколько веков?..

Воскресенье, 16 августа. Снег перестал падать, и показавшееся солнце вернуло нам некоторую надежду; ветер, хотя и слабый, кажется, клонится к северу. Еще одно разочарование...

Наконец, в понедельник, 17 августа, после двадцати одного дня ожидания, Андрэ решается открыть клапаны аэростата, который совершенно наполнен, и я с понятным сожалением смотрю, как уходят в воздух 5000 кубических метров газа, которые было так трудно получить!..

Уложить и упаковать нелегко... Кроме того, ящик, в котором был привезен аэростат, разобран, нужно сделать другой и перевезти все на «Virgo». Ограда сарая разобрана, на всех этажах, кроме второго, где она необходима для прочности здания. Аппарат, производящий газ, закрыт, а все хрупкие части перенесены на судно.

Четверг, 20 августа. «Virgo» нагружен; утро прошло в отшвартовании всех предметов, которые могут быть опрокинуты качкой. Андрэ до последней минуты работает в сарае; он укрепляет доски, кладет ванты на подпорки...»

Решение принято

Он вернулся на родину усталым, недовольным, но не побежденным. Андрэ просто на время отступил. И не его в том вина. Это понимали многие. Хотя, конечно, раздавались и насмешки, и злословие в адрес аэронавта. В прессе появилось несколько недоброжелательных заметок.

Находились и те, кто заявлял, что любая попытка достичь Северного полюса — бессмысленный риск... А тем более, на воздушном шаре, который гораздо больше подчинен ветрам, нежели человеку.

Андрэ выслушивал и читал неприятные замечания в его адрес и продолжал свое дело. Конечно, в первую очередь надо было сделать отчет об исследованиях, проведенных на Шпицбергене. Неудача неудачей, а научная работа на острове шла постоянно.

Не менее важным для Андрэ было убедить общественность, академию наук и меценатов в необходимости организовать новую экспедицию.

И он добился своего... Когда Андрэ получил разрешение провести полет к Северному полюсу в 1897 году, в дневнике появилась его восторженная запись: «Мы будем летать, как орлы, и ничто не сломит наших крыльев!»

Среди тех, кто финансировал экспедиции полярного воздухоплавателя, кроме Шведской академии наук, были и король Швеции, и знаменитый предприниматель Нобель, и десятки известных и неизвестных людей.

Многие из них и после неудачи 1896 года продолжали верить в возможность покорения Северного полюса на воздушном шаре. В новый полет с собой Андрэ решил взять физика Стриндберга и техника Френкеля.

В экспедиции на Шпицберген и в подготовке к полету участвовало много тех, кто уже работал с Андрэ в 1896 году. Однако на этот раз не смог присоединиться к нему его друг и восторженный почитатель француз Анри Лашамбр. Вместо себя он уговорил взять своего племянника А. Машюро-на. И дядя, и племянник оставили важные записи об экспедициях Андрэ, а также множество фотоснимков.

К сожалению, не удалось выяснить, как звали Машюрона. Но, скорее всего, как и его дядю, — Анри.

Лашамбр передал через племянника для Андрэ сборник стихов Жана Ришпера. Некоторые строки были подчеркнуты:

...Какой странный день! Можно подумать, что находишься в таинственной стране, Незнакомой даже оленям. В мрачном и холодном воздухе Показалась стая северных птиц, Разбрасывающих белые цветы, Сорванные в царстве Эреба

Да, это полюс! Темный холодный ад с подвижными льдами и Фантастическими ущельями. Кажется, будто видишь сквозь Эту густую пелену, как по небу Ходят молчаливые льдины...

Жан Ришпер был школьным другом Анри Лашамбра. Но зачем понадобилось передавать его стихи Андре? Был ли в этом какой-то многозначительный смысл или простая случайность?

Никто уже не ответит...

Море, лед и... неизвестность

(Из дневника А. Машюрона)

Городок Готтенбург готовился проводить вторую полярную экспедицию 18 мая (1897 г.).

Громадные толпы жителей, явившихся выразить Андре свое восхищение его необыкновенным предприятием, покрывают набережную.

...Несмотря на свою скромность, Андре не может избежать восторженных манифестаций. Его настойчивость обезоружила самых больших скептиков. Все поняли, что этот — новатор недюжинный человек, и провожают как его, так и его спутников, самыми горячими пожеланиями...

31 мая. На следующий день по прибытии все принимаются за работу.

...После беглого осмотра дома Пик, где все найдено в порядке, мы направляемся к сараю для воздушного шара, который нас очень интересует.

Он сильно пострадал; основание наполовину закрыто снегом; его покачнуло, и он наклонился к востоку. В прошлом году части второго этажа были оставлены для большей прочности; некоторые из этих кусков разломаны и вырваны ветром; другие отнесены очень далеко; в некоторых местах концы их торчат из-под снега...

...Почтовых голубей экспедиции поместили на чердаке в комнате, где они содержались и в прошлом году...

2 июня. Ветер снова изменил направление... Сегодня работа идет еще труднее. Вооружившись кирками, наши матросы стараются разбить льдины... все части газового завода перенесены на землю. Инженер Стак с помощью механиков устанавливает прибор.

19 июня... Внутреннее устройство лодки (аэростата) почти окончено; в ней помещено громадное количество самых разнообразных предметов: компасы, инструменты, секстанты, зрительные трубы, фотографические принадлежности, электрические лампы и приборы, оружие и т. п.

Нет маленького местечка, которое не было бы утилизировано, и оставлено еще достаточно пространства для постели и мехов.

...Андре берет с собой припасов всего на четыре месяца. Он считает, что этого достаточно, и что в случае, если им придется зимовать на льду, они будут пополнять свои запасы с помощью оружия. Показывая на патроны, он говорит с улыбкой: «Вот концентрированная пища».

...К двенадцати веревкам прикрепляются сани, лыжи, челнок, составленный из деревянных частей, который разбирается; этот последний покрыт двойной оболочкой из той же непромокаемой ткани, из которой сделан аэростат.

1 июля. Измеряют поднимающую силу аэростата. Вычислено, что он может поднять 1700 кило балласта... и что он может держаться в воздухе не менее 30–35 дней. Это время может быть в случае необходимости продлено, для чего нужно будет пожертвовать парусами

и различными частями, которые будут лишними...

Воздухоплаватели могут таким образом продержаться в воздухе более 50 дней...

Переменные ветры могут носить аэростат в продолжении нескольких дней над сплошным льдом и над океаном раньше, чем они встретят землю, где бы они могли спуститься.

...Если по какой-либо непредвиденной причине они будут принуждены спуститься на лед, то они совершат обратное путешествие так, как это сделал доктор Нансен.

...Андрэ возьмет с собой 32 почтовых голубя.

Мы полагаем, что некоторые из них вернутся на Датский остров, где они живут более месяца, и что они принесут нам вести от наших друзей. Но мы боимся, что они никогда не прилетят в Швецию; только от Шпицбергена им пришлось бы пролететь расстояние около 2500 километров, чтобы вернуться в свою голубятню.

Тем из них, которые будут пущены с полюса, придется сделать более 3500 километров, причем на большей части этого расстояния они не найдут ни пищи, ни пристанища. Насколько мне известно, почтовые голуби еще никогда не пролетали такого большого расстояния, и те которые принадлежат экспедиции, не захотят, вероятно, оставить аэростат, где они имеют приют и корм...

Ввиду этого Андрэ сказал нам, чтобы мы не беспокоились, если о нем не будет известий в течение целого года; что он может спуститься в таком месте, откуда всякие сообщения невозможны, вследствие чего он должен будет провести зиму у лапландцев, или эскимосов, или же в пустынной стране...

Воскресенье, 11 июля. Резкий южный ветер!

Серьезно ли это наконец?..

Не ложная ли это тревога?..

...Андрэ ничего не говорит, но мы понимаем его мысли: он спешит отправиться на завоевание полюса и произносит только: «Отъезд решен».

...Плотники с несколькими матросами быстро взбираются на сарай, северную часть которого они разбирают с поразительной быстротой.

...Повсюду царит лихорадочная деятельность; сборы идут очень быстро.

...Ветер все усиливается; струя его достигает аэростата, который слегка колеблется; ремни на экваторе прекрасно его поддерживают и ограничивают его движения.

...Андрэ благодарит всех членов экспедиции за содействие, которое они оказали его предприятию. Он передает капитану несколько телеграмм, наскоро написанных в последнюю минуту, одна из них обращена к шведскому королю...

Другая телеграмма посылается газете «Aftonbladet» в Стокгольм; она гласит:

«Согласно принятому решению, в воскресенье в девять часов тридцать пять минут мы начали делать приготовления к воздухоплаванию и в настоящий момент, в два с половиною часа пополудни, мы совершенно готовы.

Нас, вероятно, отнесет на С. С.В., но мы надеемся достигнуть мало-помалу мест, где ветры будут нам более благоприятствовать.

От имени всех товарищей шлю наш самый горячий привет друзьям и отечеству!

Андрэ».

...Андрэ вырывается из объятий друзей, всходит на балкон лодки (аэростата) и решительным голосом зовет:

«Стриндберг... Френкель... Идемте!..»

Оба его спутника сейчас же подходят и становятся рядом с ним. Все трое вооружаются ножами, чтобы перерезать веревки, поддерживающие мешки с баластом.

...Наступает решительный момент.

«Раз!.. Два!.. Рубите!» — кричит по-шведски Андрэ. Матросы моментально исполняют приказание и воздушный корабль, свободный от всяких оков, величественно поднимается в

воздух, приветствуемый нашим громким «ура».

...Аэростат, придя в равновесие на высоте около 50 метров над уровнем моря, быстро удаляется; веревки снастей скользят по воде, оставляя за собой широкую борозду, подобную той, какую оставляет пароход.

...Вскоре мы уже не различаем аэронавтов, но видим, что они натягивают паруса, а потом замечаем изменение направления шара.

Аэростат несется теперь прямо к северу; движение его очень быстро, несмотря на сопротивление, которое оказывают волочащиеся веревки; его скорость определяют приблизительно в 30–35 километров в час. Если он сохранит свою первоначальную скорость и направление, то может достигнуть полюса менее чем в два дня.

...Мы видим, как он перелетает через вершину горы, держится еще несколько минут в голубом небе, спускается за гору и, наконец, исчезает из наших глаз.

...Еще на одну минуту между двумя горами далеко, очень далеко, показывается серая точка и, наконец, окончательно исчезает.

Путь к полюсу открыт; нет больше препятствий; море, лед и... неизвестность!..

...Ничего!.. Ничего не видно вдали, что бы дало нам знать, где теперь наши друзья; их окружает тайна.

Счастливого пути, герои ученые!.. Наши самые горячие пожелания сопровождают вас. Да поможет вам Бог!»

Ожидания. Поиски

После сообщения от 13 июля, принесенного голубем, связь с Андрэ и его экспедицией прервалась... Навсегда. Шведская академия наук и многочисленные сторонники и почитатели северного воздухоплавателя предпринимали попытки отыскать хоть какие-то следы пропавшей экспедиции... Безрезультатно.

В 1899 году на исландском побережье местные жители нашли поплавок, сброшенный с аэростата «Орел». При нем оказалась записка Андрэ, сделанная в первый день полета. Конечно, она не пролила свет на тайну исчезновения полярных исследователей.

Спустя год рыбакам попался второй поплавок с аэростата. Но опять никаких новых сведений.

Экспедицию искали на севере Шпицбергена, в восточной Гренландии, на материковом побережье Баренцева и Карского морей.

Лет через десять после исчезновения Андрэ и его товарищей архангелогородское начальство стал донимать один бродяга. Уверял он, будто видел, как в устье Печоры опустился на лед громадный шар. А потом показались три человека. Все они были в «непрозрачных очках и одеты не по-здешнему». И витала над пришельцами большая стая голубей. Вначале бродяга принял их за чаек. Но потом сообразил: и полет не тот, и крылья у птиц другие, и крика не слышно чайчьего. Но откуда в таких студеной землях голуби?

Смекнул бродяга: дело нечисто. Хоть и любопытство разбирало, а страх победил. Кинулся он прочь. Но, когда отбежал на приличное расстояние, все же оглянулся. Ни голубей, ни людей уже не увидел: только далеко-далеко в высоте мотался по воле ветров темный шар.

Бродяге начальство не поверило и даже не записало его рассказ. Но спустя какое-то время подобная история с появлением аэростата, незнакомцев и голубей произошла на острове Колгуеве, потом — на Ямале и на архипелаге Северная Земля.

Установить не удалось, произошло это на самом деле или свидетелям попросту померещилось. В Арктике случаются и не такие чудные видения.

Активные поиски экспедиции Андрэ продолжались вплоть до Первой мировой войны, с началом которой у человечества начались новые беды и иные проблемы.

Печальная находка

Летом 1930 года к острову Белый, расположенному к востоку от Шпицбергена, причалило норвежское судно «Братваг». 6 августа в дневнике начальника экспедиции Хорна появилась запись: «Шкипер Элиассен на моторной лодке принимал деятельное участие в охоте и занимался отбуксировкой зверя к берегу.

Среди дня он вернулся на судно. Тихо и спокойно подойдя к нам, он сообщил, что ими сделана важная находка, — они нашли Андрэ... найдена брезентовая лодка экспедиции, полная всевозможного снаряжения. Шкипер привез какую-то книгу...

Книга была мокрая, тяжелая, листы в ней склеились, и мы увидели, что это наблюдательный журнал экспедиции с подробными записями астрономических наблюдений.

...На первой странице мы смогли прочесть несколько слов заглавия: «Санное путешествие 1897 года». Не оставалось ни малейшего сомнения, что это был наблюдательный журнал экспедиции с того времени, как участники ее оставили шар, вероятно, далеко к северу во льдах.

...Итак, значит, это произошло на Белом острове; здесь, где мы сейчас находились, трагически закончилось дерзновеннейшее из всех полярных путешествий...»

Вскоре экипажу норвежского корабля удалось обнаружить останки Андрэ, физика Стриндберга и техника Френкеля. Были также найдены их дневники.

Согласно записям путешественников, через двое суток после вылета со Шпицбергена аэростат «Орел» стал терять высоту. На 82 градусе 56 минуте северной широты и 29 градусе и 52 минуте восточной долготы он опустился на лед. Путешественники вынуждены были оставить аэростат и двигаться пешком к Земле Франца-Иосифа.

И только лёд...

Преодолевать приходилось и глубокие трещины, и широкие полыньи. Торосы, безжалостный ветер Арктики и тяжесть экспедиционного груза... Все это затрудняло движение.

Через несколько дней путешественники поняли, что не смогут добраться до Земли Франца-Иосифа, и повернули к Шпицбергену.

В сентябре, когда ударили настоящие арктические морозы, они решили продолжать путь на дрейфующей льдине. Снаряжение и съестные припасы позволяли это сделать. К тому же Френкель вывихнул ногу и не мог совершать длительные переходы.

Всех голубей путешественники выпустили еще в первый день, когда покинули свой аэростат. Лишь один голубь не захотел улетать. Андрэ согревал его на своей груди. Зачем? Может, надеялся, что птица еще понадобится для самой важной весточки людям? Или, вспомнив неясное предсказание насчет голубя, розы и льда, он видел в этой птице свой талисман?..

Для жилья путешественники выдолбили углубление в торосе. Свое пропитание они пополняли охотой на тюленей. Судя по дневникам, все трое не поддавались унынию и отчаянию.

В те дни Андрэ писал: «Настроение у нас довольно хорошее, хотя шутки и улыбки не стоят в порядке дня. Мои молодые товарищи справляются лучше, чем я смел надеяться. Поддержанию нашего мужества помогает еще то обстоятельство, что мы за последние дни так быстро снесены к югу...»

Но опасность подстерегала отважную троицу каждый день. После раскола их льдины им пришлось перебраться на другую, гораздо меньших размеров, а значит, и менее надежную.

Наконец путешественникам удалось высадиться на остров Белый. Здесь они прожили до середины октября, пока не наступила трагедия. Многие исследователи истории освоения Арктики так до конца и не могут понять, в чем ее истинная причина.

У путешественников оставался достаточный запас продуктов, спичек, керосина, теплой

одежды, медикаментов. На острове, неподалеку от их стоянки, накопилось множество плавника, так что с дровами не было проблем.

Перенапряжение, болезни, обморожение? Какие-то неведомые простым смертным причины?

Еще одна не раскрытая до конца арктическая трагедия. Еще одна ее роковая тайна... Еще одна дань Арктике за дерзновенную попытку человека нарушить ее покой...

Но голубь не садится на лед,

Но розы не растут во льдах...

Сохранилось предание, что рядом с останками Андрэ обнаружен мертвый голубь. А среди страниц дневника чудом сохранились два засохших розовых лепестка. А вокруг места гибели полярного исследователя, как всегда, от горизонта до горизонта был только лед, лед, лед...

В холодных серо-стальных водах неподвижно стоит на якоре «Заря», солнечный диск медленно исчезает за пламенеющим на горизонте огненным морем — там, где далеко-далеко находится моя родина!

Сквозь «дым Млечного Пути»

Что должно свершиться — то сбудется! Даже в простейших случаях многое зависит от выбора и воли...

Эдуард Толль

Полет Белой совы

Даже в сумерках молодой полярной весны она отчетливо виднелась на фоне высоких лиловых облаков. Станные, необычные для совы движения. Она то взмывала вверх, то почти припадала к заснеженной тундре. Описывала ровные круги и металась зигзагами. При этом не издавала ни единого звука. Бесшумный полет над бесшумной тундрой.

Птица несколько раз устремлялась в сторону моря, но какая-то невидимая преграда не позволяла продолжить этот полет. словно прозрачная стена отбрасывала назад полярную сову. И она снова беспорядочно махала крыльями, теряя перья, поднимаясь и почти припадая к земле, бросаясь то в одну, то в другую сторону. Белая птица напоминала бабочку, бьющуюся в оконное стекло.

— Никогда не видел, чтобы сова так вела себя, — произнес я и вопросительно взглянул на Николая.

Старик напряженно всматривался в ее полет, но потом все же обернулся ко мне:

— Хаар эбэ биллэ буруо халлаансиигэ...

Тут же, сообразив, что я ничего не понял, перевел с якутского:

— Полярная сова почуяла «дым Млечного Пути»...

Но смысл произнесенного все равно остался мне неясным.

Старик вдруг поднял вверх руку и сделал круговое движение.

— Буруо халлаансиигэ — «дым Млечного Пути» — это такая невидимая завеса. Как исчезает она, как появляется — знают немногие, — пояснил Николай. — Простой человек может увидеть лишь маленькую частицу этой завесы высоко в небе. И зовется она полярным сиянием. Но птицы и звери ощущают ее появление...

О «дыме Млечного Пути» мне уже приходилось слышать на Новосибирских островах. Говорили, что эта завеса незримо отделяет прошлое от настоящего и будущего. Угадай, где находится эта завеса, сумей проникнуть сквозь нее — и окажешься то ли в минувших временах, то ли в не наступивших...

Старику не понравилась моя недоверчивая улыбка, и он опять произнес нечто загадочное. — Лишь эхо наших желаний проходит сквозь «дым Млечного Пути», —

Николай снова взглянул на полярную сову. — Быть сегодня сильному небесному свечению. Так всегда происходит, когда зверь или птица учуют «невидимую завесу». А эта, — старик показал на полярную сову, — видно, почуяла свою старость и скорую смерть и теперь хочет улететь в прошлое, где была сильной и молодой. Туда — в другие времена, другие земли...

— Какие земли ты имеешь в виду? Уж не Арктиду ли? Гинерборею? Землю Санникова? — все так же с усмешкой спросил я.

— Может быть, может быть... — недовольно пробормотал в ответ Николай.

Остерегайся шестипалого шамана

Еще на первом курсе студент Дерптского университета Эдуард Васильевич Толль услышал о таинственной Земле Санникова. Услышал и тут же был очарован мечтой о ней.

В университетской библиотеке он отыскивал материалы, связанные с экспедициями в Северном Ледовитом океане, расспрашивал преподавателей, переписывался с Географическим обществом, несколько раз приезжал в Санкт-Петербург покопаться в архивах и встретиться с мореходами, поморами и путешественниками.

В 1881 году, за год до окончания университета, Эдуард Толль познакомился в столице с одним странным человеком, назвавшим себя Егорием, который уверял, что ему удалось добраться до Земли Санникова.

Бывший моряк и охотник, Егорий в 40 — 60-х годах добывал моржей в районе Новосибирских островов. Однажды вместе с двумя товарищами он отправился на промысел с острова Котельный. Места эти были для них незнакомые.

Один якутский охотник посоветовал Егорию двигаться строго на север, где в четырех-пяти сутках перехода образовалась огромная полынья.

— Опасайся только шестипалого шамана, — предупредил якут. — Где удачная охота — там и кружит шестипалый. А чего кружит, чего добывается — никто не ведает. Морочит он людям головы, сбивает с пути, заводит туда, откуда нет возврата... Какой ему прок от этого — не знаю...

Богатую морским зверем полынью Егорий и его товарищи отыскиали. Но в первый же день приключилась беда: все оказались в воде. Егорию удалось выбраться на лед, а вот его напарники утонули. Помочь им он не смог.

Но и Егорию досталось от «купания» в ледяной воде.

На другой день он уже не мог двигаться. Начался жар, кашель, руки и ноги не слушались, потом — потеря сознания, бред, видения.

Вот тогда и явился к нему шаман с шестью пальцами на каждой руке. Дословно не помнил Егорий, что нашептывал и чем заманивал его тот шаман. Лишь смутно помнил, будто убеждал шестипалый уйти в землю блаженных людей. Где та земля, зачем она Егорию и какая корысть шаману от заманивания — так и осталось неизвестно.

Поднялась вдруг метель, скрылось солнце, и Егорий почувствовал, как часть льдины, где он лежал, откололась. Ветер тут же погнал обломок льдины куда-то дальше на север. А впереди, над водой, в белой метельной круговерти плясал, кувырчался и орал что-то неразборчивое проклятый шаман.

Изредка он замирал и подолгу смотрел с разинутым ртом и выпученными немигающими глазами: не отстал ли Егорий на своей льдине?

Потом шестипалый вдруг исчез, будто провалился то ли в небесную, то ли в океанскую бездну.

Вслед за этим уgomонился ветер. Солнце загло розовым светом льды, а вокруг Егория появились какие-то странные лики. Вроде бы люди, но созданные из разноцветных туманов. Двигались они медленно и плавно, словно боялись развеяться.

А говорили с больным охотником тихо и по-доброму.

— Кто вы? — испуганно прошептал Егорий.

— Мы — те, кто жил здесь тысячи лет назад. Для нынешних народов нас уже нет, но мы есть... Ты попал к нам случайно, пройдя сквозь завесу «дыма Млечного Пути».

Хоть и не зло отвечали ему, да все же не на шутку оробел Егорий. Стал ссылаться на болезнь и жаловаться на козни шестипалого шамана.

— Знаем, — ответили охотнику. — Не по своей воле, не сам ты выбирал путь. А шестипалый шаман — враг опыта прошлого. Он хочет внести сумятицу, спутать разные времена, прошлое, настоящее, будущее... Мы вернем тебя в твой мир...

Как Егорий снова оказался на острове Котельный, он не помнил. Но сразу почувствовал себя здоровым. Только усталость еще несколько дней давала себя знать, да по ночам, то ли во сне, то ли на самом деле, являлся шестипалый шаман, снова кривлялся, плясал и упрекал: «Зря вернулся, Егорий... Надо было оставаться в том мире...»

В память об учителе

Конечно, рассудительный студент Эдуард Толль не очень-то поверил бывшему охотнику из Заполярья. Но все же подумал, что крупница правды в его истории есть, и эта крупница правды — существование земли за Новосибирскими островами. Тем более что предположение о загадочной земле высказывал известный русский ученый и путешественник Александр Федорович Миддендорф.

Он сыграл большую роль в жизни Толля. Хоть и в разные годы, они заканчивали один и тот же Дерптский университет. Будучи студентом, Эдуард Васильевич внимательно изучал отчеты экспедиций Миддендорфа. А впоследствии маршруты их северных путешествий не раз пересекались, пусть не во времени, но в пространстве.

«Скала представляла собой огромную глыбу кварца, — записывал в 1901 году Толль. — Не подлежит никакому сомнению, что это тот самый глинт, который Миддендорф видел на острове Бэра, что это и есть описанная им глыба...»

Пройдя несколько шагов на восток, я увидел в бинокль нечто похожее на остатки избушки. Я поспешил туда и действительно увидел перед собой полуразрушенный домишко... От него остались лишь нижние венцы...

Я сел отдохнуть на бревна, чувствуя себя счастливым оттого, что нашел самые северные следы пребывания Миддендорфа и что, заполнив пробелы, оставшиеся на географической карте, я получил возможность хоть в какой-то мере выразить этим благодарность своему учителю...»

Во время своей последней северной экспедиции Эдуард Толль открыл залив, который в память об учителе назвал фьордом Миддендорфа. Он не только нанес залив на карту, но и красочно описал это событие в своем дневнике:

«С южной стороны на горизонте, на фоне розово-красного неба, резко выделялись волнистые темно-синие контуры гор материка, над их вершинами плыли красноватые и золотистые перистые облака, похожие на колеблемые ветром столбы пламени. На переднем плане сверкали, освещенные пробивающимся сквозь тучи солнцем, узкие бурые полосы тундры, окрашенные местами в светло-фиолетовые тона.

У подножия скалистого мыса, представляющего собой хаотическую грудку нагроможденных одна на другую глыб серовато-бурого выветренного гнейса, неподвижным покровом лежал пригнанный ветром лед, а на другую сторону мыса принесенные течением льдины, сталкиваясь, издавали певуче-жалобный звук. Слегка волнующееся огромное море отражало на своей поверхности низко нависшие свинцово-серые облака, которые по мере приближения к бухте становились фиолетовыми. В холодных серо-стальных водах неподвижно стоит на якоре «Заря», солнечный диск медленно исчезает за пламенеющим на горизонте огненным морем — там, где далеко-далеко находится моя родина!»

Снова возвращаясь мыслями к своему учителю, к его подвигу и научным заслугам, Эдуард Толль отмечал в своих записях: «Фьорд, который мы открыли и в котором стоим уже одиннадцать дней, я назвал именем Миддендорфа».

Полагаю, что я имел право это сделать: во-первых, потому что мы определили координаты этого места; во-вторых, потому что изучение окрестностей и фауны фьорда проходит успешно и, следовательно, наименование фьорда вполне обоснованно. Чье же имя более других заслуживает того, чтобы быть увековеченным здесь, если не имя Миддендорфа — первого ученого-исследователя Таймырской земли, авторитетного исследователя Сибири?»

Предостережение Угрю

После окончания университета начались северные странствия Эдуарда Толля. В 1885 году он стал помощником известного ученого и путешественника Александра Андреевича Бунге, который возглавил экспедицию по исследованию Новосибирских островов.

Достигнув северной стороны острова Котельный, в один из ясных дней Толль увидел очертания далеких гор и сразу сделал вывод: это она — легендарная Земля Санникова.

Он хотел немедленно отправиться к своей мечте, даже без помощников, в одиночку. Но в тот год у молодого ученого не было возможности достичь заветного острова. Шло время, а мечта о таинственной земле снова и снова манила его на Север.

В 1893 году Толль опять прибыл на Новосибирские острова. Он подробно расспрашивал бывалых полярников — рыбаков, оленеводов, охотников на медведей, песцов и моржей — о загадочной северной земле.

У него не было сомнений, что Земля Санникова существует. И даже фантастические рассказы Егория, а потом и бывшего «добывальщика мамонтовой кости» Угрю о странных северных людях из прошлого и о шестипалом шамане считал косвенным подтверждением своих убеждений.

Но, когда Эдуард Толль заговорил с охотниками за мамонтовыми бивнями о своем желании организовать экспедицию к Земле Санникова, Угрю туманно и не совсем понятно принялся остерегать его:

— Поздно искать то, что ушло. Поздно искать невозвратное. Поздно искать то, что не сможет стать уроком ныне живущим... Ну, а если не победишь в себе желание «побывать там», можешь никогда не вернуться в свой мир...

Но разве могли остановить одержимого ученого подобные неясные предостережения? Толль выслушал их и поступил по-своему.

Любовь и вдохновение

В «Кронштадтском вестнике» 25 марта 1900 года появилась публикация: «В зале Кронштадтского морского собрания известным исследователем полярных стран Э.В. Толлем была прочитана лекция «О целях Русской полярной экспедиции, снаряженной Академией наук», вызвавшая оживленную дискуссию».

Э.В. Толлем был определен план экспедиции. Продовольственные запасы делались из расчетов на три с половиной года. Предстояло изучить Новосибирские острова и исследовать часть полярной области, где еще не приходилось бывать человеку, а возможно, и открыть не только Землю Санникова, но и другие острова.

В навигацию 1903 г. экспедиция должна пройти Беринговым проливом к Владивостоку в бухту Золотой Рог.

В обсуждении доклада принял участие С.О. Макаров, который высоко оценил инициативу и мужество Э.В. Толля. Адмирал сказал, что великие русские моряки прошлого руководствовались девизом «сила не в силе — сила в любви», а любовь и вдохновение были присущи таким отважным мореплавателям, как Прончищев, Челюскин, Ласинус, Харитон и

Дмитрий Лаптевы. С их именами связаны великие открытия в труднодоступных районах Русского Севера.

В заключение Макаров отметил: «Направляясь в поиски неведомой Земли Санникова, пусть смелый исследователь Э.В. Толль знает, что моряки ему вполне сочувствуют, глубоко ценят его труды и от души желают полного успеха и благополучия в предстоящей экспедиции».

Раз наступить и умереть!

В 1893 году Толль отмечал в дневнике: «Мой проводник Джегерли, семь раз проводивший лето на о-вах и видевший несколько раз подряд загадочную землю, на вопрос мой «Хочешь ли достигнуть этой далекой цели?» дал мне следующий ответ: «Раз наступить — и умереть!...»

А 21 июня 1900 года Эдуард Толль сделал в своем дневнике восторженную запись: «Экспедиция, которую я так долго готовил, началась!»

Петербургская академия наук поставила перед ним обширную задачу: исследовать все Новосибирские острова, найти и описать Землю Санникова, пройти Северным морским путем в Тихий океан.

На борту экспедиционного судна «Заря» находилось снаряжение, рассчитанное на дальние ледовые переходы, и продовольственные запасы для участников экспедиции примерно на три года.

И все же Толль до конца еще не мог поверить в такую удачу. На страницах дневника он размышлял о том, что явилось счастливым началом его экспедиции к заветной Земле Санникова.

«Было ли оно в 1886 году, когда я видел З.С., или в 1893 г., когда я на Новосибирском о-ве Котельном мечтал о З.С., собирался отдаться своему желанию и достичь этой земли на собачьих упряжках?

Было ли начало после опубликования моего плана в 1896 г. или когда я с судна «Ермак» подал рапорт Великому кн. Константину?...»

Толль понимал, что без поддержки таких корифеев русской науки, как Федор Шмидт, Александр Карпинский, Федор Чернышев, Дмитрий Менделеев, адмирал Степан Макаров и, конечно же, великий князь Константин Константинович, его экспедиция не состоялась бы.

Константин Константинович Романов был единственным из царской фамилии президентом Российской академии наук. Драматург, поэт, переводчик, музыкант, любитель истории, он, по отзывам современников, оказался как нельзя кстати на высоком посту науки.

Благодаря его влиянию в Петербурге был открыт Зоологический музей и новые лаборатории и обсерватории академии наук. Он активно содействовал организации русских научно-исследовательских экспедиций на Шпицберген и в район Новосибирских островов. Сам мечтал о путешествиях к морям и землям студеным. Но эту мечту осуществить не смог.

Пожалуй, жизненное кредо великого князя Константина отражалось в строках его стихотворения:

Но пусть не тем, что знатного я рода, Что царская во мне струится кровь, Родного православного народа Я заслужу доверье и любовь, Но тем, что песни русские, родные Я буду петь немолчно до конца И что во славу матушки России Священный подвиг совершу певца.

Для того, кто не знаком с жизнью великого князя Константина, эти строки могут показаться всего лишь напыщенными фразами. Но он верил в то, что говорил, и всегда выполнял свои обещания.

Не случайно Эдуард Толль, как и многие другие ученые, относились к нему с почтением не только из-за его знатного происхождения. «Меценат, не требующий ничего взамен: ни славы, ни почестей» — так говорили о нем современники.

С великим князем, президентом академии наук у Толля установились доверительные отношения в первые же дни знакомства.

По слухам, Константин даже рекомендовал ученому-путешественнику перед выходом «Зари» в дальний путь побывать у петербургской ясновидящей Марфы, которая считалась лучшей предсказательницей морских бед и катастроф.

Может быть, это был шуточный совет.

Великий князь с улыбкой на грустном лице сказал Толлю:

— Я тоже стыжусь разных суеверий, но все же сходите на Мойку, где за зеленым домом без двора и ворот — флигелек морской предсказательницы Марфы.

За несколько дней до выхода «Зари» в плавание старуха-прорицательница предупредила Толля: «Остерегайся шестипалого шамана и перечитай свои записи, сделанные семь лет назад».

Эдуард Васильевич сразу понял, о каком конкретном случае в его записках идет речь, и очень удивился: откуда старуха знает об этом? Но расспрашивать ее не стал.

Пройдено Карское море

Так начальнику экспедиции Эдуарду Толлю приходилось постоянно сообщать в академию наук о проделанной работе. В одной из телеграмм, отправленной в апреле 1901 года на имя великого князя Константина Константиновича, говорится: «Заря» прошла все Карское море до Таймырского пролива, где 13 сентября барьер несломанного льда и наступление зимы заставили меня — 76 градусов 8 минут — 95 градусов 6 минут — стать на зимовку на защищенном рейде вблизи гаваней Актинии и Арчера; во время вынужденных состоянием льда остановок по Таймырскому побережью открыто и исследовано несколько бухт и заливов, добыто во время плавания много научного материала по зоологии и гидрологии. Зимняя ночь — прошла благополучно; на магнитно-метеорологической станции производились ежечасные и другие наблюдения. В октябре устроил во фьорде Гафнера депо, куда, как к исходному пункту, отправляюсь на днях с лейтенантом Колчаком для исследования полуострова Челюскина. Другой санной поездкой лейтенанта Матисена в марте месяце исследованы острова, лежащие к северу от места зимовки; лейтенанта Коломейцева отправил к устью Енисея на Дудино с поручением устроить угольные станции. Командиром «Зари» назначил лейтенанта Матисена. Подробности в рапорте. Все члены экспедиции здоровы. Между командой явились после зимней ночи случаи легкого заболевания цингой, все уже здоровы, кроме одного, который еще поправляется; все в добром духе».

Но в долгих полярных экспедициях удача весьма переменчива. Вскоре после этой телеграммы и сам Толль, и многие его товарищи заболели. Да и погода не баловала исследователей.

В конце лета 1901 года неподалеку от Новосибирских островов он писал в дневнике о неблагоприятных густых туманах, таких, что «можно было десять раз пройти мимо Земли Санникова, не заметив ее... Как будто злой полярный волшебник дразнил нас...»

Несмотря на болезнь и усталость, Толль не прерывал научных наблюдений и исследований. Поведение птиц и маршруты их полетов, геологические и гидрографические наблюдения убедили его в существовании островов севернее мыса Челюскин. Через несколько лет его выводы были подтверждены открытием Северной Земли.

«Мне кажется, что к северу от мыса Челюскин должны быть еще острова, — отмечал Толль. — Наклон пластов на мысе Челюскин указывает на север, так что следует предположить существование островов и в этом направлении и, может быть, не в меньшем количестве, чем в шхерах Таймыра».

«В этом далеком мире»

Экспедиционные записи полярного исследователя носили не только научный характер. В них были и мысли о доме, о жене, о близких, лирические воспоминания и размышления о будущем.

«Седьмое апреля 1901 года. Вербное воскресенье.

Сегодня ночью было минус 30 градусов по Цельсию. Тихо и ясно, великолепный зимний день, много света; на солнце уже тает. Вербное воскресенье дома. Ты ждешь известий, кто знает, когда они дойдут до тебя. У детей начались пасхальные каникулы, и они радуются весне. Журчат ручьи, стекая вниз по Домбергу; скоро на улицах начнут ломами сбивать лед, зазвенит железо о булыжную мостовую, и весь город будет гудеть от его ударов, в юности их эхо так часто звучало у меня в ушах, вызывая ощущение приближающейся весны, пробуждая желание вырваться из города на лоно природы, с городских улиц в далекий и широкий мир. Теперь я пребываю в этом далеком мире, у своей цели, но сколько препятствий нужно еще преодолеть, раньше чем будет решена моя задача!»

Роковой остров

В 1902 году, после второй зимовки экспедиции в полярных широтах, когда «Заря» находилась в ледовом плену, Толль с тремя спутниками отправился по льду к острову Беннетта.

Этот опасный переход он задумал еще несколько месяцев назад. С ним отправились астроном Фридрих Зееберг, каюры эвенк Николай Протодяконов и якут Василий Горохов. На двух собачьих упряжках Толль намеревался пересечь остров Котельный, проехать по берегам Земли Бунге и Фадеевского острова. Затем перебраться по льду через Благовещенский пролив на Новую Землю, а с нее двинуться на остров Баннетта.

С этого острова Эдуард Васильевич хотел совершить переход на легендарную Землю Санникова.

Перед тем как покинуть «Зарю», Толль вручил лейтенанту Федору Матисену инструкцию. На запечатанном пакете он сделал надпись: «Вскрыть в случае гибели экспедиционного судна и возвращения без меня экипажа на материк или в случае моей смерти».

В самой инструкции Матисену предписывалось: «Что касается указаний относительно вашей задачи снять меня с партией с острова Беннета, то напомним только известное вам правило, что всегда следует сохранять за собою свободу действий судна в окружающих его льдах, так как потери свободного движения судна лишает нас возможности исполнить эту задачу. Предел времени, когда вы можете отказаться от дальнейших стараний снять меня с острова Беннета, определяется тем моментом, когда на «Заре» будет израсходован весь запас топлива для машины...»

В случае, если топлива не останется, Эдуард Толль приказывал Матисену добираться до бухты Тикси. Он также требовал, во что бы то ни стало, сберечь все научные материалы экспедиции.

Сам же Эдуард Васильевич при таком раскладе собирался выбраться с острова Беннета на байдарках. Конечно, план рискованный, но другого выхода он не видел.

«Заре» не удалось пробиться сквозь льды к «роковому острову». Так окрестил эту землю друг Толля, старый ламут Джергели.

Экспедиционное судно, согласно инструкции, повернуло в бухту Тикси.

Первым вызвался отправиться на поиски четырех полярников Джергели. Потом академией наук была организована спасательная экспедиция, но Толля и его товарищей не нашли. На острове Беннета были обнаружены лишь научная коллекция, снаряжение и документы пропавших путешественников.

В последней записи Эдуарда Васильевича сообщалось: «Отправляемся сегодня на юг. Провианта имеем на 14–20 дней. Все здоровы...» Кроме того, он вложил в бутылку план острова Беннетта с указанием места расположения стоянки. На карте было написано: «Для тех, кто нас ищет: приветствуем вас с прибытием».

Многие полярные исследователи недоумевали: почему Толль и его спутники покинули остров в полярную ночь?

Известный путешественник и участник экспедиции Толля Никифор Бегичев писал: «Если бы оне вернулись в конце августа, то могли бы добраться на Новую Сибирь, где была для них устроена изба и имелся запас провизии. Но что их побудило итти в это время? Ни один путешественник в такое время года не пошел бы на верную гибель...»

Спустя несколько лет жена Толля Эммелина писала о нем: «Он серьезно относился к жизни, не мог обходиться без работы и был весь без остатка поглощен ею. Для него было жизненной потребностью даже в период величайшего трудового напряжения отдавать себе отчет в своих действиях и мыслях, уяснить себе, откуда и куда ведет жизнь со своими трудными для разрешения задачами. Он верил в будущее народа и в развитие каждого человека в отдельности, невзирая на те существенные преграды, которые стоят на пути человека как покорителя природы.

Его душа принадлежала царству вечных стремлений, и из этого царства он черпал свою нравственную силу».

Записи, дневники, научные выводы, изыскания Эдуарда Толля после его гибели были опубликованы. Целых тридцать два тома составили результаты экспедиций этого полярного исследователя.

Чтобы помочь другим

Туманы, полярные льды, шторма и вьюги скрыли тайну еще одной пропавшей экспедиции.

В одном старом справочнике говорится: «Несмотря на усиленные поиски Санникова Земли морскими и воздушными экспедициями, ее обнаружить не удалось... По мнению некоторых исследователей, Санникова Земля была разрушена морем и исчезла, как исчез ряд других островов, сложенных в значительной мере из ископаемого льда...» Старый Николай был другого мнения и считал, что Эдуард Толль нашел Землю Санникова:

— Он верил в нее и шагнул сквозь завесу «дыма Млечного Пути». Зачем? Может, чтобы помочь другим пройти дорогой познания?

...А полярная сова все продолжала биться о невидимое препятствие.

Вот уж совсем темно стало в тундре. Лишь в вышине зажглось, разлилось по всему небу сияние. И отблеск его заискрился в снегах и на перьях белой птицы...

Правы ли официальные источники? Или прав старый Николай? Добрались ли Эдуард Толль и его товарищи до цели? Не сбил ли их с пути шестипалый шаман? Возможно, точный ответ пока знают лишь полярные льды, вьюги, снега и туманы, да еще белая сова, что силилась прорваться сквозь завесу «дыма Млечного Пути».

Записки о командорах и Синей Звезде

Нам стоит ощутить страх этих далеких путешественников и восхититься

их мужеством, ибо, как мы увидим, они сумели преодолеть свой страх,

а ведь преодоление его и есть не что иное, как мужество.

Леннарт Мери

Точка в океане

К полудню шторм прекратился. Небо заяснело голубизной. Словно кончились внезапно буйные силы океана. И только ветер завывал от обиды, что не смог как следует разгуляться, и теперь лишь уныло закручивал пенные гребешки волн. Я поднялся на верхнюю палубу. Двое матросов что-то высматривали прямо по курсу. Неожиданно один из них вытянул руку вперед и негромко произнес:

— Остров Беринга...

Мне показалось, что сказал он это слишком равнодушно.

— Где? — не сдержался я.

— А во-он, — снова устремил вперед руку матрос. — Да не туда смотрите, чуть левее. Видите?

Теперь я разглядел над темной полосой горизонта неясные очертания заснеженных сопок. Сказочные хрустальные дворцы в океане!..

Вот он, главный остров Командор! Вот она, заветная точка на карте. Со школьной скамьи она манила меня своей загадочной отдаленностью. Даже в ее названии угадывались таинственные истории, морские походы, победы и трагедии, великие и негромкие открытия.

Конечно, и до прибытия сюда я уже знал, что Командоры — западное ответвление Алеутской островной гряды. Омываются они с севера Беринговым морем, с юга — Тихим океаном. Состоят из двух больших островов (Беринга и Медного) и двух малых (Топорков и Сивучий). А неподалеку от них еще имеется множество торчащих из воды скал.

По геологическим меркам, Командоры возникли недавно благодаря вулканическим силам. Но образованный этими силами хребет стал разрушаться ветрами и водой.

Наверное, тысячи лет назад стихия в этих местах не пощадила легендарную Землю Синей звезды, и она исчезла как географический объект. И лишь неясные предания, отголоски прошедших веков, вызывают споры современных исследователей, любителей древних тайн.

Спроси у синей звезды

О ней упоминается в преданиях разных народов. «Все, что произошло, происходит и произойдет с человечеством, знает Синяя звезда».

Не всякому дано увидеть ее в миллиарднозвездном небе. Но «тот, кто сможет в Египте взобраться на Большого Сфинкса, не потревожив его покой, сразу отыщет ее». Так говорят знатоки древних тайн.

«Синяя звезда сама притянет взгляд того человека. Ибо она покровительствует Сфинксу».

Возможно, потомки оставшихся в живых после катастрофы представителей легендарной цивилизации создали предания о Земле Синей звезды. Пройдя через тысячелетия, их рассказы о прародине могли сильно исказиться. И ныне живущим пока еще не дано разобраться, где правда, а где вымысел в легенде о Синей звезде и о погибшей цивилизации.

Идущие к морям и землям студеным, к берегам Северного Ледовитого и Тихого океанов... Откликались ли они на зов легендарного светила или только стремление познать и открыть неведомое, научный, экономический и политический интересы заставляли их отправляться в рискованные путешествия?..

Не знаю, как называли ее астрономы. К каким созвездиям или туманностям она принадлежит? И занесена ли вообще в звездный каталог?

Спрашивал у специалистов. Ответа не получил.

В преданиях говорится, что Синяя звезда едва заметна в ночном небе. Не каждый может ее отыскать, как и постичь и разгадать тайны прошлого, настоящего, будущего.

Хранители древних знаний из разных стран и сегодня поклоняются ей, вопрошают ее.

Она то ярче горит, то бледнеет. Кажется то ближе к земле, то дальше. Порой возникает

предчувствие, что ее тайна вот-вот раскроется. Вроде бы искомый ответ уже совсем рядом... Но бледнеет заветная звезда — и верный ответ теряется в потоках неясной информации, версиях, догадках, сомнениях.

От индейцев штата Орегон, от жителей Тибета и Скандинавии, от бурят и ливийцев, алеутов и греков я слышал ответ: «Спроси у Синей звезды».

Однако большинство из них даже не слышали об этой хранительнице древних тайн. Для многих ответ «Спроси у Синей звезды...» являлся лишь привычной фразой, пришедшей из давних времен.

Первопроходцы

В одном из преданий о Земле Синей звезды говорится, будто она существовала во времена Гипербореи и Атлантиды. Здравствовала и исчезла почти одновременно с ними. Но что значит «почти одновременно»? В один и тот же день, год, век? Ответ не знают даже знатоки древних тайн. Зато они утверждают, что лишь Алеутская гряда — последний географический остаток и Земли Синей звезды, и не менее загадочной Берингии.

Находились смельчаки прошедших столетий, уходившие в северные воды Тихого океана с надеждой отыскать легендарный остров. Но погибали или возвращались ни с чем.

По-разному называли Землю Синей звезды ученые, путешественники и картографы.

В 1766 году русский мореход Андреян Толстых отправился на поиски мифической «Земли Гамма». Не нашел. На обратном пути, во время шторма, его бот разбился. Сам Андреян Толстых и большинство участников экспедиции погибли.

Может, на Командорских островах остались хоть какие-то следы существования Земли Синей звезды?

Увы, пока без ответа... Даже вопрос о посещении людьми Командорских островов до прихода сюда экспедиции Витуса Беринга остается спорным.

Известно, что еще в конце XVII века русские переселенцы на Камчатке знали: неподалеку от их полуострова есть в океане какие-то неразведанные земли.

В 1710 году эта весть дошла до Якутска. В приказной избе держали ответ служилые люди.

Один из них, Михайло Наседкин, сообщил, что восемь лет назад вместе с приказчиком Многогрешным они отправились из Анадырского острога в Камчадалский.

На лыжах и нартах добрались до устья реки Камчатка, чтобы «усмирить немирных камчацких мужиков». «И против Камчацкого де устья значится остров, а какие на том острову люди есть, того он, Михайло, не ведает, и преж сего на том острову русские люди бывали ль, того де он, Михайло Наседкин, ни от кого не слыхал...»

Примерно в те же дни, когда в Якутске был допрошен Михайло Наседкин, приказчику Осипу Миронову поручили обследовать остров, который находится «напротив устья реки Камчатка», и выяснить, что за люди живут там, какой они веры, какие водятся там звери и птицы, а также составить подробную карту этой неизвестной земли.

Добрался ли до острова и выполнил ли Осип Миронов приказ? Скорее всего нет.

Они шли на восток

Оценивая заслуги русских первопроходцев, известный немецкий историк Гельвальд писал: «В начале XVIII столетия уже почти все народы Европы имели свою долю участия в деле открытия Америки... Но истинным чудом представляется, что... предприимчивые русские казаки нашли путь в Америку, невзирая на бесконечные пустыни Сибири, и совершенно самостоятельно и своеобразно открыли эту новую часть света...»

Все другие народы шли с востока, вместе с солнцем, на запад. Русские же шли с запада на восток...»

Другой зарубежный ученый, английский географ Дж. Бейкер, также дал высокую

оценку нашим первопроходцам: «Продвижение русских через Сибирь в течение XVII века шло с ошеломляющей быстротой.

Успех русских отчасти объясняется наличием таких удобств путей сообщения, какими являются речные системы Северной Азии, хотя преувеличивать значение этого фактора не следует, и если даже принять за расчет все природные преимущества для продвижения, то все же на долю этого безвестного воинства достается такой подвиг, который навсегда останется памятником его мужеству и предприимчивости и равного которому не свершил никакой другой европейский народ».

Зимой 1725 года, за несколько недель до своей смерти, тяжело больной Петр I написал наказ Камчатской экспедиции. Исследование северных вод и берегов Тихого океана было необходимо для разрешений вопроса о государственных границах Российской империи на Востоке и безопасности их для установления торговых отношений со странами Тихоокеанского бассейна.

Механик и изобретатель Андрей Нартов вспоминал разговор Петра I с генерал-адмиралом Федором Апраксиным. Произошел этот разговор незадолго до смерти императора.

«Я, будучи тогда беспрестанно при государе, видел сам своими глазами то, как е.в. спешил сочинять наставление такого важного предприятия и будто бы предвидел скорую кончину свою и как он был спокоен и доволен, когда окончил.

Призванному к себе генерал-адмиралу... говорил следующее: «Худое здоровье заставило меня сидеть дома, вспомнил на сих днях то, о чем мыслил давно, и что другие дела предпринять мешали, т. е. о дороге через Ледовитое море в Китай и Индию...

В последнем путешествии моем в разговорах слышал я от ученых людей, что такое обречение возможно. Ограждая отечество безопасностью от неприятеля, надлежит стараться находить славу государства через искусства и науки. Не будем ли мы в исследовании такого пути счастливее голландцев и англичан, которые многократно покушались обыскивать берегов американских...»

Государь также поставил перед первой камчатской экспедицией задачу — выяснить, соединяется ли Северная Азия с Америкой или между ними существует пролив.

В своей инструкции он писал:

«1. Надлежит на Камчатке или в другом таможем месте сделать один или два бота с палубами.

2. На оных ботах возле земли, которая идет на норд, и по чаянию (понеже оной конца не знают), кажется, что та земля — часть Америки.

3. И для того изкать, где она сошлась с Америкой и чтоб доехать до какого города европейских владений».

Много лет существуют слухи и предположения, что были еще какие-то секретные поручения Петра I, связанные с плаванием в северных водах Тихого океана и с поиском неведомых земель. Может быть, подразумевалась «Земля Гамма» или Земля Синей звезды?.. Но историческими документами эти слухи не подтверждены.

Начальником экспедиции император назначил опытного капитана Витуса Беринга. Этот мореход, выходец из Дании, в 1704 году начал службу мичманом в Русском военном флоте и дослужился до звания капитан-командора. Он был известен Петру I еще с похода на Азов.

Во время Северной войны Беринг выполнял специальное задание государя: провести из Копенгагена в Кронштадт корабль «Перл», а из Белого моря, вокруг Скандинавии, — корабль «Селафаил», построенный на архангельской верфи.

Беринг успешно справился с царским поручением.

Петр I ценил его как знатока морского дела и добросовестного, исполнительного

служаку.

Заместителем начальника экспедиции был назначен молодой офицер, один из «птенцов гнезда Петрова», Алексей Чириков. При выпуске из Морской академии государь, присутствовавший на экзаменах, за хорошие знания приказал досрочно произвести его в унтер-лейтенанты.

Экспедиция растянулась на много лет. Один только переход из Санкт-Петербурга до Охотска занял два года. Болели и умирали люди. Не хватало продовольствия и снаряжения. Во время одного перехода по Сибири погибло от голода более двухсот-пятидесяти экспедиционных лошадей.

Витус Беринг писал: «Оголодала вся команда, и от такого голоду ели лошадиное мертвое мясо, сумы сыромятные и всякие сырые кожи, платье и обувь кожаные...»

29 мая 1741 года началась вторая камчатская экспедиция. Из Авачинской бухты, где находится теперь Петропавловск-Камчатский, вышли два пакетбота: «Св. Петр» — под командованием начальника экспедиции Витуса Беринга и «Св. Павел» — под командованием Алексея Чирикова.

20 июня густой туман разлучил корабли, и дальнейшее плавание они продолжали отдельно. Но оба судна достигли неизвестных берегов Америки. И открытия двух капитанов — Беринга и Чирикова — впоследствии хорошо дополнили друг друга.

Начались характерные для северной части Тихого океана ураганные ветры. Дальше продолжать плавание у американских берегов было опасно. И Беринг решил возвращаться на Камчатку.

Свирепый и затяжной шторм поджидал первопроходцев на обратном пути. Почти семнадцать суток не выпускал он пакетбот «Св. Петр» из своих объятий. Ни опытные офицеры, ни сам капитан-командор уже не могли точно определить местонахождение своего корабля.

4 ноября 1741 года вахтенный увидел землю, похожую на побережье Камчатки. К этому времени почти вся команда болела цингой. Шторм порвал ванты. Пользоваться парусами стало почти невозможно.

Выброшенные на остров

Гибель судна и людей казалась неминуемой. Около больного Беринга состоялся совет. Участвовали все, кто мог добраться до его каюты. После споров приняли решение подойти к берегу.

Однако и здесь первопроходцев поджидала беда. Лопнул прогнивший якорный канат, и подхваченное бурунами судно понесло к прибрежному рифу.

Вот она, гибель!.. Люди опускались на колени, молились, прощались с земной жизнью.

Но случилось чудо. Набежала огромная волна и перебросила корабль через камни. Пакетбот оказался неподалеку от берега, в спокойной воде.

Большинство участников экспедиции еще не знали, что земля эта — не Камчатка, а необитаемый, пустынный остров.

Измученные путешественники высадились на берег. Для жилья принялись выкапывать ямы. Сверху их покрывали остатками парусов.

Экипаж «Св. Петра» таял с каждым днем. Только во время высадки на берег умерло 12 человек. Больных укладывали в ямы, прикрывали парусиной и засыпали сверху песком. Это помогало согреться и спасало беспомощных людей от укусов наглых песцов. Их оказалось множество на острове, и они совсем не боялись пришельцев.

Отсутствие на неизведанной земле деревьев возмещалось выброшенным на берег плавником. Питаться в основном приходилось птицами. Потрепанный штормами «Св. Петр» был непригоден к плаванью. Необходимо было строить новый корабль из остатков старого. Но надвигалась долгая, метельная зима, и возвращение на Камчатку отложили на год.

Из 77 человек экипажа в живых осталось только 46.

8 декабря от цинги умер капитан-командор Витус Беринг. Умер он, как и другие моряки, в яме, полужасыпанный песком. Во время болезни командор не разрешал себя откапывать. Под толстым слоем песка, ему казалось, было теплее.

Командование экспедицией принял на себя старший по чину лейтенант Свен Ваксель. На офицерском совете по его предложению остров был назван именем Беринга.

Прибытие в Никольское

Итак, конец 70-х годов XX века. Теплоход «Петропавловск» замер на рейде в полумиле от берега. Тихая бухта. Белые дюны. Приземистые сопки с плоскими вершинами. На палубе собралось человек двадцать пассажиров с чемоданами, сумками, портфелями. — Ждали высадки на остров Беринга. Был месяц май, но вся земля еще покрыта снегом. И только в селе Никольское снег лежал редкими пятнами.

Никольское — единственный населенный пункт на Командорских островах. С верхней палубы теплохода просматривался каждый домик села.

С берега подошла безымянная посудина — самоходная баржа, похожая на огромное корыто. На ней перевозят людей и грузы с «Петропавловска» на берег. Спустить трап на это суденышко невозможно из-за его малых размеров, поэтому людей высаживают в корзине-сетке из толстых канатов.

Вместе с пятью пассажирами влезаю в нее. Заворчала грузовая стрела «Петропавловска», и мы медленно оторвались от палубы. Покачиваясь, на некоторое время повисли над водой, потом устремились вниз, к суденышку. Едва успели выйти из корзины, как снова заработала стрела.

Наконец, выгрузка закончилась. Мы отошли от борта теплохода.

На бревенчатом причале острова собралась толпа — встречающие и те, кто просто пришел поглазеть на приезжих. Ведь пассажирское судно у острова Беринга — всегда событие. Один раз в неделю заходит оно сюда, а длится навигация с мая по ноябрь, после чего пассажирское сообщение Командорских островов с материком прекращается почти на полгода...

Вместе с моим новым знакомым Михаилом Титеевым, прожившим на Командорах уже несколько лет, мы шли от причала по вязкой дороге.

Тишина в селе. Только чайки жаловались на что-то океану, да где-то за сараями урчал трактор.

Мы поднялись по уцепившейся за крутой холм шаткой деревянной лестнице и остановились у двухэтажного здания. Таких много в селе Никольском.

— Ну вот и наш гранд-отель, — сказал Михаил и кивнул на ближайший дом.

Над одним из трех подъездов большими буквами гордо красовались два слова: гостиница «Чайка».

Первая ночь на острове Беринга

Маленькая комнатка в гостинице. В окна ломится ветер с океана. Ночь. На рейде, недалеко от берега, замерло судно. Туман за окном то собирался в тяжелые клубы, то превращался в капли моросящего дождя. В разрывах тумана сверкающими тропинками разбежались по воде судовые огни.

Мне жаль людей, которых не притягивают эти огни, тех, кто не слышит их музыки.

Во многих гаванях мира я видел огни стоящих на рейде тружеников морей. В их сиянии кроется какая-то тайна. В них загадки океанов, дальних стран, неведомых земель. Они — братья отраженным в море звездам.

Не спится. Из репродуктора доносится тихий голос: «В Москве сейчас 15 часов, в Красноярске — 19, Иркутске — 20, Хабаровске — 22, Южно-Сахалинске — 23, в

Петропавловске-Камчатском — полночь». Девять часов разницы с Москвой.

Бессонница... В который раз раскрываю книгу Свена Вакселя, славного сподвижника командора. Неистовый, энергичный лейтенант возглавил экспедицию в самую трудную для нее годину, во время болезни и после смерти Беринга.

«...В нашей команде оказалось теперь столько больных, что у меня не осталось почти никого, кто бы мог помочь в управлении судном.

Паруса к этому времени износились до такой степени, что я всякий раз опасался, как бы их не унесло порывом ветра. Заменить же их другими, за отсутствием людей, я не имел возможности. — Матросов, которые должны были держать вахту у штурвала, приводили туда другие больные товарищи, из числа тех, которые были способны еще немного двигаться...»

Ветер за окном гостиницы усиливался. Того и гляди, высадит стекла. Наверное, и тогда, осенью 1741 года, был такой же ветер, набатом гремел океан. Только не было этой уютной гостиницы, электрического фонаря за окном, тихой песни из репродуктора.

«...Матросы усаживались на скамейку около штурвала, где им и приходилось, в меру своих сил, нести рулевую вахту. Когда же вахтенный оказывался уже не в состоянии сидеть, то другому матросу, находившемуся в таком же состоянии, приходилось его сменять у штурвала...»

Лишь поздно ночью я смог оторваться от книги. Выключил свет. Завтра рано вставать. А в эту ночь ко мне в гости придут, гремя сапогами, суровые первопроходцы, будут вспоминать страшную осень 1741 года, и Свен Ваксель простуженным голосом продолжит свой печальный рассказ...

«...Сам я тоже с большим трудом передвигался по палубе, и то только держась за какие-нибудь предметы...

Я не мог ставить много парусов, так как в случае необходимости не было людей, которые могли бы их снова убрать. И при всем том стояла поздняя осень, октябрь, ноябрь с сильными бурями, длинными темными ночами, со снегом, крупой и дождем».

Тихое, светлое утро. Солнца нет. В белесом небе кое-где проступают голубые клочки.

Неподалеку от гостиницы — невысокий холм. С него видно все Никольское. Потемневшие избышки, двухэтажные дощатые домики: голубые, желтые, а за ними — квадратики огородов.

На околице села — торопливая речка Гаваньская впадает прямо в океан. Через нее перекинут бревенчатый мостик, за ним, до заснеженных сопок, — береговые дюны.

С холма спускаюсь на главную улицу Никольского. Немноголюдно — рабочий день. Строители ремонтируют двухэтажный дом. Пробегают мимо ребяташки — наверное, в школу торопятся. Женщины катят детские коляски.

Возле афиши нового фильма два старика о чем-то спорят. Увидели меня — замолчали. Два любопытных взгляда прощупали с ног до головы. Определяют: приезжий. Старики-алеуты здороваются первыми, я — в ответ. И снова между ними разгорается спор.

Лишь одна фраза долетела до меня из их разговора: «Спроси Синюю звезду...»

Я вздрогнул и остановился. Но потом подумал, что неудобно сейчас вмешиваться в разговор алеутов, и зашагал дальше.

Площадь в центре Никольского. Над кручей — памятник Ленину. Вдали виднеются чуть окутанные туманом сопки и два островка в океане. Это Арий камень и остров Топорков.

Спускаюсь к берегу. Здесь почти не осталось жилых домов: магазины, складские помещения, мастерские, столовая, библиотека, музей. Старые дома да избы. Не то что в верхней части Никольского.

Откуда пошло название села?

Старожилы говорят, что названо оно в честь престольного праздника. Ведь первопоселенцы острова Беринга исповедовали православную веру. Об этом теперь напоминает лишь бывшее здание церквушки. После революции ее переоборудовали в

районный Дом культуры. Долго служил он николецчанам, пока не построили новый.

Я хотел идти дальше за околицу вдоль речки. Но ворвался в село ветер, стремительно нагнал с океана непроглядный туман. Заморосило. Даже дорога под ногами стала теперь еле видна.

Кончилась моя прогулка. Надо возвращаться в гостиницу.

Дожить до весны

Каждый день Свен Ваксель подолгу стоял на морском берегу. Шел снег, завывала пурга, но лейтенант не обращал на ненастье внимания. Казалось, ничто не может отвлечь его от тяжелых мыслей. Что ждет впереди? Как продержаться до весны? Хватит ли сил и умения у оставшихся в живых построить из обломков пакетбота «Св. Петр» новое судно и добраться до Камчатки?

Главное — дожить до весны, а там... Трудно было всем участникам экспедиции. Вакселю — вдвойне, как начальнику и... отцу. Ведь Свен взял в плавание своего малолетнего сына. Главное — дожить до весны!

Выброшенное на отмель судно под действием сильных приливов почти на девять футов погрузилось в рыхлый песок. Трюмы были залиты морской водой.

Люди смогли вырваться из смертельного штормового плена. Но дала ли спасение земля?

Спустя несколько лет в своей книге «Вторая камчатская экспедиция Витуса Беринга» Ваксель напишет:

«Оказалось, что запасов продовольствия было так мало, что на каждого человека к выдаче пришлось ежемесячно вначале по тридцати, затем по пятнадцати фунтов ржаной муки, которая, однако, вскоре совсем окончилась...

...Решено было также, что с наступлением весны все должны перейти на питание травами и корнями диких растений, которые каждый должен был сам себе собирать, с тем чтобы сохранить восемьсот фунтов ржаной муки в качестве запаса для нашего морского путешествия — переезда с острова на материк. Было постановлено всем, без различия звания или чина, как высшим, так и низшим, выдавать одинаковый паек, не считаясь с лицами или положением...»

Дожить до весны!

Зима на остров пришла рано. Утонули в снегах и тундра, и сопки. Труднее стало собирать травы и корни. Все реже встретишь куропаток. Люди продолжали умирать. Вконец обнаглевшие песцы нападали на ослабевших. Разрывали могилы и выгрызали у мертвых щеки, нос, уши.

Иногда море выбрасывало на берег малопригодные в пищу туши каланов, сивучей, котиков. Люди разделявали их и ели жесткое сырое мясо.

Праздничные дни наступали, когда удавалось убить морскую корову. По свидетельству участников экспедиции, мясо этого безобидного животного не уступало по вкусу телятине. Однако удача не баловала людей. Несколько раз море прибывало к берегу мертвых китов. Чуть прогнившие туши тут же разделялись. Мясо и жир делились между всеми поровну.

Чтобы хоть немного согреть холодные ямы и сварить еду, приходилось целый день собирать на берегу выброшенные морем деревья и долго высушивать их.

Дожить до весны!

Немногие дожили до нее.

Но весна пришла.

И остатки команды во главе с лейтенантом Вакселем в августе 1742 года добрались до Камчатки...

Рисунки в пещерах

На средиземноморском берегу Алжира, неподалеку от мыса Тенес, в одной из горных пещер есть древнее изображение сфинкса. Над головой сфинкса неведомый художник нарисовал, а вернее, процарапал на каменной стене восьмилучевую звезду. — Это Синий сфинкс и его покровительница Синяя звезда, символы вечных тайн, — пояснил мой знакомый алжирец.

— Но почему ты называешь их синими? — удивился я.

В свете фонаря и сфинкс, и звезда были скорее темно-желтыми.

Алжирец пожал плечами:

— Не знаю. Так говорят старики...

Под сфинксом едва просматривалось изображение спирали и лабиринта — символов вечности, мироздания и человеческого бытия.

Считается, что спираль и лабиринт, построенные древними мастерами, помещены под Большим Сфинксом в Гизе, на севере Египта.

Когда, в каком веке или тысячелетии было сделано изображение в горной пещере близ мыса Тенес, я так и не смог выяснить.

А спустя несколько лет я путешествовал по Черногории.

На юго-западе этой республики находится известняковое плато. Множество пещер пронизывают Черногорское плато.

В одной из них, неподалеку от города Никшич, я увидел изображение сфинкса и восьмилучевой звезды. Очень похожее на то, что находится в пещере близ мыса Тенес, только меньшее по размеру. И не просматривались под сфинксом изображения спирали и лабиринта. Скорее всего, если они и были, то их за многие века размыло водой.

Мои белградские знакомые с уверенностью подтвердили, что на стене пещеры нарисована Синяя звезда — хранительница всех тайн мира. Но кто и когда это сделал — они не знали.

Командорские острова, Черногория, Алжир так далеки друг от друга. Возможно ли, что люди этих уголков земли в древности почитали одну и ту же звезду, слагали о ней легенды? Об этом пока можно лишь предполагать и строить гипотезы.

Дары моря

Было время отлива. Из моря уродливыми клыками торчали камни. Шевелились и блестели на солнце прибрежные луга. Ноги по колено утопали в коричневых и синих водорослях. — Видал, какое богатство? И название красивое придумали — «дары моря». Вот только не научились мы еще разумно этими дарами пользоваться, — Михаил нагнулся и выдернул из воды пучок морских водорослей. — Нам не решить продовольственную проблему, если не сумеем грамотно использовать наши местные ресурсы. На Командорах — богатейшая водорослевая флора прибрежных участков. Ученые насчитали около 180 видов.

«А ведь прав Михаил, — подумал я. — Сколько мне пришлось поездить, на скольких морях побывать, нигде не встречал такого обилия водорослей».

Современное освоение океанов и морей предусматривает интенсивное использование их зеленых ресурсов. Добыча и заготовка водорослей — важный вклад в развитие животноводства. В некоторых странах я видел, как скот выгоняли на берег во время отлива. С каким удовольствием животные поедали морскую зелень!

— Знаешь, сколько преимуществ у кормовой муки из водорослей перед луговым сеном? — прервал мои размышления Михаил. И, не дожидаясь ответа, начал загибать пальцы. — Во-первых, по сравнению с луговым сеном она содержит больше белков. Во-вторых, больше безазотистых и минеральных веществ. В-третьих, в водорослевой муке меньше клетчатки. И вообще, корм, дарованный морем, стимулирует жизнедеятельность животных и птиц. А благодаря витаминам, микроэлементам, ценным кислотам и солям, которых в водорослях предостаточно, их можно применять для предупреждения

авитаминоза.

— Ну хорошо, в их пользу убеждать никого не надо. Об этом много пишут и говорят. Но как практически осуществить сбор и заготовку морских растений? Не окажется ли это слишком дорогим удовольствием?

— Нет, — покачал головой Михаил, — добывать и обрабатывать водоросли легче и выгоднее, чем выращивать, скажем, овес. Один гектар морского дна при научном подходе к добыче и заготовке в течение года прокормит стадо коров в 50 голов.

Долго еще стояли мы на берегу, смотрели, как суетятся среди камней кулички, как все дальше отступает к горизонту прибой и как медленно шевелятся коричневые луга — богатства, дарованные морем, но еще мало используемые человеком.

Невидимые ворота

А потом ветер стих. И стало как-то непривычно тихо. Так тихо, что казалось, серебристо звенит мелкорослая тундровая травка. В небе легкими шелковистыми лоскутами замерли облака. И вдруг откуда-то с вышины брызнула веселая песня крапивника. Эту маленькую коричневую птичку с бойко вздернутым хвостиком иногда называют командорским соловьем.

Один орнитолог утверждал, что крапивник исполняет «день около двух тысяч песен. Я поднял вверх голову.

Крапивник то камнем падал вниз и протяжно посвистывал, то опять рвался вверх, превращаясь в черную точку, и тише (Становилась его песня. Для кого он так старается? Кого хочет порадовать своим пением? Долго я наблюдал за его полетом и наконец понял: командорский соловей завлекал подругу.

Может быть, подзадоренные песней крапивника, на мелководье схватились два диких селезня. Раз-другой прикрикнул на них баклан. Ах-ах-ах! — зашумели, загалдели чайки. Всполошились от этой кутерьмы кулики и громко стали посвистывать.

Казалось, передо мной распахнулись невидимые ворота в мир природы, где свои законы и порядки, не всегда понятные и доступные человеку.

Неожиданно шагах в десяти от меня выскочил из норы взъерошенный песец. Зверек несколько раз кашлянул, будто отчитал пернатых соседей: «Чего шумите? Что не поделили?» Потом он замер, вытянув тощую облезлую шею.

Я сделал пару беззвучных шагов, но песец почуял меня. Вначале вздрогнули уши, потом он как-то сжался и резко повернул голову. «А это еще кто появился?» — говорил весь его вид.

Я шагнул навстречу, но зверек не захотел познакомиться со мной поближе. Он сердито и громко заворчал и потрусил прочь.

Наверное, его ворчание стало сигналом тревоги для птиц.

Смолк вдруг крапивник. Пронзительней запричитали на разные голоса чайки и полетели к морю. Следом за ними — баклан и кулики. Отпрянули друг от друга селезни и с шумом рванулись прочь. И лишь вдали еще слышалось рассерженное тьяканье песка, но и оно скоро стихло.

Все... Захлопнулись невидимые ворота в мир тундры.

Дорога на лежбище

Никольском каждый знает, что в тридцати километрах от села, у северной оконечности острова, за болотистой, с черными торфяными озерами, кочковатой тундрой, заросшей ирисами и пушицей, на каменистых отмелях расположено одно из двух беринговских лежбищ котиков. Морские котики считаются главным богатством Командор.

С грохотом на все Никольское к гостинице подъехал вездеход. Я влез в кузов, покрытый брезентом.

Поприветствовав меня, Федор Гаврилович Киселев сделал водителю знак: «Поехали!» В ту пору он занимал должность первого секретаря местного райкома партии, и в народе его величали «главным командорцем».

Вездеход резко рванул вперед. Из-под гусениц полетели комья грязи, и мы затряслись на ухабах.

В кузове нас трое: охотовед Николай Мымрин, Киселев и я.

— Далеко до лежбища? — спросил я, стараясь перекричать шум мотора.

— Около часа езды, — так же громко ответил мне Мымрин. — А вы первый раз на лежбище?

— Первый. Морских котиков видел только по телевизору.

Мне показалось, что Николай даже обрадовался этому. Вездеход внезапно остановился.

— Кто хочет со мной на крыше ехать? — спросил Киселев.

Не дожидаясь ответа, он раздвинул брезент и перемахнул через борт кузова.

Я вопросительно посмотрел на Мымрина. Николай развел руками: не могу, насморк, на ветру простужусь еще больше.

Я спрыгнул в снег и провалился выше колен.

Киселев уже сидел на крыше кабины.

— Не боишься замерзнуть? А то можно сесть в кабину к водителю.

— Не замерзну, — ответил я, усаживаясь рядом с Федором Гавриловичем.

— Вообще-то правила техники безопасности запрещают ездить на крыше, — подмигнул Киселев. — Ну ничего. Нарушим. Только крепче держись. У нас хоть и конец мая, а вся тундра под снегом. Летняя дорога не видна, так что придется по кочкам прыгать, а тут главное — не слететь с вездехода.

Из кабины выглянул водитель — Можно трогать, Федор Гаврилович?

— Давай, Вить! — махнул рукой Киселев.

Вездеход снова ринулся вперед. Казалось, маленький кораблик несется по молочному океану. Куда ни посмотришь — всюду белая снеговая гладь и не за что уцепиться взглядом. Лишь позади тянется след вездехода, и далеко-далеко, в той стороне, где осталось Никольское, еле видны силуэты сопки.

Вездеход круто взял влево, и как-то неожиданно кончилось белое раздолье. Впереди показались сопки, освободившиеся от снега, и желтая тундра. Кое-где пробивалась молодая травка, а дальше — сизая полоса океана.

Мы словно одним прыжком перенеслись из зимы в весну. Чем ближе к воде, тем меньше снега. Береговая полоса переливается коричневыми, синими, желтыми цветами.

Киселев трижды стукнул по крыше кабины, и вездеход остановился.

— Прибыли!

Я удивленно огляделся по сторонам:

— Где же лежбище котиков? Кругом ни одного живого существа!

Перехватив мой недоуменный взгляд, Киселев засмеялся:

— До лежбища надо еще пешком идти с полкилометра. Шум вездехода может напугать котиков.

Мы поднялись на песчаный холм, спустились в ложину и снова стали взбираться вверх.

Тропинка поднималась все круче и круче. Последний кустарник. Каменная макушка скалы. И вдруг мир озарился синей вспышкой.

Казалось, простор взмахнул крыльями так, что съежились вдали сопки. Их испуг подхватили вздохи ветра. Сорвался простор со скалы, распрямил крылья и закружил в бесконечном парении...

Океан! Он шел в наступление на землю и при этом старался ухватить края неба. Казалось, он пытался сблизить даль с берегом острова.

Главное богатство Командор

Многотысячный крик морских котиков пронзительно врывается в этот простор. Захлебываясь от страсти, ревели могучие секачи. Они выходили на берег из океана и отбивали для себя клочки суши. Блеяли обиженные секачами годовалые самцы и собирались в небольшие стада. Фыркали самочки, присоединяясь к гаремам секачей.

По всему побережью — лоснящиеся черные и темно-коричневые тела котиков. А из океана выходили все новые и новые. Казалось, они рождались прямо здесь — из океанской пены, простора и буйного ветра.

— Вот оно — главное богатство Командор, — тихо произнес у меня за спиной Киселев.

До XVIII века на Руси о котиках почти ничего не было известно. Айны и камчадалы сообщали первым русским землепроходцам, что добывают у берегов зверей, похожих на тюленей. мех этих животных красив, а шкуры очень крепкие. Однако, где эти тюлени обитают, почему появляются у берегов лишь весной, — не говорили.

Участник второй камчатской экспедиции ученый Георг Стеллер в ноябре 1741 года первым изучил и подробно описал жизнь морских котиков.

В отличие от своих сородичей — тюленей других видов — котики не ползают по суше, а ходят и даже бегают. Они прекрасно приспособлены к жизни в океане.

Их новорожденные малыши почти черного цвета. Поэтому называются «черненькие». мех у детенышей котиков легко намокает, и первые три месяца они не покидают берега.

На земле существуют четыре основных района обитания этих зверей: Командорские острова, остров Тюлений, некоторые острова Курильской гряды и острова Прибылова в США.

Как правило, участки гаремного и холостякового лежбищ не меняются многие годы. Ведь большинство котиков каждый год возвращается из океана к месту своего рождения.

При появлении человека на лежбище они часто покидают берег и пережидают опасность в океане. Как только секачи займут место для гарема — становятся агрессивными и могут даже напасть на людей. Но такое случается редко.

Лишь поздней осенью, когда распадаются гаремы, лежбища пустеют. Смолкают на берегу рев, блеяние, рыки, стоны, фыркание, издаваемые этими морскими зверями.

В ноябре выпадает снег, затихают до следующего года птичьи базары, начинаются осенние штормы, и котики уходят в океан.

И только печальный крик чаек да сердитое покашливание песцов, шныряющих в поисках падали, можно услышать на опустевшем лежбище.

Котики плывут на юг по ночам, а днем, как правило, снят, мирно покачиваясь на волне...

Эту короткую историю о жизни котиков мне поведал Николай Мымрин, когда мы пробирались вдоль лежбища.

Говорили вполголоса, чтобы не потревожить гаремных секачей, которые и без того уже косились в нашу сторону и недовольно ревели.

Шагах в тридцати от нас «черненький» оторвался от материнского живота, поднял голову и застыл.

Казалось, ничто не заставит его шелохнуться: ни рев секачей, ни удалое насвистывание ветра, ни суতোлка лежбища, ни радость солнечного луча, ни звонкие удары волн о камни.

Малыш делал, как говорят алеуты, «первые глотки жизни».

А потом был костер

Близился полдень. Океан разгулялся не на шутку. Он тащил километровые сети прибоа, набитые галькой. Бестолково и поспешно вываливал их на берег, швырял на скалы и тут же снова и снова утаскивал галечный грохот в пучину.

Киселев долго смотрел в океан, а потом спросил у Мымрина:

— Не помешает шторм самкам выйти на берег?

— Такой? Нет, — быстро ответил Николай. — Только бы сильнее не разгулялся...

Океан и ветер бились о скалы разорванными парусами. Полотнища тумана хлестали друг друга и неслись к горизонту, где перемешивались с водой, небом и со всем, что попадалось им на пути.

Потом мы отъехали подальше от лежбища и разложили в тундре костер. Огонь был вялым, словно его только что разбудили и бросили на влажные поленья.

Деревянных обломков — плавуна — здесь, на побережье, много, их каждый день тоннами выбрасывает океан в подарок безлесным Командорам.

Неразрешенные проблемы

Всего несколько десятилетий назад многие считали, что поголовье котилов уже невозможно восстановить, — продолжил разговор Киселев. — Но все же удалось спасти положение благодаря надежной охране животных и международным соглашениям об упорядочении промысла котилов. На забой идет только определенное число молодых холостяков.

— А почему только холостяков? — поинтересовался я.

— Во-первых, у них самый ценный мех, а во-вторых, забой определенного процента холостяков не причиняет вреда стаду, — пояснил Мымрин. — Добыча самок запрещена уже много лет. Во время отгонов холостяков с лежбища к месту забоя запрещается распугивать самок и детенышей.

— А убивают таким же варварским способом, как и сто лет назад?

— Увы, пока не придумали ничего нового, — развел руками Николай.

— Проблем еще много, — добавил Киселев. — Необходимо улучшить охрану тридцатимильной запретной зоны вокруг Командорских островов. Не допускать здесь промыслового вылова рыбы и кальмаров — главной пищи котилов. Загрязнение океана — тоже большая проблема. Судовое топливо, бытовые отходы, обрывки рыболовных сетей — все это для них — серьезный вред.

Довольно часто любопытные котики попадают головой в ячейки сетей. С обрывками сети на шее животные теряют скорость и маневренность во время охоты или когда спасаются от своего страшного врага — касатки.

Кроме того, по мере роста котика, попавшего в ячейку, этот «ошейник» может его попросту задушить...

Долго мы еще сидели у неяркого тундрового костра. Изредка ветер с лежбища доносил многотысячный рев морских зверей. Пошел мелкий дождь, и костер совсем сник. Казалось, он вот-вот спрячется под поленья и уже никогда не разгорится.

Наконец, я решился спросить у командорцев, что они слышали о Земле Синей звезды и правда ли, что на острове Беринга где-то есть ее изображение.

Вначале мои собеседники переглянулись. Потом Киселев вдруг громко рассмеялся:

— А ты сам спроси у Синей звезды...

Я вздрогнул. В каких только странах ни доводилось мне слышать эту фразу!

Лицо Киселева тем временем стало серьезным, и он добавил:

— Слышать-то мы слышали, да не за что в тех слухах зацепиться. Познакомлю я тебя с Иванычем — старейшим алеутом нашего острова. Вот с ним и потолкуй на эту тему.

Олени битвы

Была ночь, и тревожно и загадочно светилась вода в бухте.

Отчаянно металась в тучах запутавшаяся луна.

Из океана вышли олени — два серебристых облачка поднялись над водой. Что это? Как они оказались в океане? Может, олени решили искупаться? Или это моя фантазия, рожденная свечением воды?

Но я никогда не видел и не слышал, чтобы олени купались в океане.

Нет, это не сон и не фантазия. Я видел ясно, как два серебристых облачка плывут по воздуху от берега в тундру.

Может, они вышли из океана для меня? Чтобы я увидел чудо?

Волны терлись о камни, и в их шуме не слышен был олений бег по ночному берегу...

Л утром над тундрой полились странные звуки. Оу! О-о-оух! — трубил рослый бык. Ох-ох-у-у! — принял вызов другой.

Мы с Николаем припали к высокой кочке, чтобы не спугнуть оленей. Не всякому, даже выросшему на Командорах, человеку удастся хотя бы раз в жизни увидеть битву северных красавцев.

Сошлись наконец быки.

В отдалении от них стояла задумчивая оленуха. Она казалась равнодушной к происходящему и лишь изредка подергивала ушами и посматривала в сторону кавалеров.

Быки тем временем кружили по тундре, сталкивались рогами, издавая звуки, походившие на сильный стук палки о палку.

Соперники попеременно теснили друг друга. Они то расходились, то снова яростно кидались в бой. Белая пена клочьями вылетала из открытых ртов и разлеталась в разные стороны.

Накал битвы, наконец, заинтересовал оленуху. Сошло равнодушие, и она стала неотрывно следить за поединком.

Но вот один олень выдохся. Он все больше отступал, уклонялся от ударов, потом наконец отпрянул в сторону и бросился к сопкам. Второй преследовал его лишь метров тридцать-сорок.

А когда неудачливый соперник скрылся из виду, он высоко вытянул шею, протрубил победу и медленно направился к оленухе.

Особенности островного стада

Об этих северных животных Игорь Акимушкин в своей книге «Следы невиданных зверей» писал: «Современные северные олени представляют исключение среди других своих собратьев: большие развесистые рога у них носят и самцы и самки. Северный олень — один из самых молодых видов животных. Он начал свое развитие в одно время с человеком. Северные олени около миллиона лет назад произошли от американских оленей, среди которых были виды, приспособившиеся к жизни на зыбкой почве болот...

Когда с севера материка поползли гигантские ледники, уничтожая на своем пути роскошные леса и сминая холмы и горы, северная заболоченная тундра, сопутствуя ледникам, завоевала огромные пространства... Оленям — типичным лесным жителям — пришлось привыкать к новым условиям. Лучше всех это удалось сделать болотным оленям, которые уже были приспособлены к жизни на зыбкой почве лесных болот. Они постепенно превратились в настоящих обитателей тундры — северных оленей...

Когда ледники отступили на север, в полярные страны, за ними ушли и северные олени... С Аляски они проникли на Чукотку (очевидно, во времена существования Берингии) и расселились дальше по всей Сибири. Северные олени заселяли новые для них страны и с запада: через Гренландию попали в Исландию, на Шпицберген и дальше в Западную Европу...

На остров Беринга оленей завезли в 1882 году. Пятнадцать выходцев с Камчатки дали хорошее потомство.

Условия на новом месте оказались для них благоприятными, и в начале XX века стадо возросло до тысячи голов.

В зимнее время, когда трудно с кормом, буйные командорские ветры часто срывали снег, открывая пастбища. Так что у оленей было достаточно их основной еды — ягеля. Они не требовали ухода. Их не надо было пасти и следить за ними. Куда убежишь с острова? На

Командорах нет опасных врагов оленей — волков и медведей. Животные быстро одичали.

Тогда-то появилась необходимость регулировать все возрастающее поголовье и начать отстрел. Но администрация острова медлила.

С годами олени уничтожили главный свой корм, ягель, и перешли на тундровые травы. Однако эта еда не обеспечивала должным образом энергию и силы для зимовки. Животные слабели, из поколения в поколение мельчали. Началась их массовая гибель.

Еще одной причиной катастрофического сокращения стада явилась островная изоляция. На протяжении многих лет у оленей здесь складывались близкородственные отношения. А это приводило к вырождению.

Через тридцать пять лет после завоза на острове Беринга не осталось ни одного оленя. Лишь кости, обглоданные песцами, да высохшие рога, разбросанные по тундре, напоминали об их прошлом существовании на этой земле.

Потом был новый завоз животных, но ошибка повторилась. И снова стали вымирать олени.

Так продолжалось до тех пор, пока люди не поняли, как важно для островного стада периодическое «обновление крови» и регуляция их численности.

И опять налетели студёные ветры с океана. Опять заледенели снега. Хотя и конец мая, а как-то не верилось, что солнце сможет убрать с острова Беринга эти остатки зимы: сугробы, покрытые толстой прозрачной коркой. Всю ночь шел снег и мела поземка. Совсем как в декабре.

А хмурым утром сквозь тучи неожиданно прорвалось запоздавшее солнце, и уgomонились буйные океанские ветры. К полудню закапало с крыш. Зажурчали по всему Никольскому ручьи. Вода перемешивалась со снегом в звонкую весеннюю кашу. Потемневший несколько часов назад снег исчезал буквально на глазах.

Жуткие морские ветры — бич Командорских островов. Особенно зимой.

По данным страховой компании Ллойд, в мире ежегодно гибнет около 160 судов. А всевозможные повреждения получают почти 8 тысяч. Основная причина этих бед — плохие гидрометеорологические условия: ураганы, шторма, туманы.

Как же уберечься от произвола стихии? Как предотвратить многочисленные человеческие жертвы и материальные потери?

Выход пока один — своевременное предупреждение о надвигающейся опасности.

Чем больше человек будет знать о факторах, влияющих на погоду, тем правильнее будет прогнозирование бед, которые она может преподнести. Постоянные гидрометеорологические наблюдения на острове Беринга начались в 1899 году.

Если провести линию от Командорских островов вдоль Курильской дуги и дальше на юго-запад, то получится линия раздела двух воздушных масс: теплых — океанических и холодных — континентальных.

Поскольку скорость движения частиц в сталкивающихся массах воздуха неодинакова, образуется волна. Потом она превращается в вихрь, который несется по линии раздела с юга на север. Его называют циклоном.

Циклон переносит теплый и влажный воздух. Так доставляется тепло с юга на север. И тогда даже привыкшие к суровой непогоде командорцы говорят: «Заиграли настоящие ветра...»

Конечная остановка циклонов — Командорские и Алеутские острова. Над ними накапливается теплый и легкий воздух. Образуется область постоянного низкого давления. Держится она почти всю зиму. Метеорологи называют эту область алеутской депрессией.

Особенность ветрового и теплового режима Командорских островов объясняется не только влиянием циклонов, но и рельефом местности.

По подсчетам метеорологов, жители села Никольского видят солнце в среднем всего 881 час в году.

Но командорцы не унывают и редко жалуются на погоду. А если это делает кто-нибудь

из приезжих, они только пожимают плечами и чуть пренебрежительно отвечают: «Погода как погода...»

Откуда они пришли? Где их прародина?

«Владыки студеных морей» — так называли алеутов первые на Тихом океане путешественники и промысловики. На своих юрких лодочках в шторм, в непогоду алеуты смело выходили охотиться на китов, сивучей, моржей, котиков, вызывая уважение у пришельцев.

Происхождение, быт, культуру этого народа изучали участники второй камчатской экспедиции.

Много писал о них и ученый-путешественник Гавриил Сарычев, когда в 1785–1794 годах обследовал Берингов пролив и северо-западные берега Америки.

Историю, быт, воззрения алеутов изучали и участники первой русской кругосветной экспедиции на кораблях «Надежда» и «Нева». Эта экспедиция под командованием Крузенштерна и Лисянского проходила в самом начале XIX века.

Уделял внимание культуре и истории алеутов русский миссионер и естествоиспытатель, этнограф и лингвист Иван Вениаминов.

Интерес к этому малочисленному народу отчасти объясняется географическим положением Алеутской островной дуги. Ведь она является как бы мостом между Азией и Америкой.

Тысячи лет назад алеуты освоили суровую климатическую зону и создали своеобразную культуру. Многие считают, что изучение истории и быта этого северного народа поможет решить проблему взаимодействия и взаимозависимости человека и среды обитания.

Берингия

Давно уже существует любопытная гипотеза о заселении древними людьми Америки и Алеутских островов.

Ученые считают, что 40–50 тысяч лет назад уровень океана опустился более чем на 100 метров. Так образовался огромный участок суши, соединяющий Чукотку и Аляску, Азию и Америку. Этот древний участок был назван Берингией.

Палеонтологи утверждают, что из 54 представителей четвертичной фауны Америки 48 имели азиатское происхождение.

Кочевали из Азии в Америку через Берингию стада животных. Кочевали за ними и древние жители нынешней Сибири. Стихийные бедствия, климатические катастрофы заставляли людей сниматься с насиженных мест и идти навстречу восходу солнца в поисках лучших и богатых земель.

Примерно 28–30 тысяч лет назад уровень океана опустился еще больше, и новые волны азиатов хлынули в Америку.

Самые сильные и развитые племена оседали на благодатной в те времена почве Берингии. Те, кто послабее, были вынуждены двигаться дальше, на нынешнюю территорию Северной Америки.

Предположительно, земля Берингия тянулась с юга, от нынешней Алеутской гряды, на север, до 70-й параллели. Многие специалисты считают, что отделение Азии от Америки произошло примерно 11–13 тысяч лет назад в результате очередной планетарной катастрофы.

За время существования Берингии вполне могла развиться высокая цивилизация, названная потом в легендах страной Синей звезды.

Время исчезновения Берингии, или Земли Синей звезды, совпадает со временем гибели легендарной Атлантиды в Атлантическом океане, Гипербореи — в Северном Ледовитом.

Но все это пока лишь гипотезы.

В 1974 году была проведена первая советско-американская археологическая экспедиция. Раскопки производились на древнейших алеутских стоянках Анангула и Чалука в США.

Результаты экспедиции подтвердили предположение о формировании алеутской народности на территории Алеутских островов и генетическую связь алеутов с азиатской культурой, возраст которой составляет примерно от 11 до 18 тысяч лет.

Некоторые специалисты считают, что прародина алеутов, как и американских индейцев, находилась на Алтае.

Кулики

К моим новым знакомым, стариком-алеутом, которого все на острове Беринга называли Иванычем, мы отправились к бухте Буян. В том месте, по словам командорского старожилы, под водой можно увидеть развалины какой-то древней стены.

Как знать, может, это останки строительства некогда могучей цивилизации — Земли Синей звезды?

На полпути мы устали так, что повалились прямо на жесткий моховой ковер тундры, не снимая рюкзаков. Не было сил пошевелиться.

Даже сигареты остались нетронутыми в карманах. Не хотелось думать, что надо идти дальше.

Над тундрой, пригретой солнцем, струилось легкое марево. Вдали, между двумя сопками, виднелся клочок моря. До него оставался какой-нибудь час пути. Мы смотрели на него, молчали, и никто не решался произнести одну лишь фразу: «Пора подниматься!»

Сверху послышались переливчатые звуки. Мы задрали головы. Над тундрой летела стайка куликов. Маленькими стрелами неслись они в сторону моря.

Мы проводили их взглядом. Стремительный полет птиц стал для нас невольным сигналом к действию.

И тогда, не сговариваясь, мы неуклюже оторвались от пригревшего нас мохового ковра, поправили рюкзаки и молча зашагали вслед за куликами.

И пробил час буйного промысла

Прошел год с тех пор, как на Камчатку вернулся пакетбот «Св. Петр». Слух о пушных богатствах Командорских островов уже не давал покоя русским предпринимателям, промысловикам. Правда, не только стремление к наживе, но и желание освоить и изучить неведомые земли толкали их в рискованные путешествия.

Первым отправился на Командоры за дорогой пушниной сержант Нижне-Камчатской команды Емельян Басов. Летом 1743 года 20 человек на небольшом судне вышли в море. Через пять дней их выбросило штормом на остров Беринга.

Басов со своей командой перезимовали там, и в 1744 году экспедиция возвратилась на Камчатку.

Неудача не остановила бравого сержанта. Уже через год он снова направился к Командорам. Басов и его товарищи первыми из европейцев высадились на остров Медный.

На этот раз поход оказался весьма удачным. 1670 шкурок каланов, 1990 шкур котиков и 2240 шкурок голубых песцов добыли охотники.

Весть об успехе Басова подстегнула других. Вслед за ним к Командорским островам потянулись новые добытчики пушнины.

В первой половине XVIII века мех морских котиков еще не очень ценился. Спрос на него появился после того, как известному русскому мореплавателю, предприимчивому купцу и путешественнику Григорию Шелихову удалось организовать массовый вывоз шкурок в Китай. В 1775 году он создал компанию для пушного и зверобойного промысла на северных островах- Тихого океана и Аляске.

С того года на Командорских островах стали забивать ежегодно до 30 тысяч морских котиков. Не щадили никого, даже беременных самок.

Неразумная погоня за наживой привела к перенасыщению пушного рынка. Сотни тысяч шкур ценного морского зверя сгнивали на складах. Для поддержания высоких цен их сжигали в печах, как дрова, и топили в море.

Массовый, неразумный забой, конечно, отразился на численности зверей. Их поголовье на Командорских островах стало резко сокращаться.

В 1799 году двадцать купцов соединили свой капитал, создав Российско-Американскую компанию. Она существовала почти 70 лет. Постоянными ее акционерами были даже русские цари.

Зверопромышленники понимали, что разделку туш морских котиков и обработку шкур выгоднее производить неподалеку от мест забоя. Необходимо было создать постоянную базу на Командорских островах. Для этого прежде всего нужны были умелые забойщики зверя, люди, знающие толк в пушнине, способные выжить в суровых климатических условиях.

Кто же лучше алеутов отвечал этим требованиям?!

В 1828 году группу алеутов с острова Атхи завезли на остров Беринга, а с острова Атту — на Медный.

С конца 40-х годов XIX века на Командорах стали селиться русские, а также цыгане, эскимосы и другие народности.

Соперничая между собой, торговцы пушниной переманивали друг у друга алеутов-промысловиков. Платили им, как правило, не деньгами, а оружием, предметами быта, украшениями, водкой и табаком.

Пушная лихорадка заражала все новых и новых людей. К началу 70-х годов XIX века на Командорских островах ежегодно добывали уже 60–70 тысяч морских котиков.

После продажи царским правительством Аляски и Алеутских островов Соединенным Штатам Америки в 1867 году деятельность Российско-Американской компании прекратилась. Промысел котиков на Командорских островах был передан в аренду компании «Гутчин-сон, Кооль и Ко».

Так настал и долгое время продолжался час буйного промысла пушных сокровищ Командорских островов.

Мне попался рапорт, который свидетельствует о массовом браконьерстве в XIX веке. Написал его командированный к Управлению Командорскими островами Гребницкий.

«М.В.Д., Управление Командорскими островами, 25 января 1882 года, № 19. Его Высокопревосходительству Господину Генерал-Губернатору Восточной Сибири.

Имею честь донести Вашему Высокопревосходительству о новых нападениях иностранных шкун на котовыя лежбища на островах Беринга и Медном, причем на последнем истреблено шкунами большое по величине лежбище в Секачинской бухте и только оружием отражено нападение на главное лежбище котиков...

Шкуны переменили тактику: стали являться осенью, будучи уверены не встретить после половины сентября парохода «Александр II», тем более военного крейсера, который, как они хорошо знали, уже ушел.

Между шкунами существует какое-то соглашение: менее двух шкун не подходило к острову, чаще же более (до пяти).

Если принять во внимание, что на шкуне бывает от 20–30 человек команды, которая, как это было осенью 1881 года, всегда съезжала вооруженною скорострельными винтовками (системы Шарпса)...

И если правительство не придет на помощь — присылкою ли военного судна на время от июля до конца октября или учреждением военных постов — лежбищам на о. Медный будет нанесен серьезный ущерб, от которого трудно будет оправиться.

Достаточно припомнить уже изложенный ранее мною факт, что после истребления северного лежбища в сороковых годах на острове Беринга оно едва начинает поправляться, хотя условия местоположения лежбища таковы, что оно должно быть по числу зверя не менее лежбищ о. Медный...

...Часовых постоянных на западной стороне возможно иметь только в некоторых местах, что и было летом 1881 г., когда устроены были караулы из казаков камчатской команды и жителей...

При караулах имелся вельбот и байдарки, но выезжать к шкунам было более чем рискованным, так как наблюдения показали, что шкуны грузили шлюпки людьми и оружием и не задумались бы, как был уже пример, употребить его в дело; оставалось одно — где допускали условия местности, гнать с берега зверя в воду, что и делалось в местностях, где нельзя было спуститься — не допускать шлюпки к берегу стрельбою из ружей.

На объявления шкуны не обращали внимания. Но хуже всего то, что шкуны выбирали ночное время. Часовые на горах, окутанных почти ежедневно осенью туманом, не могли видеть шкун, которые приходили к вечеру и становились где-нибудь за мысом.

Таким образом, ночью удалось шкунам истребить лежбище в Секачинской; те же, вероятно, шкуны в числе четырех намеревались сделать нападение на главное лежбище, но были отражены силою оружия».

Приходилось ли вам просыпаться от птичьего крика в шалаше, палатке или просто под открытым небом? Готовить завтрак на костре в горах, в тундре, в тайге? Приходилось пить чай, слегка пропахший дымком?

А вытаскивать из догоревшего костра печеную картошку?

Если нет — вы себя обокрали... Заспанное солнце поднялось над сопками и тундрой. Таинственные розовые туманы разливались вдаль, там, где проходит невидимая граница между Тихим океаном и Беринговым морем.

По откосу я сбежал к безымянной речке. Некоторое время стоял замороженный, словно впервые увидел сопки в снеговых шапках, студеное небо и речку, что впадала в Берингово море.

Я зачерпнул ладонями воду и плеснул в лицо. Сна как не бывало. Сразу почувствовал удары сердца. И так радостно стало на душе, что захотелось крикнуть изо всех сил.

Это можно себе позволить: ведь я один. Вокруг ни души. До Никольского — десятки километров.

Я разжег костер. Не хотелось в такое утро сидеть в старой юрташке и возиться с металлической печкой. Пока грелась вода в котелке, доел остатки пойманного вчера кижуча. Потом выпил крепкого, почти черного, чая. Завтрак окончен.

Сегодня мне повезет, и я смогу дописать то, с чем не мог справиться вчера. Достал из рюкзака тетрадь и начал работать.

И пусть море швыряет от злости камешки, пусть удивленно таращит глаза осторожный калан, что притаился в камнях и наблюдает за мной... В это утро и безымянная речка, и любопытные черные бакланы, и цветущая тундра — все вы уже у меня в плену. Все вы окажетесь на страницах моей тетради в синюю клеточку.

Солнце поднялось высоко, в глазах стало рябить. Я наконец спрятал тетрадь. На сегодня хватит. Отправляюсь бродить по берегу.

Часы отлива. Необычно молчаливо Берингово море. На береговой кромке валялись мертвые рыбки величиной с ладонь. Я нагнулся и поднял одну. Это была прилипала, или, как их называют на Командорах, «мяконькая».

Похожа рыбка на бычка, только еще округлей сверху. На светлом брюшке у нее круглая присоска. Захочет — к камню пристанет, и тогда океанская волна не сможет ее оторвать.

Командорские рыбаки рассказывали, что эти рыбешки из-за своей лени во время отлива

не уходят с водой, а забиваются под камни. Их с удовольствием ловят и поедают каланы, песцы, сивучи, морские котики.

За какие-нибудь пятнадцать минут я добыл голыми руками целый котелок «мякonych». Рыбки не бились и не пробовали выскочить из котелка, а покорно ждали своей участи...

Уха получилась отличная. А может, мне показалось? Разве случалось, чтобы еда, приготовленная своими руками на костре, вдали от человеческого жилья, оказалась невкусной?

Вечер ласкал море. Едва слышался крик одинокой чайки.

Костер угасал и затягивался пеплом. Вместе с ним угасала последняя полоска вечерней зари...

Я еще долго следил, как менялось в сумерках море. Оно хмурилось, становилось холодным и чужим, и даже полная луна не могла отразиться в нем.

Я взглянул вверх. Звезды едва просматривались в небе. Есть ли среди них сейчас та самая таинственная Синяя звезда, которой поклонялись жители Берингии много тысяч лет назад?..

Медленно окуная в черную воду огоньки, вдали от берега прошло какое-то судно. Может быть, оттуда был виден угасающий огонек моего костра. Одинокий, крошечный огонек на темном берегу.

Судно вскоре исчезло. Со мной остались море, командорская ночь, а в душе — радость прошедшего дня.

Табу на колесо

Как долго может жить устное слово? Могут ли предания, мифы существовать, передаваться из поколения в поколение 10, 20, 30 тысяч лет?

Мы не знаем еще всех законов существования информации. Законов ее сохранения, распространения, самозащиты, консервации вне человека, в человеке, в любом живом существе.

Каждая клетка всякого организма является своеобразной антенной и накопителем, улавливающими и сохраняющими информацию.

В американском штате Колорадо, неподалеку от города Форт-Коллинс, мне довелось услышать от местных индейцев одну древнюю историю.

Много тысяч лет назад их предки шли на восход солнца к новым землям. Наконец нашли то, к чему стремились. Но благодатная земля уже была занята очень могущественным племенем, которое поклонялось Синей звезде. И оружием их были звук, свет и колесо. Как действовало и выглядело такое оружие, в легенде не сообщалось.

Поклонники Синей звезды сказали пришельцам: «Наша земля не прокормит всех. Но мы вас не убьем, а отпустим с миром дальше на восход солнца. Только за это на все времена запрещаем вам пользоваться колесом. Забудьте, что видели его у нас. И никогда не вспоминайте и не разрешайте новым поколениям его изготавливать...»

Пришельцы отправились с миром дальше на восход солнца. С собой из вещей взяли только то, что могли унести в руках и на плечах, поскольку не было у них колесной техники. Большая часть их добра осталась у поклонников Синей звезды...

Так объяснили мне индейцы из Колорадо, почему у аборигенов Америки, добившихся немалых успехов в математике, медицине, астрономии, архитектуре, агрономии, не было колеса.

Даже в самое благодатное для них время года — в июле и августе — песцы не отличаются скромностью. А в начале мая, когда только начинает сходить снег и худо с пропитанием, они особенно наглей. В поисках еды настырные, изголодавшиеся зверьки часто совершают воровские набеги даже в село Никольское. И страх перед людьми и

свирепыми собаками не останавливает их.

Однажды ночью пробрался песец в село. Решил отыскать что-нибудь съестное среди мусорной кучи. Вдруг видит: старый валенок.

Может, с голода ему что-то померещилось, а может, любопытство разобрало: полез он в брошенную обувь. Залезть-то песец сумел в валенок, а вот назад выбраться не получается. Испугался зверек, стал что есть мочи дергаться и хвостом вертеть, но так и не смог освободиться. Накрепко застрял.

Утром проходили мимо люди и ахнули от изумления. Рядом с мусорной кучей старый валенок сам собой дергается, будто в пляс хочет пуститься. Сказка, да и только!

А когда подошли поближе, увидели: из валенка хвост песца торчит, и догадались, в чем дело.

Хоть и вороватый зверек, а все же стало жалко, раз в беду попал. Вытащили его и отпустили на волю.

Хандра

Иваныч все не возвращался из тундры к юрташке. У меня появилось подозрение, что его рассказы о людях Синеи звезды, о стене древнего народа на дне моря — сплошная выдумка.

Может, от этого испортилось настроение. Все вокруг казалось не таким, как вчера. Прошли восторг и очарованность. Да и откуда им взяться?..

Море — холодная тупость. Скалы — серая бессмыслица. Любопытные песцы — ободранные пожиратели падали.

Ничего не хотелось делать.

Хандра...

Я долго бродил по берегу, а потом уселся на камень. Достал тетрадь, но не смог написать и строчки.

Берингово море, каланы, чайки, безымянная речка, тундра и сопки — все вы остались на свободе. Вы не уместились в клеточки моей тетрадки. Я не сумел превратить вас в холодные символы на бумаге.

Солнце угасало за синими складками сопок. Быстро темнело. Плоское облачко догорало вдали последним закатным светом. Но вот и оно померкло.

Погрустнел, пригорюнился вечер и ионик головой уснувшего старика.

Тихо колыхалось море. Но в его мирном колыхании и вздохах чувствовалась сила громадного пространства ничем не скованной воды.

Сумерки были полны мудрости уставшей земли и моря. Слышалось только редкое попискивание куликов, словно разбрасывали они по камням звонкие серебристые горошины.

Вскоре все живое умолкло, растворилось в сонной темноте.

Лишь тихо колыхалось море...

А потом оно стало светиться от малейшего прикосновения. Брошенный камешек вспыхивал, коснувшись воды.

Он ушел в глубину большой искрой, а за ним потянулся сияющий след. Еще миг — и сияние угасло во мраке ночной тайны моря.

А потом я долго вглядывался в небо.

А есть ли на самом деле эта Синяя звезда — хранительница и покровительница тайн древнего народа?..

Почему вдруг возникло сомнение?

Хандра...

Ночью опять не спалось. Я видел, как набежал на берег короткий ливень. Слышал, как лупили по стеклам тугие капли, как журчала за тонкой дощатой дверью юрташки вода.

Кончился ливень, а я продолжал сидеть, уставившись пустым взглядом в темноту.

Хандра...

Или тоска по дому?

Древняя находка

В первый день нашего знакомства Иваныч показал небольшое каменное изваяние. Это была голова мужчины. Иваныч пояснил, что она сделана из какого-то «мыльного камня». По его словам, несколько подобных изваяний находили на островах Беринга и Медном.

Я внимательно осмотрел старинную вещицу. Удлиненное лицо, большие глаза, широкие брови, орлиный нос, крупные черты напоминали американского индейца. Хотя и было в этих чертах нечто азиатское.

У меня вдруг сразу мелькнула мысль: может, именно так выглядели жители таинственной Земли Синей звезды? — Сколько же лет этому изваянию? — поинтересовался я.

Иваныч только развел руками:

— Кто его знает!.. Может — тысяча, может — и больше...

Специалисты, к которым я обратился впоследствии, тоже не могли определить возраст находки с острова Беринга. Но они были уверены в одном: изваяние сделано более 8 веков назад.

Мое робкое предположение о десятитысячелетнем возрасте не вызвало одобрения у историков. Лишь молчаливое пожимание плечами в ответ и скептическая улыбка: дескать, предполагай, как хочешь, а мы утверждать и поддерживать подобное не будем.

А мне, конечно же, хотелось, чтобы древнее изваяние, найденное на острове Беринга, оказалось творением мастера из легендарной Земли Синей звезды.

Это ласковое слово цунами

- Океан!.. Кеан-а-ан!..

— Ветер!.. Тер-тер!..

— Птицы!.. Тицы-тицы!..

— Почему вы умолкли?! Олки-олки!..

— Слышите?.. Ите-ите!..

Эхо смолкло, передразнив вопрос, но не дав ответа. Человек растерянно и тревожно обвел взглядом вершины скал. Ему показалось, что угрюмые великаны замерли в ожидании чего-то.

Но чего?!

— Как странно, очень странно, — пробормотал человек и обернулся к океану. — Я никогда не видел здесь такого сильного отлива. А тишина? Здесь никогда не было такой тишины. Может, я оглох?! Я не слышу криков чаек... Чаек не слышу! Ведь их здесь сотни, нет, тысячи... Куда они подевались? Только что над океаном носились тысячи чаек. Где они?

По каменистому склону человек сбегал вниз и растерянно остановился у береговой кромки.

— Что с океаном? Он уходит все дальше от берега. Он сжимается... Как побелело солнце! Серебристые лучи вонзились в глаза, не дают рассмотреть, что делается на горизонте. А ведь там что-то происходит... Кажется, какая-то черная линия... Она движется, приближается... Да, так и есть. Но уже не линия, а широкая черная лента охватила часть горизонта...

На мгновение человек оцепенел:

— Неужели?... Неужели это?!

Крик застрял в горле. Человек, задыхаясь, бросился к скале.

— Сопки! Скалы! Спасите! Это идет оно! Страшное, беспощадное, неотвратимое... Цунами!!!

Грохот черной водяной стены поглотил последний крик человека. Даже могучие скалы

не смогли остановить страшный удар смертоносной волны. Клыкастые каменные верхушки переломились, как обыкновенные ледяные сосульки...

Это ласковое слово в переводе с японского означает «волна в гавани». «Злые духи карают людей за их грехи» — так говорили в старину о цунами.

Порождается подобное бедствие в результате подводных землетрясений и извержений вулканов, при перемещении огромных пластов морского дна.

Вблизи очагов землетрясения гигантские волны могут подняться на десятки метров. Стена воды несется по океану почти со скоростью реактивного самолета — 700 километров в час.

Когда цунами приближается к более мелким участкам океана, нижние слои воды тормозятся сильнее верхних, и тогда образуется ревущий серповидный гребень.

Первый и самый верный признак этого стихийного бедствия — необычное и быстрое отступление воды от берега. Внезапно смолкает привычный шум прибоя. На сотни метров обнажается дно, исчезают птицы. А через несколько минут появляется почти вертикальная стена воды.

Одной волной цунами не ограничивается. Чаше их бывает от трех до десяти. Самая мощная — обычно третья или четвертая.

Человек пока не может активно бороться с этим грозным явлением. Он не в состоянии построить береговые защитные сооружения, способные сдержать удары миллионов тонн воды.

Осенью 1737 года от цунами пострадали Командорские острова. Высота волны была примерно 60 метров. Об этом спустя много лет «поведали» ученым останки китов и других обитателей океана, заброшенные на много километров в глубину острова Беринга и даже на высокие сопки.

В следующий раз цунами ворвалось на остров 16 сентября 1949 года. Оно было не таким сильным, как в 1737 году. Но все же многие дома в селе Никольском были разрушены, а жители едва спаслись на вершинах сопки.

Приход цунами отмечался на острове Беринга и в 1923, и в 1952 годах.

Неподалеку от берегов Чили 23 мая 1960 года произошло мощное землетрясение. Примерно через 22 часа волна цунами достигла Командорских островов. Сначала океан отступил на полсотни метров от берега, а через несколько минут появилась водяная стена.

Какой же силой обладала эта волна, если крепкий бревенчатый мост через речку Гаваньскую был вырван со своего места и брошен почти на 600 метров в глубь острова!

Кто знает, может, именно эти смертоносные могучие волны стали одной из причин гибели легендарной Земли Синей звезды?..

В первой половине XVIII века замечательный натуралист, участник второй камчатской экспедиции Георг Стеллер отмечал изобилие каланов на острове Беринга и называл их самыми доверчивыми зверями. В те времена любопытные морские животные еще не боялись человека. Но вот начался на Командорских островах промысел котиков, а затем и массовая добыча каланов.

И лишь суровые условия плавания у скалистых берегов этих земель, частые штормы и отсутствие хороших якорных стоянок спасли каланов от полного истребления.

К 1924 году, когда вышел строжайший запрет на их промысел, животных сохранилось всего несколько десятков, и то лишь на острове Медный.

Над морским зверем с самым ценным мехом нависла угроза вымирания.

В справочной литературе сообщается, что калан — хищное млекопитающее семейства куньих, длина тела до полутора метров, хвоста — до 40 сантиметров, вес достигает 40 килограммов. Окраска чаще всего темно-бурая.

Когда-то они были широко распространены во всей северной части Тихого океана. Многие командорцы считают их самыми симпатичными и добрыми животными.

А с какой заботой и нежностью каланы выращивают детенышей! Пожалуй, такого

отношения к своим малышам не встретишь у других животных.

Не случайно у алеутов есть много легенд об этом звере, в которых ему придаются человеческие черты.

Они хорошо приспособлены к воде, великолепно плавают и ныряют, ведут дневной образ жизни, ночью спят на прибрежных камнях. Правда, на берегу каланы беспомощны и неуклюжи.

Много раз я наблюдал за ними и всякий раз удивлялся их игривости, невероятному любопытству, какой-то шаловливой непосредственности и наивности.

Питаются они в основном рыбой, ракообразными, моллюсками. Но самое лакомое блюдо — морские ежи. Чтобы добраться до мидий, каланы разбивают раковины камнями.

Однажды на мысе Толстом острова Беринга я заметил каланиху-мать с детенышем.

Утро едва отогрелось от прохлады и теперь нежилось на сопках и в долинах.

Звери плескались метрах в тридцати от берега, напротив небольшой коричневой скалы. Я поспешил спрятаться за камнями, чтобы осторожные животные не испугались меня.

Каланенок пытался взобраться на живот матери. Та лежала на спине, подставив брюшко солнечным лучам. Только он вскарабкался на нее, как она поворачивалась на бок, и малыш падал в воду. Наверное, так приучала детеныша самостоятельно осваивать родную стихию...

На свет каланята появляются вполне самостоятельными существами. В суровой океанской стихии малыша поджидает множество опасностей, но мать всегда рядом с ним. Растут детеныши быстро; через несколько дней после рождения уже отлично плавают и ныряют и вскоре начинают привыкать к пище взрослых.

Каланы — единственные морские млекопитающие, у которых нет защитного слоя жира. Но от переохлаждения их спасает необыкновенно густой мех: на одном квадратном сантиметре тела растет около 120 тысяч волосинок.

Командорцы в шутку называют каланов самыми аристократичными животными. Никто так не заботится о своей шубе, как они: по нескольку часов в сутки чистят свой мех. Ведь даже от мазутного пятна этот зверь может погибнуть.

Говорят, они почти никогда не дерутся между собой — боятся за свою роскошную шубу. Незначительная ранка на теле — и нарушаются теплозащитные свойства меха, животное может быстро переохладиться в воде.

Несмотря на мрачные прогнозы, предрекавшие им скорую гибель, каланы, к счастью, не вымерли.

Камни бухты Буян

У меня на ладони — командорские опалы. Миллионы лет, застывшие в прозрачно-матовых каплях. Кажется, в них сжалась энергия моря и огня. Есть на острове Беринга бухта Буян. Так же называется и речка, впадающая в Берингово море. Здесь, на небольшом, протяженностью в несколько десятков метров, отрезке берега обнаружены богатые россыпи агатов, опалов, яшмы и сердоликов.

Конечно, эти поделочные и полудрагоценные камни — не такая уж редкость и в других уголках земного шара. Но специалисты говорят, что командорские имеют лучшие форму и качество.

Агат, яшма, сердолик, опал образовались в лавах базальтов во время подводных извержений, которые сотрясали дно Тихого океана около 50 миллионов лет назад.

Камни с острова Беринга хорошо отполированы, поскольку попадают на морское побережье из базальтовых лав не сразу, а долгое время перекачиваются речкой Буян. Восьмикилометровый путь к морю они преодолевают за многие века.

Иваныч утверждал, что именно здесь, в нескольких метрах от берега, в бухте Буян на небольшой глубине находятся остатки древней стены.

Еще в детстве Иваныч слышал от стариков-алеутов о большом городе, который был

здесь построен людьми несколько тысяч лет назад.

Говорили старики, будто те люди поклонялись мудрой и вещей Синей звезде. Она знала все, что происходило в далеком прошлом и что случится в будущем. Знала и подсказывала тем, кто ей поклонялся.

Но потом те древние люди придумали и научились делать дурманящий туман. И все чаще, вместо того, что-бы работать и поклоняться мудрому светилу, они окутывали себя туманом.

И вскоре не стало видно заветной звезды на небосводе, и никто уже не мог предостеречь людей о надвигающейся катастрофе. Дурман победил. Он притупил в человеке волю к жизни, способность мыслить и принимать верные решения.

После катастрофы древняя земля ушла под воду, и лишь немногим жителям удалось спастись. Но вскоре они растворились среди более молодых племен Азии и Америки.

Рассказывали старики, что остатки разрушенной стены в бухте Буян украшены агатами и синими опалами. Будто кто-то даже видел под водой изображения восьмилучевой синей звезды и каких-то диковинных зверей...

Много интересного довелось мне услышать от Иваныча. Но чувствовалось, что старый алеут далеко не все рассказывает, о чем знает. Выспрашивать было бесполезно. Упрямый старик. Захочет сам рассказать — рассказывает, не захочет — слова не выдавишь, сколько бы не упрашивали его.

Начальник местного погранотряда, к счастью, тоже оказался приверженцем идеи существования и Земли Синей звезды, и развалин древнего города на дне бухты Буян.

Поэтому для своих поисков я получил от него на несколько дней надувную лодку. При этом начальник потребовал от меня клятвенного обещания — не удаляться от берега больше, чем на пятьдесят метров, и лодка при этом должна быть «на поводке», под надзором Иваныча, поскольку сильное течение может унести ее в открытое море.

К сожалению, даже на позорном «поводке» мне не удалось отойти от берега. Все четыре дня, которые я мог позволить себе находиться в бухте Буян, не утихал шторм. Не то что на лодке, даже на большом корабле нельзя было выйти в море.

Четверо суток мы с Иванычем засыпали и просыпались под грохот волн. Четыре дня я бродил по берегу мрачного моря в надежде, что шторм вот-вот ослабеет. Но признаков затишья так и не дождался.

Время истекло. Пора было возвращаться в Никольское. Таинственный подводный город «может спать спокойно». Десятки раз я повторил про себя утешительную в подобных случаях фразу: «Когда-нибудь я все же найду его...» С тем и покинул бухту.

А в память об этой неудачной попытке увидеть загадочные развалины Земли Синей звезды или какой-то другой цивилизации остался лишь целлофановый пакетик с опалами и сердоликами, собранными в бухте Буян.

Корабли с острова Синей Звезды

Мальчишка сидел на высоком плоском камне и смотрел в сторону океана. Был он без шапки, и хлесткий ветер безжалостно трепал его длинные черные волосы. Он не слышал моих шагов. — Ты почему здесь сидишь? Холодно

и поздно уже!

Мальчишка вздрогнул, удивленно обернулся, но тут же приложил палец к губам:

— Тише! Он уже совсем рядом и может испугаться...

— Кто?

— Мой кит.

Я недоуменно посмотрел в ту сторону, куда указал мальчишка, но ничего, кроме волн и корабля на рейде, не увидел в океане.

— А ты не сочиняешь?

— Нет. Честное слово, не сочиняю.

— Но там же ничего нет!

— Вы не умеете смотреть. У меня кит не простой, а дрессированный и хитрый-прехитрый. Его Митькой зовут. Как посмотрит на него чужой человек, так он прыг — и в бабочку превращается и улетает высоко-высоко в небо.

— Вот это да! — восхитился я. — А когда он снова превратится в кита?

Мальчишка внимательно посмотрел мне в глаза, не смеюсь ли. Но, встретив мой серьезный взгляд, пригладил зачем-то взлохмаченные волосы и тихо сказал:

— Когда приплывут корабли с острова Синей звезды...

— Откуда?!

— Есть такой остров далеко-далеко, — пояснил он. —

Там живут все знаменитые капитаны. Сегодня они придут на своих кораблях и заберут командора Беринга. Только я и кит Митька знаем, где он прячется. Хотите покажу?

— Хочу.

— Только никому ни слова, — строго предупредил мой собеседник.

— Клянусь: никому ни слова! — поспешно заверил я.

— Смотрите: во-он Арий камень. Видите? В нем есть подземелья. Там и спрятался командор Беринг.

Маленький фантазер хотел еще что-то добавить, но с океана хлестнул брызгами ветер. Мальчишка поежился, смахнул с лица капли и весело крикнул:

— Ох и поштормит сегодня!..

— Ты почему без шапки? — строго спросил я. — Потерял, наверное?

— Не-а, разбойники отняли. Ох и здоровенные, черти!

Как выскочили из тундры, как засвистели — аж мороз по коже! Треснули мне по шее и шапку отняли. Вот...

Мальчишка рассказывал о том, что хотел увидеть: кита Митьку, который может превращаться в бабочку, живого командора Беринга и корабли с острова Синей звезды... Ведь каждый ребенок — немного поэт.

Так стоит ли взрослым вмешиваться в детские мечты, фантазии и приземлять их?

Георг Стеллер

Говорят, Север умеет объединять людей разных национальностей, государств, верований, сословий, профессий. В экспедицию Беринга были включены не только офицеры, матросы, мастеровые, но и многие ученые: Гмелин, де ла Кройер, Миллер, Степан Крашенинников, Лука Иванов, Федор Попов, Алексей Горланов, Василий Третьяков. В экспедиционном списке значились также художники Люрсениус, Беркан, переводчик Илья Яхонтов, геодезисты Александр Иванов, Андрей Красильников, Моисей Ушаков, Никифор Чекин.

Входил в эту разнонациональную команду исследователей-первопроходцев и Георг Вильгельм Стеллер. Родился он в Германии в 1709 году. С детских лет его главным увлечением стала ботаника.

Преподаватели пророчили Георгу блестящее будущее, но за свой вспыльчивый характер и необузданные выходки он был исключен из университета. Стеллер пытался продолжить учебу в других европейских учебных заведениях, но на это не было средств. К тому же он умудрился поссориться и со своими родственниками, и с друзьями.

В XVIII столетии Россия предоставляла немалые возможности способным, энергичным специалистам из Западной Европы, тем, кто не находил должного применения у себя на родине.

Решил попытать счастья в великой северной стране и Георг Стеллер.

В августе 1734 года он прибыл в Петербург, где, по рекомендации немецкого ученого Байера, стал личным врачом архиерея Феофана Прокоповича.

Этот известный ученый, церковный и общественный деятель был сподвижником и

ярымным сторонником Петра I. В круг интересов Прокоповича входили: естествознание, физика, география и, конечно же, освоение Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока.

По достоинству оценив способности Стеллера, Феофан Прокопович рекомендовал его в академию наук.

Георг стал адъюнктом натуральной истории, а вскоре был направлен во вторую камчатскую экспедицию.

К сожалению, между Стеллером и Витусом Берингом с первой же встречи возникло недопонимание. Потом оно переросло в открытое противостояние друг другу.

Но, несмотря на это, после смерти командора Георг писал о нем как о справедливом и честном человеке.

Во время второй камчатской экспедиции Стеллер находился на корабле «Св. Петр». Когда путешественники достигли Америки, между командором и ученым возник конфликт. Беринг не хотел отпускать Стеллера на сушу, поскольку считал, что задача экспедиции выполнена и надо спешно возвращаться на Камчатку, иначе вскоре из-за штормов и непогоды сделать это будет сложно.

Однако упорный ученый настоял на своем. Результатом кратковременного пребывания Стеллера на берегу стала его книга «Описание растений, собранных за 6 часов в Америке».

Именно за шесть часов он сумел собрать и описать 160 видов американской флоры!

Стеллер не прекращал своих зоологических и ботанических исследований даже после кораблекрушения.

В первый же день пребывания на острове Беринга он понял, что земля эта — не Камчатка и что она необитаема. Ведь животные и птицы здесь совершенно не боялись людей.

Кораблекрушение и смерть многих товарищей не выбили Стеллера из колеи. Он составил научное описание местной флоры и фауны, которое вошло в книгу «Описание острова Беринга».

Ученый обошел в одиночку весь остров. Впоследствии он писал об этом: «Я был один, под открытым небом, должен был сидеть на земле, мне мешали холод, дождь, снег, и часто беспокоили меня звери; у меня не было нужных инструментов, и притом я не надеялся, чтобы когда-нибудь моя работа сделалась известной и принесла кому-нибудь пользу...»

Стеллер считал, что цингу у участников экспедиции можно было предотвратить, если бы командор послушал его совета и разрешил на острове Шумагина собрать необходимые лекарственные растения. К сожалению, на острове Беринга нужных трав не оказалось.

Стеллер, очевидно, впервые из европейцев изучил морских котиков, каланов, сивучей и описал уникальное морское млекопитающее, которое водилось лишь у берегов Командор. Это животное потом называли морской коровой Стеллера.

На острове Георг собрал 224 вида растений и дал научное описание множеству камней.

В 1742 году, после возвращения в Петропавловск, Стеллер продолжил исследование Камчатки. Своими силами он построил избу и прожил в ней два года. Занимался охотой, собирал растения, чертил карты, изучал языки, обычаи, культуру и историю камчадалов.

Он обошел почти весь полуостров. У местных жителей — ительменов и коряков — ученый научился питаться сырой рыбой, кореньями, травами.

На свои скудные средства Стеллер открыл в Боль-шерецке школу, где сам учил детей.

Однажды он вступился за двенадцать ительменов, обвиненных в бунте. Враги, а их было у него немало, воспользовались этим. На Стеллера был написан донос в Сенат, в котором сообщалось, что ученый освободил двенадцать государственных преступников и таким образом сам стал бунтовщиком.

Летом 1744 года Стеллер покинул Камчатку. Пора было возвращаться в академию и представлять на суд ученых свои исследования и собранные в экспедиции материалы.

В 1745 году он прибыл в Иркутск именно в тот день, когда губернатор получил распоряжение Сената об аресте «бунтовщика Стеллера».

Ученого арестовали, но вскоре отпустили, поскольку стало известно, что императрица

Елизавета Петровна благосклонно отнеслась к участникам второй камчатской экспедиции.

Весной 1746 года Стеллер добрался до Соликамска. Но здесь стал жертвой издержек в работе почты. Ему предъявили устаревшее постановление Сената об его аресте. Соликамские правители еще не знали, что ученого уже оправдали в Иркутске.

Лишь спустя месяцы пришло сообщение: Стеллер не виновен.

Поздно. Ученый не выдержал тюремных пыток, побоев и скончался.

У писателя и ученого Игоря Забелина есть строки: «Трудно назвать другую науку, которой открытия доставались бы такой же дорогой ценой, как географии.

Тысячи и тысячи безымянных могил географов-исследователей разбросано по материкам и островам, скрыто в волнах океанов; прах этих скитальцев давно смешался с землей, изучению которой они посвятили свою жизнь. Эти люди шли на подвиги и совершали их незаметно, без шума, даже не сознавая, что проявляют героизм, потому что они делали любимое дело, потому что никогда не променяли бы тяготы и тревоги походной жизни на уют и спокойствие городского существования».

Эти слова можно отнести к большинству путешественников самых разных профессий и, конечно же, к естествоиспытателю Георгу Стеллеру.

Его имя увековечено в названиях самой высокой вершины острова Беринга и уникального памятника природы — каменной арки. Именем Стеллера названы несколько видов растений и животных.

Десяток крупных терпугов шевелился на дне лодки. С таким уловом не стыдно возвращаться с рыбалки. Есть что показать и чем поделиться с другими. Мы уже хотели поворачивать к берегу, как вдруг Иваныч тихо произнес: — Гляди-ка: дельфины! Редкие гости в наших водах.

И правда, неподалеку, на спокойной воде, стремительно катились белые буруны. Животные быстро приблизились к нам и теперь почти касались темными лоснящимися спинами бортов нашего суденышка.

Казалось, что своими действиями дельфины стараются привлечь внимание людей.

Иваныч заглушил мотор, привстал и начал озираться.

— Что случилось? — поинтересовался я, но старик не ответил.

Он снова запустил мотор и развернул лодку.

— Дельфины волнуются. Неспроста это, — наконец, пояснил Иваныч. — Видно, беда какая в океане случилась.

Теперь дельфины неслись впереди нас, будто указывали дорогу. Лодка едва поспевала за ними. Неожиданно мы увидели пляшущий на волнах рыбацкий буй. Вода вокруг него расходилась большими кругами.

Иваныч застопорил ход, перегнулся через борт и схватил буй двумя руками. Но тот не поддавался. Я кинулся помогать старику.

За буй потянулся длинный обрывок рыболовной сети. Кое-как вытащили сеть, а в ней — неожиданный улов: накрепко запутанный дельфиненок.

Быстрыми ударами ножа Иваныч распорол путы и положил попавшего в беду малыша на дно лодки. Тот тяжело дышал.

— Ничего, сейчас отойдешь, и я тебя отпущу к своим, — пробормотал Иваныч. — Сколько ж ты без воздуха намучился?

Старик, словно котенка, погладил дельфинчика, и тот шевельнул хвостом.

— Какой глупый и злой народ еще ходит по морям-океанам, — покачал головой Иваныч. — Ведь строго-настрого всем рыбакам наказано не швырять обрывки сетей в океан. Котики, каланы, дельфины гибнут от них.

Эх-эх-эх, нельзя бездушных людей в океан выпускать...

Неожиданно дельфинчик рванулся из рук. Не успели мы опомниться, как он скользнул по борту лодки и плюхнулся в воду. Секунда, другая — и малыш уже плыл к своим сородичам. А те дружно покачивали головами: то ли приветствовали спасенного

дельфинчика, то ли благодарили нас с Иванычем.

Хозяева лежбищ — котики — не одиноки в своей просторной природной «квартире». Всегда рядом на побережье суетятся серокрылые чайки. В поисках падали шныряют песцы и совсем не обращают внимания на грозный недовольный рев секачей. Неподалеку от котиков на камнях отдыхают гигантские морские львы — сивучи.

Деловито попискивают длинноклювые кулики и лапландские подорожники. То тут, то там снуют юркие пуночки и овсянки.

Невозможно представить себе лежбище и без таких птиц, как топорки, бакланы, ипатки, глупыши... И все эти беспокойные соседи прямо или косвенно связаны друг с другом.

Серокрылые чайки — главные санитары лежбища. Питаясь отходами котиков, они очищают побережье.

Чайки начинают присматриваться к лежбищу еще до массового выхода морского зверя на сушу.

Когда у чаек появляются птенцы, им приходится постоянно курсировать между лежбищем и своими гнездами. В это время птицы становятся особенно шумными и драчливыми. Более взрослые и опытные теснят молодых. Но агрессивность чаек не распространяется на котиков и других обитателей лежбища.

Остерегаются чайки лишь песцов. С опаской они отбегают или отлетают в сторону, как только рядом появляются эти пронырливые зверьки. Песцу никто не доверяет на острове — ни птицы, ни морские звери.

Они тоже санитары лежбища. Но бывает, что особо обнаглевшие песцы нападают на маленьких котиков и загрызают их. Однако подобное случается редко.

Да, происходят иногда стычки и конфликты между соседями. Но все же чувствуется на лежбище мудрая рука хозяйки, которая заставляет жизнь обитателей этого дома двигаться в едином ритме. Имя хозяйки — Природа.

Цветы с острова Беринга

Несколько раз приглашали меня на утиную охоту, да все не было времени. Наконец выбрался вместе с Виктором, рабочим зверозавода.

Долго шли тундрой. Не торопились. До вечерней зорьки еще уйма времени. Иногда мы останавливались и любовались летним ковром тундры и разноцветьем сопок. Растительный мир наверстывал упущенное после затяжной северной зимы.

Есть в тундровых цветах острова Беринга особая, скромная красота. В чем она?

Пожалуй, в контрасте с угрюмыми скалами, неумолкающим прибоем, частыми туманами, стремительными ветрами.

Цветов на острове много. Лиловые ирисы встречаются за околицей села, в огородах, вдоль дороги пестрят их венчики, издали похожие на усталых бабочек. Разбежались во все стороны по тундре белые, с золотым солнышком в центре, веселые ромашки. А на склонах сопки уже распустились луговая герань, бледно-розовый анемон, синий колокольчик...

Солнце коснулось краешком диска моря. Час вечерней зари...

Мы добрались наконец до места. Виктор оставил меня на одной «засидке», сооруженной из плавника и травы, а сам отправился к другой.

Конец охоте

Я постелил на камнях штормовку и улегся. Ждал долго, а уток все не было и не было. От нечего делать начал мысленно представлять, что сочинит неумный фантазер Витька по поводу нашей утиной охоты.

Мой товарищ по сегодняшней охоте славился своими выдумками и приключениями.

Дня не проходило, чтобы он не попал в какую-нибудь историю, или, по крайней мере, не сочинил ее.

То на его лодку напала гигантская белая касатка, то он вступил в поединок с матерым сивучем и, конечно, победил зверя, то предотвратил высадку на лежбище котиков каких-то браконьеров. Трудно иногда было понять, где в его рассказах правда, а где разгул неумной фантазии.

Что же он соврет сегодня? Особенно если охота будет неудачной. Наверное, скажет, что уток распугало доисторическое чудовище, выплывшее из моря, или неопознанные летающие объекты.

От солнца остался лишь рваный, чуть виднеющийся над водой, клочок, а утки так и не появились.

Конец охоте...

Пора искать Витьку и возвращаться в село.

Я прошел берегом метров пятьсот, но его нигде не было. Что за ерунда? Куда он мог подеваться на открытой местности? Небось, опять какой-нибудь фортель выкинул.

Хрустели под ногами ракушки. Скалы, розовые от вечернего света, напоминали покинутый всеми заколдованный древний город.

Вдруг я заметил среди камней ружейный ствол.

— Виктор! Вить!

Тот не отозвался. Я подошел поближе и обомлел.

Чертовщина какая-то! Витька лежал прямо на камнях. Глаза его были закрыты, лицо зеленое, а одежда вся насквозь мокрая.

— Что случилось?! Слышишь?!

— Т-ты см-м-мерть видел к-когда-нибудь? — вдруг застучал зубами Витька и принялся, наконец, стаскивать куртку и сапоги.

— Всякое бывало, — настороженно ответил я.

— Вся-а-а-кое, — укоризненно протянул он. —

А я видел только что. Совсем рядом...

«А жить все-таки лучше!...»

Лишь когда я развел костер, Витька начал свою душещипательную историю. — Подстрелил я здоровенную утку, а она в море упала. Прямо в одежде кинулся за ней. Дотянулся, схватил, а тут самого кто-то за ноги цап — и вниз, на дно. Рвусь к берегу, а меня опять — дерг! Волны, заразы, одна за другой шарашат по башке — вздохнуть не дают. Воды наглотался, одежда набухла. Ну, думаю, конец. Обидно так стало: до берега ведь рукой подать. Тут-то смерть и появилась собственной персоной... Суетная какая-то попалась, а может, припадочная. Рожа у нее разноцветная, и голова подергивается. Верещит, а чего — не поймешь. За руки и ноги хватает, будто я ее чем-то разозлил... Всегда мне не везет: даже смерть явилась — чокнутая.

— Во дела! Это уже похуже сочинений о гигантской касатке. Настоящий бред, — сокрушенно подумал я и добавил вслух: — Как же ты мог подстрелить утку, если я не слышал выстрела?..

Витька даже не обратил внимания на мой озадаченный взгляд и вопрос. Вдохновенно продолжал гнуть свое:

— Честное слово, обидно ни за что ни про что концы отдать. Бросил я к чертовой матери утку и из после дних сил рванул к берегу. Спасибо — волна громадная ка-ак поддаст сзади, так я кубарем на берег и вылетел. Чуть башку не расколотил о камни. До сих пор перед глазами смерть с разноцветной рожей мельтешит... Дура припадочная! Слушай, а может, это было какое-то подводное привидение? Ну, из того затопленного города...

А что, в старинных замках их полным-полно, почему бы не водиться им и в океане?

— Час от часу не легче, — сокрушенно пробормотал я и не стал поддерживать разговор

о смерти с разноцветной физиономией, о мифическом городе и подводных привидениях.

Вовсю полыхал костер. Одежда, развешанная вокруг него, почти высохла.

— Что-то не м-могу согреться, — снова затрясся Витька. — Н-надо согревающего внутрь. У т-тебя н-нет С собой?

— Нет, — развел я руками. — Если б знал...

— Если бы да кабы, — разочарованно протянул Витька и тут же перестал трястись. — Я б десять бутылок водки взял. После встречи со смертью и столько не грех пропустить...

— Ты, кажется, и без водки согрелся.

Витька ничего не ответил, только поближе придвинулся к костру. Потом новая «светлая» мысль озарила его, и он мечтательно продолжил:

— А представляешь, приходишь ты сюда, а на берегу — только стреляная гильза да ружье... В-ва — нет Витька! То ли в океане сгинул, то ли братья по разуму уволокли. Ух, и начались бы в Никольском пересуды! Вот бы послушать!

— Хватит ерунду молоть, — не выдержал я. — Пора возвращаться.

— Пора, — согласился Витька и глубокомысленно изрек: — А жить все-таки лучше!

В наследство потомкам

Взаимодействие человека и природы — постоянное и необходимое условие жизни и развития общества.

Командорские острова — суровый и в то же время хрупкий мир. Котиковые лежища, нерестилища красной рыбы, каланы, сивучи, уникальные птицы и растения, бухта Буян — хранилище самоцветов... Что и говорить, неповторима природа Командор. В то же время она более уязвима, чем фауна, флора, ландшафт теплых краев. И раны, нанесенные северной островной природе — будь то нарушение тундрового покрова, загрязнение воды и суши топливом или браконьерство, — заживают намного дольше.

Очищение океанских вод здесь также протекает медленнее, чем в южных регионах планеты.

Командорские острова — пример необдуманного вторжения человека в природу. Стеллерова корова, крупное млекопитающее, достигавшее до десяти метров в длину и весившее до четырех тонн, в первой половине XVIII века в изобилии водилась здесь на мелководье. Вкусное мясо, доверчивость и медлительность животного погубили его.

Спустя всего двадцать семь лет после открытия острова Беринга заезжие промысловики убили последнюю морскую корову. Больше на земном шаре этого вида не существует.

Доживи до наших дней, может, стала бы она первым из обитателей океана домашним животным.

Такая же печальная участь постигла и стеллерова баклана, который водился только на острове Беринга.

Здесь и сейчас встречаются птицы, находящиеся под угрозой исчезновения. К ним относится малый гоголь — птица настолько редкая, что образ ее жизни почти неизвестен специалистам.

Гнездится малый гоголь на севере Американского континента. На Командорах он — залетный гость.

Даже бескрайний океан под угрозой. Ведь в него бесконтрольно сбрасывают различные отходы, горючесмазочные материалы. Несмотря на международные соглашения, в океан порой промывают свои опорожненные емкости танкеры. В результате по воде на много километров расплываются маслянистые пятна нефти — зона смерти для водных растений, беспозвоночных, рыб, морских птиц и зверей. Еще больше бед приносят катастрофы нефтеналивных судов.

Наверное, не встретишь человека, назвавшего бы себя врагом природы. И все же до сих пор в океан выбрасывают с кораблей отходы, гибнут в обрывах сетей дельфины и котики,

орудуют браконьеры.

И сегодня все чаще звучат вопросы без определенного ответа: какой мы передаем природу в наследство потомкам? Мертвые воды и берега или цветущий и прекрасный мир?

Прощай, командорское лето!.

Когда в экспедиции не находишь то, что искал, к чему стремился, тешишь себя мыслью: все еще впереди... Тогда, в конце семидесятых, мой старший товарищ — высокий советский руководитель — с интересом выслушал рассказ о ненайденной стене на дне бухты Буян и о гипотезах насчет Земли Синей звезды. Выслушал, но добро на публикацию не дал: «Повременим пока с загадочными звездами, мифическими землями, хранителями древних тайн... Сейчас не до этого... А там — как знать?..»

Мне пришлось много странствовать по свету. Я любовался остатками красоты древней Пальмиры, закатами над Средиземным морем, яростными красками Скалистых гор в Колорадо, ласковой тишью озера Балатон, отдыхал в прохладе оазисов азиатских и африканских пустынь, бороздил на различных судах десятки морей. Я счастлив, что видел раскопки великого Вавилона, ходил по таежным тронам Забайкалья, купался в Мертвом море и Мазурских озерах, поднимался на исполинскую Баальбекскую террасу в Ливане.

Но ничто не сможет заслонить в моей памяти серебристые водопады острова Беринга, игру каланов на мелководье, цветастый ковер летней тундры, студёный простор Тихого океана, сизые сопки, неброскую, застенчивую и суровую красоту Командорских островов и услышанные там легенды о Земле Синей звезды...

Коснулись малиновых струн заката командорские стын-вечерницы. Под присмотром мудрой Синей звезды вызревала июльскими ночами зябкая тишина. Лишь плескался прибой, и о чем-то вздыхала спросонок трава.

В эти ночи молодое простоволосое лето сошло с дальних сопки и бродило босиком по берегу океана. Робкой дикаркой лето подолгу смотрело на огни кораблей и в ночное небо, отыскивая там покровительницу всех тайн — Синюю звезду.

А мне слышалась в эти часы сказка старого алеута:

— Как схватились два песца на высокой сопке. Один — белый, другой — огненный. Одолеет белый огненного — и начнет коченеть тундра в синих туманах, и стужа расправит свои крылья, и заведет свистящую песню поземка. А возьмет верх огненный — заговорят разом реки, поднимутся в тундре цветы и травы, заревут олени, выплывут из океана котик и сивучи. И пойдет по острову лето, раздавая всем тепло своей души. И станут добрее от того тепла люди и звери. И даже мудрая Синяя звезда поделится с ними своими тайнами...

Но не увидеть уже мне всех даров командорского лета. Пора возвращаться на Камчатку.

Удастся ли еще побывать на острове Беринга и приоткрыть хоть чуть-чуть тайну легендарной Синей звезды?

Не знаю...

Но убежден: невозвратно лишь то, чему мы сами позволяем затеряться в глубинах своей памяти.

Играем со смертью

О горестным удостоверением в невозможности преодолеть поставленные

природой препятствия исчезла и последняя надежда открыть предполагаемую

нами землю, в существовании которой мы уже не могли сомневаться.

Должно было отказаться от цели, достигнуть которой

*постоянно стремились
мы в течение трех лет, презирая все лишения, трудности и
опасности.
Мы сделали все, чего требовали от нас долг и честь.*
Фердинанд Врангель

Предостережение Руаля Амундсена

И за Полярным кругом человеческие страсти и азарт от холодов не застывают. Здесь так же влюбляются и ревнуют, страдают и убивают, остервенело пьют и отчаянно режутся в карты, как и везде. Не охладевает на просторах Севера и дух авантюризма. XIX и XX века насыщены стремлениями отыскать неизвестные земли, достичь Северного полюса, найти следы погибших цивилизаций, открыть неведомых науке животных, добыть сокровища, прославиться и быстро разбогатеть.

В экспедициях зачастую трудно провести грань между легкомыслием, непредусмотрительностью организаторов и авантюризмом. Тысячи искателей приключений разных стран и национальностей покидали родные дома, меняли свой образ жизни и становились — кто на короткое время, кто навсегда — северянами. Одни добивались, чего хотели, другие возвращались ни с чем, третьи находили себе могилу среди льдов, в тундре, в студеной морской пучине.

В начале XX века известный норвежский полярный исследователь Руаль Амундсен, обеспокоенный большим количеством всевозможных экспедиций в Заполярье, писал: «Знаю, что большинство людей соединяет в своем представлении путешествия в арктические страны с понятием о «приключениях»...

Я вовсе не хочу отрицать жажду приключений. Это весьма естественное стремление к захватывающим переживаниям, заложенное в каждом здоровом и сильном человеке. Оно, несомненно, перешло к нам в наследство от наших далеких предков, для которых борьба за существование сопровождалась полной риска охотой, опасными схватками с дикими зверями и страхом перед неизвестным...

Наши предки ежедневно рисковали жизнью для добычи средств к существованию. Когда мы «играем со смертью», мы возвращаемся к волнующей нервы радости первобытного человека, которая сохраняла и поддерживала его в ежедневной схватке.

...Для исследователя приключение — не более как следствие скверной плановой разработки, приведшей его к тяжелым испытаниям. В другом случае приключение для него — неприятное доказательство той истины, что ни одному человеку не дано предвидеть все случайности будущего. Всем исследователям приходилось переживать приключения. Приключения всегда волнуют и возбуждают исследователя, и вспоминает он о них с удовольствием. Но он никогда не пускается в погоню за ними.

...Карьера исследователя требует весьма и весьма суровой подготовки. Истинным серьезным исследователям приходится много терпеть от того, что некоторые люди берутся за это дело без достаточных навыков. Некоторые из этих людей — просто искатели приключений — гонящиеся за сенсациями. Другие в погоне за славой пытаются достигнуть таким кратчайшим путем своей цели. Многие из этих людей лишились жизни без всякого смысла. Это само по себе уже достаточно печально, но печальнее всего то, что они посеяли сомнение в отношении арктических исследований среди здравомыслящих людей, вследствие чего большинство из них считает полярные исследования чистым безумием.

...профессия исследователя есть строго технический и чрезвычайно тяжелый труд, требующий долгих лет умственной и физической подготовки и преследующий важные цели, лежащие далеко за пределами погони за сенсацией искателей приключений и преходящей славы шарлатанов и авантюристов...»

Да, конечно, великий путешественник Амундсен всегда критически отзывался о людях авантюристического склада. А сам?..

Ведь любил он хоть и продуманные действия, но весьма рискованные, и нередко во время своих экспедиций повторял фразу: «Играем со смертью...»

Действительно, искатели приключений грешат не только тем, что выдают неверную, приукрашенную информацию о неизвестных землях, животных, явлениях природы, событиях, но и втягивают в орбиту риска многих людей, подвергают опасности их жизнь.

Но кто из путешественников хоть чуть-чуть, хоть иногда не грешил этим? Вряд ли такой найдется даже среди самых серьезных, рассудительных и осторожных людей!

Может быть, и Руаль Амундсен согласился бы с тем, что нередко именно авантюристы, искатели приключений становятся авангардным отрядом человечества в исследованиях неведомого. Их критикуют, ругают, проклинают, если проиграно дело. Но когда они вдруг становятся победителями и достигают намеченной цели, даже по воли случайности, эпитет «авантюрист» общественность спешно заменяет словами «герой», «романтик», «первопроходец», «открыватель»...

Труднодоступные земли притягивают не только искателей рискованных приключений, но и любителей всего необычного, таинственного. Коренные народы Севера быстро сообразили, что пришельцы из южных стран жаждут услышать от них загадочные и невероятные истории. И аборигены Заполярья щедро потчевали путешественников своими былями и небылицами, преданиями и мифами.

Многое из услышанного на Севере принималось на веру, и спустя какое-то время легенды преподносились со страниц газет, журналов, книг как реальные события. В первой четверти прошлого века в Европе и Америке были весьма популярны книги Вильялмура Стефанссона «Белокурые эскимосы» и «Гостеприимная Арктика». Автор этих работ приобрел известность исследованиями моря Бофорта и ряда северных островов.

В своих путешествиях он уделял немало внимания изучению быта, культуры, истории, поверий и легенд эскимосов. О том, как этот народ воспринимает суровую полярную ночь, Стефанссон писал: «Период зимней тьмы представляет для эскимосов приблизительно то же, что самый жаркий период лета для горожанина.

Темнота сама по себе, вероятно, не более приятна эскимосу, чем жара приятна горожанину; но для каждого из них соответствующее явление означает, что наступило время отдыха. В самый темный период зимы слишком трудно охотиться, и эскимос заранее заготавливает себе запасы нищи месяца на два.

В эти месяцы у него нет никакой серьезной работы, и он совершает дальние поездки, навещая своих друзей и проводя у них время в песнях, плясках и пиршествах. Поэтому эскимосы любят темный период зимы больше, чем какое-либо другое время года, и на побережье Ледовитого океана зимняя тьма производит не более «гнетущее» впечатление, чем полуночная тьма на Бродвее».

Стефанссон в своих работах старался доказать читателям, что Арктика вовсе не такая опасная и коварная, как о ней пишут многие исследователи. В этом его поддержал ученый и путешественник Стуркерсон. После проведения в 1918 году нескольких месяцев на дрейфующей льдине в море Бофорта он писал: «Мы подтвердили то, что доказала вся экспедиция Стефанссона, а именно, что полярное море является гораздо более гостеприимным, чем принято думать. Моя партия из пяти человек смогла прожить на льду безопасно и с достаточным комфортом в течение восьми месяцев, причем мы ни разу не оставались без еды. Правда, я там заболел астмой, но это случается с людьми, живущими в любой стране и в любом климате. Насколько я могу судить, прожить на льду 8 лет нам было бы не труднее, чем 8 месяцев».

Что ж, автор этих строк Стуркерсон имел право на подобное оптимистическое высказывание. Ведь он на себе испытал трудности выживания в Арктике и вышел победителем.

Многие считали, что его экспедиции просто повезло и с направлением дрейфа, и с погодой, и с удачной охотой. Но такое случается редко.

В отличие от Стукерсона, Руаль Амундсен был возмущен и выводами, и книгами Вильялмура Стефанссона. Он тоже слышал от аборигенов Заполярья о существовании загадочного, неизвестного европейцам народа — «белокурых эскимосов», но посчитал эти рассказы легендой и высказал свою версию.

«...Нет ничего невозможного в том, что то или иное немногочисленное эскимосское племя до сих пор еще не было найдено, но говорить об этом как о достоверном факте — значит растягивать границы возможного до незаконных пределов. Такое открытие не заслуживает серьезного доверия, если не подкреплено неоспоримыми доказательствами. Стефанссон таких доказательств не представил.

Вероятная разгадка существования «белокурых эскимосов» довольно проста. Области Арктики являлись в течение четырех столетий излюбленным полем деятельности исследователей. Экспедиции одна за другой снаряжались в эти страны, причем многим из них приходилось там зимовать. Кроме этих исследователей; на Север отправлялись целые поколения бесчисленных торговцев пушниной. Во всех этих предприятиях бритты и скандинавы составляли большинство. Смешанные браки — здесь обычное явление...

Белокурые эскимосы, по всей вероятности, являются внуками, происходящими от эскимосских матерей — полукровок и белокурых, голубоглазых отцов северян.

...Сказка Стефанссона об особой расе «белокурых эскимосов» заслуживает не больше внимания, чем сенсационная новость бульварного листка».

Амундсен даже не стал в своей отповеди вспоминать существование версии, будто «белокурые эскимосы» — либо потомки гипербореев, либо викингов.

Однако больше всего возмутило Амундсена в книгах Стефанссона приуменьшение трудностей и риска в северных путешествиях. Книга «Гостеприимная Арктика» «...является весьма опасным искажением условий действительности...»

Глупые рассказы Стефанссона ввели в заблуждение многих серьезных исследователей, — писал Амундсен. — Мне приходилось то тут, то там встречать высокообразованных людей, которые воспринимали эти басни за истинную правду о жизни Севера. Я слышал, они выражали удивление по поводу моих тщательных приготовлений к экспедиции — я стремился взять с собой достаточное количество провианта в концентрированном виде. К этим рассказам присоединилось еще распространившееся мнение, что путешествие на Северный полюс немногим отличается от веселой охоты, во время которой можно с удобствами прогуливаться по льду, останавливаться время от времени, чтобы застрелить какую-нибудь живность, не заботясь о пропитании на день грядущий.

...Понадобится больше пятидесяти лет, чтобы большинство здравомыслящей публики убедилось, что деньги, разумно потраченные на снабжение продовольствием арктической экспедиции, — деньги, брошенные не на ветер. Своими фантастическими рассказами Стефанссон нанес неизмеримый вред действительно серьезному исследованию полярных стран».

Как ни убедительны были гневные слова Амундсена, книгами «Белокурые эскимосы» и «Гостеприимная Арктика» зачитывались во многих странах. И в наши дни еще можно услышать высказывания, что загадочный народ, о котором рассказывал Стефанссон, является потомком гипербореев, а путешествие по Заполярье — всего лишь увлекательная и малоопасная прогулка.

В вагончике на Северный полюс

Это случилось в самом начале XX века. На Шпицберген прибыл корабль, груженный огромными сваями.

Местные жители, как обычно, вышли встречать судно и потом долго переговаривались

и обсуждали: кому и зачем понадобилось столько свай? Ведь такого количества древесины хватит на строительство целого городка.

Лишь к вечеру, когда на берег высадился владелец груза, все прояснилось. Лейтенант германского военного флота Бауендаль оказался хоть и не очень разговорчивым, но деловитым и напористым.

От его сообщения жители Шпицбергена некоторое время не могли прийти в себя. Повидали они на своем веку немало чудного, нелепого, необычного, но то, что задумал бойкий герр Бауендаль, изумило даже их.

В своем коротком обращении к старожилам архипелага немецкий лейтенант заявил:

— Главной помехой в достижении Северного полюса являются нагромождения и неровность льдов. Торосы, ледяные завалы, трещины, полыньи — все это затрудняет продвижение путешественников. Я понял, как легко преодолеть подобные преграды и без труда достигнуть Северного полюса! Я построю подвесную дорогу! Она соединит Свальбард и Северный полюс! И тысячи туристов без помех и с комфортом отправятся в путь...

Пока местные жители ломали голову, какие беды принесет им несусветная затея прыткого немца, герр Бауендаль ретиво взялся за дело. Согласно его плану, доставленные на Шпицберген сваи надо было установить с определенными интервалами на льду, а потом натянуть стальной канат. Специальные вагончики предполагалось повесить на колесе, которое будет катиться по стальному канату, как по рельсу.

Когда бережливые жители архипелага подсчитали, во сколько обойдется причуда герра Бауендаля, то изумились еще больше.

И откуда он взял столько денег? Их с лихвой хватило бы на постройку и оснащение самой современной китобойной или рыболовецкой флотилии!

Мало кто знал, сколько энергии и времени затратил Бауендаль, чтобы собрать средства на свою затею. Поговаривали, будто сам кайзер Вильгельм поверил в «строительство века» и выделил на это какую-то сумму. Германского императора убедили, что дорога «в вагончике на Северный полюс» поднимет престиж его страны. Остальные деньги на безумную идею выделили финансисты и промышленники.

Кипучая деятельность Бауендаля принесла определенные плоды. Нелепая дорога была построена, правда, всего лишь на несколько километров.

Несмотря на хорошую оплату, рабочие, осознав бессмысленность затеи Бауендаля, прекратили строительство.

Не больше часа лейтенант бушевал, уговаривал, бранился гневно, махал кулаками. Бесполезно: возвращаться к строительству никто не хотел. Потом лейтенант успокоился и сделался задумчивым.

Наблюдательные жители архипелага смекнули: такая внезапная задумчивость не к добру... И оказались правы.

Другой на месте Бауендаля после краха мечты затосковал бы, запил или, еще чего доброго, — пустил себе пулю в лоб. Но германский лейтенант оказался человеком, не склонным к унынию.

Черт с ней, с этой дорогой и вагончиками! — решил Бауендаль и принялся за новый проект.

Трудно объяснить, чем так притягивал его Северный полюс. Корысть? Романтика? Жажда славы? А может, некие тайные замыслы стратегов из германского Генерального штаба?

Непримиримый борец с авантюристами и шарлатанами северных широт Руаль Амундсен ответил на это со свойственной ему прямоотой: «Несомненно, что Бауендаль был не совсем нормален...»

Громя на страницах записок «игроков со смертью», «искателей приключений», «авантюристов» и «аферистов», Амундсен поведал о своем знакомстве с Бауендалем и о его новой затее: «Он взял часть строительного дерева от оставшегося воздухоплавательного ангара Андрэ на Свальбарде и сколотил из него плот.

Буксирный пароход должен был отбуксировать этот плот к границе плавучих льдов, откуда Бауендаль намеревался плыть через лед к восточному побережью Гренландии, чтобы уже оттуда попытаться достигнуть более высоких северных широт, нежели это удалось кому-либо до него...

Сначала «старожилы» Свальбарда потешались над этой выдумкой. Когда же они убедились, что намерения Бауендаля вполне серьезны, то стали просить меня употребить все усилия, чтобы поговорить с ним и передать от их лица официальный протест...

Я выполнил это поручение со всей возможной деликатностью, но был принят как большинство непрошенных советчиков...

Упрямый лейтенант возомнил, что теперь-то он уж точно сможет достичь Северного полюса. А предостережение знаменитого путешественника лишь подзадорило его.

Когда подготовка к экспедиции была завершена, Амундсен попытался уберечь от опасной авантюры хотя бы напарника Бауендаля, молодого норвежца: «Я решил... спасти жизнь этому юноше, а потому отыскал его и разъяснил безумие всего предприятия.

Юноша был немногословен в своих ответах на мои уговоры, но по «искорке» в его глазах я сообразил, что он не дурак и не собирался рисковать жизнью ради подобной поездки. Я понял, что он вполне удовольствуется получением платы за работы по подготовке экспедиции, но не намерен входить в состав экипажа плота, когда последний отправится в дрейф. Но юноша оказался еще умнее, чем я думал.

Он покинул Свальбард вместе с Бауендалем на буксирном пароходе, тащившем за собою плот. Вечером, накануне достижения экспедицией сплоченного льда, юноша прокрался на корму буксира и обрезал трос. Когда все на утро вышли на палубу, плота нигде не было видно, и экспедиция Бауендаля завершилась...

По слухам, неугомонный лейтенант не приуныл, а снова на какое-то время сделался задумчивым.

Отдав приказ капитану буксирного парохода возвращаться на Шпицберген, Бауендаль произнес:

— Черт с ним, с этим плотом!.. Кажется, я придумал понадежнее способ достичь Северного полюса!..

Кто знает, может, он в конце концов и добился бы своего и покорил Северный полюс, но в его экспедиционные планы вмешалось командование Военно-морского флота Германии — и кипучая энергия Бауендаля была направлена в другое русло.

Хорошо еще, что ни одна его затея никого не погубила. А раз так, то неудачные экспедиции Бауендаля можно считать полезным этапом освоения Заполярья. Ведь они стали классическим примером, как не следует завоевывать Арктику.

Как не велико племя «любителей поиграть со смертью» у немцев, американцев, скандинавов, англичан, а все же на Руси бесшабашных искателей приключений в разные времена побольше оказывалось. Да и размах у россиян пошире. Знай наших!..

Что там Бауендаль со своими вагончиками на Северный полюс!.. Или brave американский кавалерист Фиал, решивший покорить Арктику не только на собаках, но и на лошадках пони!..

Один вечный студент, разочаровавшийся в революции и терроризме, додумался покорять Северный полюс с помощью гусей. Кажется, дело происходило в конце 80-х годов XIX века.

Этот мечтатель решил перейти от слов к делу и создал птицеферму. На ее устройство собрал деньги у нескольких купцов.

Студент закупил огромное количество гусят и стал дрессировать их. Неизвестно, как преуспел он в этом, поскольку авантюра вскоре провалилась. На птицеферму был совершен воровской налет, и гусята исчезли. Осталась лишь сшитая по чертежам студента упряжь для птиц и огромная корзина, в которой несостоявшийся воздухоплаватель намеревался покорить Северный полюс. Сам бывший террорист вскоре тоже пропал без вести. Так что

одураченным вкладчикам в безумную экспедицию сохранились на память нелепая гусиная упряжь да корзина.

Впрочем, ходили слухи в Беломорье и в Архангельской губернии, что «бывший бомбист, очкастый сатана» все-таки летает на каких-то птицах. Но откуда его приносит недобрым ветром и где он потом приземляется, — никто ответить не мог.

Верхом на ките

В начале XVIII века ходил по Каргополю, Мезени да и по Архангельску некий поп-расстрига. Ему бы о спасении души думать и о том, как сменить ветхую летнюю одежку на подобающую для Севера. Так нет же — умствовал, как покорить Арктику. Смушал, непутевая голова, православный люд тем, что может добраться до самого Северного полюса на китах. За такую брехню попа-расстригу не раз били, а он стоял на своем. Доказывал, будто научился от какого-то старца приручать гигантских морских зверей, и те становились послушными, словно лошади, запряженные в телегу.

До того упрямым оказался поп-расстрига, что однажды охотники на морского зверя взяли его с собой в Баренцево море на промысел. Пусть, дескать, покажет свое искусство. Может, и впрямь научился у старцев творить чудо, раз мордобой на него не действует?..

Повстречали охотники стадо белух и говорят расстриге:

— Ну-ка, покажи свое умение!..

Перегнулся тот через борт, погладил морскую гладь — словно коня или собаку — и принялся нашептывать что-то неразборчивое и посвистывать.

Время шло, а белухи, как плыли своим направлением, так и продолжали плыть, не обращая внимания на чародейские потуги. Ждали-ждали чуда охотники, да и зароптали.

— Одурачил нас драный расстрига!.. — Что же не оседлаешь никак белуху?..

— И не глядит даже в твою сторону рыба-зверь!..

Один из охотников предложил в шутку:

— А давайте, братцы, мы этого брехуна к белухам бросим! Глядишь — и впрямь они его понесут на спинах к Северному полюсу!..

Посмеялась артель, позубоскалила, а расстрига обиделся и ответил со злостью:

— Мелковатая тварь — белуха, не выдержит меня... Вот попался бы кашалот-батяня...

Только сказал он это, как неподалеку от судна вынырнула огромная туша. Ахнули от неожиданности охотники и давай спешно менять курс! Не годилось их суденышко для забоя кашалота.

А расстрига тем временем снова начал колдовать: поглаживал море, нашептывал да посвистывал. То ли случайно это получилось, то ли ворожба подействовала, но кит направился напрямик на судно.

Испугались охотники, поняли: не миновать беды. Кашалот вот-вот настигнет и протаранит их.

Один расстрига обрадовался:

— Что, зубоскалы, охульники, затрепетало у всех нутро?! Будете теперь верить честным людям?..

Вскочил он на борт, сплюнул, перекрестился и сиганул в море. Только в воду не упал, а каким-то образом оказался на спине кашалота.

От увиденного обалдели охотники. Стали вопить, советы очумелому расстриге подавать, потом конец веревки швырнули.

А тот лишь презрительно скривился и рукой махнул:

— Да пошли вы!

Только расстрига выматерился, как морской гигант повернул в сторону от судна и поплыл не куда-нибудь, а напрямик на север.

Долго еще не могли прийти в себя охотники. Сколько лет промыслили в море, но такого не видывали и от стариков не слыхивали.

Некоторое время сокрушались они, что ничем расстриге помочь не смогли: хоть оглашенный и с придурью — а все же человек... Потом отправились за стадом белух.

Когда охотники вернулись к родному берегу, их всех в приказную избу поволокли. Стали допрашивать: куда подевали убогого оборванца?

Смекнули охотники: если рассказать правду — никто не поверит. И соврали они дружно, что бывшего попа смыло волной, и спасти его не удалось.

На том допрос и завершился. Сговорились охотники никому не рассказывать и даже не вспоминать о гибели расстриги. Может, они свое слово и сдержали. Да разве на Севере такое утаишь? И долгие годы еще ходила молва и не утихали споры о загадочном исчезновении бывшего попа.

Маркиз и Бушлат

Общеизвестно, что официально зарегистрированный полет аэростата произошел в 1783 году. Создателями этого летательного аппарата были французы братья Жозеф и Этьенн Монгольфье. Но вот в начале XIX века достоянием общественности стала рукопись русского библиографа Александра Ивановича Сулакадзева «О воздушном летании в России с 906 лета по Рождении Христа». Знай наших!..

Если эта рукопись не подделка, то в ней приводится, возможно, один из самых ранних фактов попытки полета на аэростате:

«1731 года в Рязани, при воеводе, подъячий нерехтец Крякутной фурвин зделал как мяч большой, надул дымом поганым и вонючим, от него зделал петлю, сел в нее и нечистая сила подняла его выше березы, и после ударила его о колокольню, но он уцепился за веревку чем звонят, и остался тако жив...»

Сулакадзеву удалось собрать богатейшую коллекцию старинных рукописей. Однако некоторые исследователи считают, что в его коллекции немало подделок.

За несколько лет до экспериментов шведского воздухоплавателя Андрэ объявились в Архангельске двое бродяг. По вечерам они околачивались в трактире возле мыса Пур-Наволоки и будоражили умы завсегдатаев удивительными историями. Одного из бродяг величали Маркизом. По слухам, был он когда-то провинциальным актером, а после того, как получил срок за нетяжкое преступление, на сцену не вернулся.

Его приятель по прозвищу Бушлат оказался более загадочной личностью. За что и где он сидел? Об этом никто из посетителей трактира не знал.

Зато сообщили бродяги, что до появления в Архангельске около года жили они у одного отшельника. Скит его находился в заболоченной тундре, за хребтом Пай-Хой. Недоброй славой пользовалась эта земля Полярного Урала. Потому, наверное, там редко появлялись люди.

Какая беда занесла приятелей к отшельнику, Маркиз и Бушлат не признавались. Но охотно рассказывали о своем житье-бытье за хребтом Пай-Хой.

Показывал им отшельник дивные рисунки, сделанные на стенах потайной пещеры. Изображались там люди, летящие на воздушных шарах. В какие времена и кто сделал рисунки, даже отшельник не знал, но поделился с Маркизом и Бушлатом древним секретом построения воздушного шара. Непонятно, чем приглянулись ему бродяги и почему он им открыл тайну. Однако после встречи с ним задумали приятели построить аэростат и лететь на Северный полюс.

Конечно, для строительства нужны были немалые средства. Вот и уговаривали Маркиз и Бушлат своих слушателей сброситься на экспедицию. А чтобы вкладчики не сомневались в выгоде подобного мероприятия, приятели рассказывали о столбе из чистого серебра, который находится неглубоко под водой на Северном полюсе.

— Добыть его — плевое дело, — уверяли Маркиз и Бушлат. — И тогда в руках окажется несметное богатство...

Трактирные завсегдатаи с удовольствием выслушивали приятелей и даже угощали, но финансировать экспедицию не торопились. Кто же доверит деньги каким-то бродягам?..

Наконец, надоело Маркизу и Бушлату уговаривать осторожных слушателей и собутыльников. Поняли они, что поддержки тут не добьются, и перестали появляться в трактире.

Вскоре прошел слух, что приятели отправились гоп-стопничать на ночные дороги. Правда это или нет — не доказано. Однако спустя какое-то время в лесу неподалеку от Архангельска Маркиз и Бушлат все же начали строительство аэростата.

— Ну и хваткие, босяки!.. И откуда столько сшибли деньжищ? — и удивлялись, и восторгались, и завидовали завсегдатаи трактира. — А вдруг и впрямь доберутся до Северного полюса и добудут серебряный столб?! Говорили, спорили на эту тему, а Маркиз и Бушлат знай себе работали!

Наконец, донеслась весть: «Взлетели!..»

Нашлись свидетели, которые сами видели, как аэростат уносил бродяг на Север.

Целый день обсуждали завсегдатаи трактира эту новость, а ближе к ночи вдруг появился Маркиз. Синяк под глазом, рожа и руки в ссадинах и материт всех подряд.

— Откуда взялся? — вопрошал народ.

— С неба свалился! — зло отвечал бродяга.

— А дружок твой где?

— В небе остался!..

Как выяснилось, аэростат действительно взлетел, и Маркиз по неосторожности вывалился из его корзины. Бушлат ничем не мог помочь другу, поскольку сильный ветер быстро погнал аэростат.

Когда Маркиз очухался от удара о землю, приятеля уже не было видно.

— А может, ты дружка своего ножичком по горлу?.. Может, не поделили чего и вовсе не собирались лететь на Север? — высказал кто-то предположение.

Тут уж Маркиз совсем рассвирепел, схватил со стола бутылку, принялся ею размахивать да еще орал что есть мочи.

— Да мне Север — закодычник, а Бушлат — братан родимый!.. Да за такие слова я любой падле враз натяну тумбочку на уши и вверх ногами пушу по морю Ледовитому!

Побушевал, погорланил Маркиз и вдруг сник. Приуныл, съежился и даже слезу пустил:

— Эх-эх... Как же там Бушлат между небом и землей один-одинешенек носится?

Тут уж народ Маркизу посочувствовал. Накормили, напоили его и успокоили как могли.

Прошел день, прошел месяц, а никаких вестей о Бушлате не было. Правда, заявляли вернувшиеся с промысла рыбаки и охотники, будто видели, как что-то носится по небу. А что именно — так и не разглядели.

От тоски и безделья Маркиз спился. Шатался целыми днями по улицам и клянчил у встречающих деньги. По вечерам приходил он в трактир и тоскливо горланил одну и ту же песню:

Сударыня, голубушка,
Шальная авантюрушка,
Хмельнее водки рыковой,
Судьбинушка моя...

У посетителей он тоже просил денег на выпивку и на свечи. А когда трактир закрывался и посетителей выпроваживали, Маркиз, если еще держался на ногах, зажигал свечку и подавал знаки своему другу в ночное небо. При этом уверял всех:

— Бушлат полетает-полетает, да и вернется на мой огонек...

С приходом в Архангельск осенних холодов сгинул навсегда из города Маркиз. Предполагали, что отправился он бродяжничать в теплые края или махнул за Пай-Хой к

отшельнику. Но кое-кто утверждал, будто прилетел за Маркизом Бушлат, и оба отправились в путешествие к Северному полюсу.

Забыли негра снять со льдины

Главное наслаждение — одолевать препятствия, будь то препятствия материальные, как при физическом труде и житейских делах, или духовные, как в науке и исследованиях, все равно: борьба с ними и победа дают счастье. Если нет повода к борьбе, человек как-нибудь сам создает его...

Артур Шопенгауэр

Искра в горючую смесь

Может, это была моя вина, может — тещи вертолетчика полярной авиации. Ведь именно во время проведения эксперимента она вздумала праздновать свои именины. И нет чтобы скромно отметить день ангела, так созвала уйму народа, в том числе и экипаж вертолета своего зятя.

Моя же вина состояла в том, что я много и красочно рассказывал Ваське о своей программе «Тайны Земли», о том, как приходилось в одиночку выживать в пустынных, Богом забытых уголках планеты, о приключениях поджидавших участников подобных экспериментов.

В общем, бросил искру в горючую смесь Васькиного африканского темперамента и романтизма. И начал он меня донимать.

Речи его были убедительны. Вопросы чередовались с жесткими ультимативными заявлениями.

— А не расист ли ты, — вопрошал Васька, — если не брал в экспедиции чернокожих товарищей? А не ошибка ли то, что жителей Африки ты не отправлял в Арктику, а жителей тундры — в пустыню Сахара — выживать в экстремальных условиях?

Железная логика странных Васькиных вопросов сразила меня. Особенно его последний довод:

— А представляешь, как я буду выглядеть в снегах Арктики? Черное в белом... А?..

— Эстет! Звезда экрана!..

Вот так и оказался Васька на льдине Северного Ледовитого океана. Ну, если точнее, это была не дрейфующая льдина, а припай. Да и Васька — вовсе не Васька, а не то Вассоу, не то Вэссау, не то еще как-то.

Но поскольку его имя с трудом поддавалось языку русского человека, во время учебы в Москве этот Вассоу-Вэссау и перекрестил себя в Василия. В общем, черный друг из Африки...

На третий день Васькиной одиночной борьбы за выживание я отмечал победу человеческой воли и разума над суровой природой Севера. Отмечал в обществе трех капитанов.

Митя, Саня и Даня не были ни моряками, ни летчиками. Саня — пограничник, Митя — милиционер, а Даня — капитан соседствующей организации. Готовились мы к встрече полярника-экспериментатора Васьки в холостяцкой избушке Сани. Она стала чем-то вроде штаба экспедиции.

И вот наконец дверь избушки распахнулась, и вместе с морозным воздухом ворвались шемные, веселые летчики-вертолетчики — те, что должны были по дороге прихватить Ваську.

Дыша стужей и перегаром, они как по команде выхватили из карманов курток пол-литровые бутылки со спиртом и с победным видом установили на столе перед нами.

Дожевывая кусок строганины, поднялся с табуретки Саня и заглянул за спины

вертолетчиков:

— О! А где же Васька?..

Авиация недоуменно переглянулась:

— Мать твою!.. — схватился за голову вертолетчик Валера, чья теща устроила именины. — Забыли негра снять со льдины!

Я отчаянно и яростно грохнул кулаком по столу:

— Е!.. Забыли снять негра со льдины?!

Капитан Митя в изумлении вытаращил глаза. И присвистнул растерянно капитан Даня:

— Забыли негра снять со льдины...

Матеря и проклиная все на свете, вертолетчики вывалились из дома с такой же стремительностью, с какой ввалились минуту назад.

В спешке даже дверь за собой не прикрыли.

Некоторое время три суровых капитана и я тупо вглядывались в лиловые морозные сумерки, не в силах пошевелиться.

И казалось нам, что уже летит по тундре вспугнутой полярной совой страшная весть, от которой попрятались в норы песцы, заревели где-то на льдинах белые медведи, по-волчьи завывали собаки, затрубили олени...

Забыли негра снять со льдины!..

Потомок арапа Петра Великого

Конечно, я верил, что закаленный невзгодами студенческого московского быта Васька не пропадет и что лопасти вертолета вскоре взметнут снежную пыль не над окоченевшим телом, а над осатаневшим от стужи, но по-прежнему бодрым и темпераментным африканским другом.

Васька умел быстро осваиваться в любой обстановке. Приехав учиться в Москву, он мог сказать по-русски только «здрас-с-сте» и еще почему-то пионерский призыв «Будь готов!». Но эти слова любил произносить чуть ли не каждому встречному. Незнакомые люди подозрительно смотрели на веселого негра и недоумевали: к чему же надо быть готовым?

Дитя жаркой Африки стремительно постигал русский язык не в библиотечной тиши и институтских аудиториях. Он рвался в народ, в гущу событий, в круговорот информации и страстей — короче, в пивные, рюмочные и прочие подобные заведения. В этих университетах он вскоре изучил язык так, что стал говорить почти без акцента. Словарный запас его был красочным и безграничным. Студенты-иностранцы завидовали Васькиным познаниям. Да и некоторые русские тоже.

Преподаватели изумлялись, слушая его речи, но поправлять не решались. И лишь украдкой со вздохом произносили: «О, великий и могучий русский язык!..»

Упорное обучение в пивных не мешало Ваське увлекаться и классикой. Он преклонялся перед Пушкиным и доказывал, что является прямым потомком арапа Петра Великого Абрама Ганнибала. А раз так — значит, дальним родственником Александра Сергеевича.

Многие москвичи верили в это, потому что хотели верить. И на великосветских презентациях, и в захудалых пивнушках очень эффектно воздействовала на всех фраза: «А вон тот кучерявый парень — родственник самого Пушкина и потомок арапа Петра Великого...»

Но однажды двое хмурых «пушкиноведов» в штатском вызвали знатного потомка в кабинет проректора по хозяйственной работе и сурово предупредили: «Ты, Василек, можешь, конечно, называть себя родственником арапа Петра Великого. Не возражаем. Дело царское, дело давнее. А вот Александра Сергеевича не трожь...»

После того Васька откорректировал свою родословную и о Пушкине стал помалкивать. Уж очень он полюбил Москву и не спешил возвращаться в Африку. Васька прекрасно знал, что эти «пушкиноведы» в штатском могут ускорить его встречу с жаркой родиной.

Телефон в избе капитана Сани, видно, решил показать все, на что он способен. Отработать сполна после многочасового молчания.

От каждого нового звонка мы настораживались, ожидая недоброй вести. Саня чертыхался, подходил к тумбочке, где стоял телефон, и начинал разговор с короткого: «Ну?!»

Казалось, все побережье Северного Ледовитого океана заволновалось. Чем темнее становилось за окнами, тем грознее звучали голоса в трубке: «Обеспечить!..», «Принять меры!..», «Найти!..», «Посылаю к чертовой матери погону и отправлю в туркменские пески!..».

— Пронюхали... — тоскливо констатировал капитан

Даня и поднял вверх указательный палец. Потом его палец опустил и вытянулся в мою сторону. — А все ты!.. «Друг из Самарканда»!.. Твой Васька так же похож на узбека, как я на папуаса.

— У тебя больше сходства, — польстил капитан Митя.

— Да если б узнали, что он иностранец, кто бы его пустил сюда, в режимные районы? — перешел я в атаку. — Ты бы первый и настучал на меня.

— Нет, не он, а я бы первый стукнул, — признался честный Митя.

— Кончай хреновиной заниматься, — пробурчал Саня. — Даже если с Васькой все в порядке, надо думать, как выпутываться.

— Дальше этих мест не сошлют, — мудро молвил Митя.

— И то верно, — согласился Даня и кивнул мне. — А вот тебе огни Москвы теперь не светят. Будешь до пенсии сидеть с нами и рассказывать свои «Московские тайны».

Митя многозначительно кивнул:

— А что, у нас тут хорошо, даже из теплых стран гость нагрнулся. Если мы все погорим, негра нашего оленеводом пристроим.

Снова телефонный звонок. На этот раз властный голос призвал Даню.

Какого он племени?

Капитан мычал что-то невразумительное, морщился, переступал с ноги на ногу. Потом вдруг брови его в изумлении поползли вверх, и он печально уставился на меня. Когда разговор закончился, Даня, задумчивый и неприступный, уселся рядом со мной и почесал затылок:

— Слушай, а ты Ваську давно знаешь? Из какого хоть он племени?

— А что случилось? — почти одновременно спросили Митя, Саня и я.

— Дело в том, — медленно и зловеще ответил Даня, — что пропали уважаемые люди — два знатных оленевода. Ушли они из поселка в сторону льдины, где засел негр...

— Ну и?.. — нетерпеливо перебил Саня.

— Вот тебе и ну! — раздраженно ответил Даня. — Одни варежки остались от знатных оленеводов!..

— Ты на что намекаешь? — возмутился я.

— Да так, — уклончиво ответил Даня. — Голодный человек, один на льдине... Всякий может озвереть...

— Наш негр оленеводов не ест! — убежденно заявил Саня.

— Да что он тебе — крокодил, чтобы за один день двух мужиков сожрать? — снова возмутился я.

— А почему остались только варежки и куда он, интересно, подевал их одежду и кости? — профессионально заинтересовался Митя.

— Куда-куда! — выкрикнул Даня. — В море Лаптевых выбросил!

Может, станем майорами?

Телефонный звонок снова прервал наш содержательный разговор.

— Все ясно! — это было единственное, что ответил в трубку Саня. И, обернувшись к нам, так же коротко сообщил:

— Несут!..

— Кого? — не понял Митя.

— Ясно кого... Негра...

Даня, Митя и я поднялись в скорбном молчании, и наши руки невольно потянулись к стаканам.

— А я мечтал майором уйти на пенсию, — тоскливо произнес Митя.

— Никогда, мужики, мы не станем майорами, — вынес суровый приговор Даня.

— Да вы не поняли, — Саня повесил телефонную трубку. — Живой Васька!.. Только задубел совсем: руки-ноги не сгибаются...

— М-да, море Лаптевых — это тебе не Баб-эль-Мандебский пролив, — глубокомысленно произнес Митя.

— Причем тут Баб-эль-Мандебский пролив? Это же Восточная Африка, а Васька откуда-то из Центральной, — поправил я.

— А-а, один хрен! — махнул рукой Митя. — Африка, она и есть Африка, со всех сторон света.

— Ну, а когда, сказали, негра принесут? — спросил Даня.

— Возле печки его положим, — заявил Саня. — Будет проходить, так сказать, процедуру ускоренного оттаивания.

— Это как? — не понял я.

— Внешняя и внутренняя атака на холод. Один стакан спирта на растирку, другой — вовнутрь...

— Мужики! — В глазах Мити загорелись радостные огоньки. — Так, может, станем майорами?!

Накой негру на льдине бананы?

За окнами послышались веселые крики. В ту же секунду распахнулась дверь, и на пороге возникли радостные вертолетчики. Они сбросили на пол огромный бесформенный тюк, состоящий из шуб, курток и каких-то тряпок. Этот ворох зашевелился, и перед нашими очами предстал Васька.

Радостный и ошалелый, он уселся на пол, вытянул негнувшиеся ноги и прохрипел:

— Здорово! Будьте готовы!..

— Ну что, замерз, маугли? — посочувствовал Саня и, обернувшись ко мне, осуждающе буркнул: — Ты б его еще в холодильнике запер, душегуб-экспериментатор.

— Кончай базар! Хочу спирт! — снова прохрипел Васька.

— Толковое заявление, — одобрительно кивнул Валера.

Все разом засуетились. Ваську усадили на лавку спиной к печке. Зазвенели стаканы, вилки, ножи.

Один Митя не двигался и с каким-то подозрением разглядывал Ваську.

— А вы, часом, стрекозы полярные, не подменили негра? — вдруг заявил он вертолетчикам. — Наш был черный, как антрацит, а этот какой-то белый...

Все изумленно уставились на Ваську.

— Да вы что, совсем офонарели?! — завопил он. — Я это!.. Я!..

— А ты сам погляди! — рассудительно ответил Саня и протянул Ваське зеркальце.

Тот повертел его в руках, зачем-то показал язык и сокрушенно покачал головой.

— М-да-а, действительно, какой-то белый. Лишился, понимаешь, индивидуальности и шарма.

— Не тоскуй, Васек, все будет нормально, — заверил Даня. — Ты просто заиндевел. А как оттаешь, снова почернеешь, засверкаешь черным жемчугом.

— Или куском антрацита, — поддержал кто-то из вертолетчиков.

— Так не бывает, — упрямо заметил Митя.

Васька отложил зеркальце.

— Я понял, отчего это..! Хреново у нас на Северах с экологией, мужики! Загадили, понимаешь, Арктику!.. Подумать только: льдина черная, а негр белый!.. Вот до чего довели родное Заполярье! Вы когда-нибудь видели белого негра на черной льдине?..

— Ладно тебе, эколог выискался! Оберегай лучше свою Африку! — обиделся Даня. — Давай выкладывай, не встречал ли на льдине двух оленеводов, челюскинец?

— Встречал! — радостно выпалил Васька. — Вот номер был! Доконал меня холод. Стал я плясать на льдине.

Даже вприсядку пустился и при этом что есть мочи горланю: «Живет моя отрада в высоком терему...» И тут, откуда ни возьмись, эти самые оленеводы. Ох, и видели бы вы их рожи! Рты разинули, глаза еще больше сощурили. Стали они пятиться и за винтовки схватились. А я им как заору: «Вы что... моржовые, не видели, как негр гопака пляшет? Опустите стволы, заразы!» — «Нет, — отвечают, — никогда не видели. А может, ты — гуманитарная помощь из Америки?..» Тут я совсем озверел: «Вы что, с пальмы только соскочили?! Какая помощь? Куда ж, блин, я ее спрятал? Моржам на... что ли, привязал и пустил по Севморпути? Я свой, не американский!..» Недоверчивые какие-то аборигены попались. Трясут головами, цокают и бубнят: «Как белый медведь плачет — видели, как олень скачет по льдине — видели, а чтоб негр... Никогда...»

— Вот за это мы с ними и решили выпить, — неожиданно завершил свой рассказ Васька.

— А как же чистота научного эксперимента? — с ехидцей поинтересовался я. — Ведь уговор был: трое суток — ни есть, ни пить.

Васька беспечно махнул рукой:

— В другой раз продолжим испытания — когда приедете ко мне в Африку. Я вас в пустыне Сахара оставлю без воды и еды...

— А куда же оленеводы подевались? — прервал Даня.

— Черт их знает, — пожал плечами Васька. — Помню, как они две фляги спирта выставили, да еще бананы и сало. Помню, как пили за дружбу, прозрачность границ и интернационализм. Даже лозунг новый провозгласили: «Даешь льды Арктики знойной Африке!» А дальше — темнота. Провал. Утром очухался — нет друзей-оленеводов. Один я — чисто как негр на льдине в Заполярье. Рядом — только два банана валяются и женские пляжные тапочки. Розовые. Размера эдак сорок пятого. На память, что ли, мне оставили? Ну, скажите, на кой негру на льдине бананы, а чукчам — пляжные тапочки?

Все за столом переглянулись.

— И в самом деле, на кой?..

«Грудь его в медалях...»

Вскоре нам сообщили: оленеводы нашлись. Просто мужики забрели в другой поселок. Пришли они в магазин и потребовали бесплатно спирту. Свое требование аргументировали тем, что закопали в снегу негра и скоро его надо опохмелять. Тут этих находчивых оленеводов и заграбастали: подумали, белая горячка началась. Потом разобрались и отпустили.

Васька от радости, что нашлись его друзья, обнял Митю за плечи и попросил:

— Кэп, тащи баян! Спою я вам свою любимую, африканскую!..

И тут же затянул простуженной глоткой:

Отчего у нас в поселке
У девчат переполох?
Кто их поднял спозаранок,

Кто их так встревожить мог?..

Очарованные вокальным мастерством Васьки, мы не смогли сдержаться и дружно подхватили:

На побывку едет молодой моряк,
Грудь его в медалях, ленты в якорях...
Ходит, шутит он со всеми,
Откровенно говорит:
— Как проснись, тотчас же море
У меня в ушах шумит!
Где под солнцем юга
Ширь безбрежная,
Ждет меня подруга
Нежная...

История о негре, нелегально завезенном в Заполярье, для всех завершилась благополучно. «Дело» рассыпали. Информацию пустили в никуда... В полярную ночь... Меня даже не журили в «домиках» на двух центральных площадях Москвы.

Капитаны Саня, Даня и Митя все-таки стали майорами. А может, дослужились и до полковников.

Спустя несколько лет я встретил неугомонного потомка арапа Петра Великого в Берлине. Васька, вернее, теперь уже Вильгельм, занимался коммерцией — торговал газовым оружием. А может, не только газовым...

— Понимаешь, блин, эти гребаные расисты из Книги рекордов Гиннесса отказали мне, — сразу пожаловался Васька-Вильгельм.

— В чем отказали? — не понял я.

— Ты что, забыл?! Я же первый негр, едва не замерзший в Северном Ледовитом океане! А эти сволочи отвечают: мы слово «едва» не признаем. Выходит, если бы я дуба дал на льдине, тогда другое дело? В общем, будем продолжать начатое — спасать человечество, проводить исследования. Следующую экспедицию в экстремальных условиях проведем в пустыне Сахара или Калахари. Я тебя приглашу. Жди!.. Жду...

Редкие, загадочные, неизвестные

Пока изучена лишь незначительная часть морских животных. Самые крупные и подвижные обитатели глубин вообще не могут быть пойманы обычными орудиями рыболовных и экспедиционных судов. Тралы, сети, неводы для этого просто не годятся. Вот почему некоторые исследователи говорят: «В океанах все возможно!..»

Игорь Акимушкин

«Око зряще из бездны»

На юге Гыданского полуострова есть несколько небольших озер, которые местные жители стараются обходить стороной. Хоть и богаты их воды рыбой и множество перелетных птиц селятся по берегам, а ни один рыбак или охотник не осмелится там попытать удачи.

Да о какой удаче может идти речь, когда неизвестно: вернешься ли невредимым от тех проклятых озер?..

Существуют предания и рассказы очевидцев, что в их глубоких и холодных водах обитают огромные чудовища, прозванные в народе кырба. Не похожи эти твари ни на какого

известного зверя или рыбу. «Туловище кырбы — размером со взрослую белуху. А шея бывает длиной до четырех аршин и хвост такой же... Шкура — как у моржей, только темно-зеленого или серого цвета. А вот пасть клыкаста — гуся или собаку целиком проглотить может...»

Свидетели, побывавшие на проклятых озерах, видели в воде «желто или красно око зряще из бездны». При этом предостерегали слушателей: «А как узрело оно тебя — беги прочь без промедления, иначе завлечет и поглотит».

Дорогу к проклятым озерам приезжим не показывают. Из-за этого даже возникли слухи, будто никаких чудовищ в таинственных водоемах нет, их придумали, чтобы отпугивать конкурентов. Кому охота делить с пришлыми богатые рыбой и птицей места?

Соболья шапка

И все же народ, промышлявший на реках Мессояха и Таз, однажды взял на себя грех: указал дорогу на поганные озера пришлому купчине. Правда, потом те указчики горевали о содеянном, каялись и уверяли, что тот сам напросился на гибель. Появился он откуда-то с Енисея, закупать пушнину. Охотники сразу смекнули: прижимистый гость и глаза лукавые да еще в разные стороны косят. Добра от такого не жди: обдурит, обведет вокруг пальца.

Верно было подмечено. Енисейский купец и впрямь оказался сквалыгой. За добытую пушнину норовил медяками отделаться.

Заворчали недовольные охотники. Могли бы, конечно, попридержать свой товар. Но пошла по тундре и лесам молва, будто на следующий год цена упадет на «мягкую рухлядь» ниже некуда. Так что хочешь не хочешь, а продавай все добытое енисейскому гостю.

Кто знает: может, он сам этот слух умело запустил. Меха за медь отдавать — позор для промысловиков. И задумались они, как наказать скупердяя. Долго ломать голову не пришлось. Случай сам подвернулся.

Услышал купец о проклятых озерах, да не поверил в чудищ. Втемяшилось ему, что именно на тех озерах самые богатые охотничьи угодья и где-то там промысловики добывают и хранят лучшую пушнину.

Потряс купец медяками — народ молчит. Потряс серебром — стали охотники переглядываться да затылки чесать: может, и впрямь указать дорогу?

Понял залетный гость их колебания, сбросил с себя шапку и заявил:

— Подарю тому, кто выведет к озерам!..

А шапка у купца знатная была — из собольков-двухлеток. Тряхнешь ее на свету — и будто искорки побежали по меху. А рукой проведешь — словно шелк погладил.

Но в тундре и в тайге такая шапка ни к чему. Лишь для городских богатеев годится. А все же наостригли глаза охотники на это добро. За нее не то что серебро, но и золото запросить можно.

Вызвался один в проводники к енисейскому гостю. Ему купец и пообещал: как вернется от поганных озер, так и осчастливит своей шапкой.

Проводник свое дело исполнил. До места довел, но к воде близко отказался подходить.

Оглядел купец окрестность и приуныл. И впрямь зловеще вокруг. И рыбы, и птицы, и зверя вдоволь, а вот людей нет. И, судя по всему, давно здесь никто не промышлял.

Прошло какое-то время. Купец от озер не вернулся. Забеспокоился проводник, стал окликать. В ответ — лишь тревожный птичий гомон.

Рискнул проводник и направился к озеру. Хоть и прижимист и лукав енисейский гость, а все же человек — грех оставить одного в проклятом месте.

Следы купца на берегу озера проводник отыскал сразу. У кромки воды валялась соболья шапка — вот и все, что осталось от человека.

Ясное дело: кырба уволок гостя, смекнул проводник. Подхватил он соболью шапку и бегом от проклятых озер.

Но дорогая шапка никого не согрела и никому счастья не принесла. Продавали ее не

раз, и с каждым новым хозяином беда какая-то приключалась. Потом кто-то додумался утопить проклятую шапку. А старики еще много лет рассказывали приезжим, как чудовище уволокло в озеро купца и своим «оком зрящим из бездны» испоганило шапку.

Какие бы страшные слухи не витали, всегда найдется лихой удалец, желающий их опровергнуть. Вот и с чудовищами проклятых озер подобное произошло. Втемяшилось в башку одному рыбаку, что на тех озерах побогаче будет улов, чем в Обской губе. Мало того, стал он еще похваться: «Ждите, добуду я скоро чудище. На цепь возле своей избы посажу. Потешу честной народ невидалью...»

Товарищи его отговаривали-отговаривали, да и махнули рукой. Поняли: блажь из этого балды не вышибить.

Прихватил рыбак ружье, рогатину, веревки, цепь и отправился к поганым озерам.

Месяц пролетел, а удалец не вернулся. Товарищи его уже собрались было на поиски, но вдруг он сам объявился: грязный, оборванный, без ружья и, конечно же, без чудища на цепи. Мало того, еще и взгляд у него стал какой-то не от мира сего.

Сокрушался рыбак о загубленном ружье и снаряжении и все бормотал про огромную зубастую пасть и лютые глаза чудовища.

Не проверяли слова горе-охотника. И так ясно: едва не погубила его таинственная озерная тварь. Остался жив — и на том судьбе спасибо.

Чудовище из Лабынкыра

Много сотен километров отделяют Гыданский полуостров и Оймяконский район Якутии. Но описания загадочных существ, что встречаются в тамошних озерах, весьма схожи. В 1958 году газета «Молодежь Якутии», а в 1961 году журнал «Вокруг света» сообщали о неизвестных чудовищах, которых видели в Лабынкыре и других водоемах восточной Якутии. Позднее об этом писал известный ученый и литератор Игорь Иванович Акимушкин.

«В Оймяконском районе есть большое озеро Лабынкыр. Длина его 14 километров, а глубина 60 метров.

Ближним населенным пунктом является поселок Томпор, расположенный в 120 километрах. Жители его с давних пор рассказывают о чудовищном крупном животном, обитающем в этом горном озере.

Его называют чертом. Однажды этот «черт» погнался за рыбаком якутом. Животное имело темно-серый цвет, огромную пасть... Был случай, когда он проглотил собаку, плывущую за утятами. Колхозник Петр Винокуров рассказывает, что на северном берегу он нашел челюсть животного с зубами. Она имела такие размеры, что если ее поставить вертикально, то под этим своеобразным сводом мог бы проехать всадник.

Стала загадкой и другая, не менее интересная деталь. Зимой на льду этого озера образуются лунки с гладкими краями. Их называют здесь «чертовыми окнами».

Существование чудовища-животного подтверждает и начальник геологической партии Восточно-Сибирского филиала Академии наук СССР Виктор Александрович Твердохлебов.

«Встреча с этим чудовищем состоялась не на Лабынкыре, а на соседнем озере Ворота, имеющем четырехкилометровую длину и шестидесятиметровую глубину», — сообщал он в своем письме в адрес Якутского филиала Академии наук СССР.

«Это было 30 июля 1953 года. В.А. Твердохлебов и техник Б.А. Башкатов шли по западному берегу озера. Геологи спускались к кромке воды, когда увидели плывущее по середине озера большое животное. Оно медленно погружалось в воду, затем появлялось вновь. Под водой угадывалось большое тело. Выступающая над водой часть тела животного имела овальную форму, отдаленно напоминающую верхнюю часть глубоко погруженного в воду бочонка. Белесая кожа зверя поблескивала в солнечных лучах.

Потом животное приблизилось к берегу. Теперь стало возможным лучше рассмотреть

некоторые детали. На фоне воды был отчетливо виден узкий, торчащий, несколько отогнутый назад по ходу движения гребень. Окраска тела стала темно-серой. На голове выделялись два симметричных пятна овальной формы. Очевидно, это были глаза. Расстояние между ними не менее двух метров.

Примерно в 150 метрах от геологов животное остановилось, неожиданно резко забилось на воде, поднимая огромные волны. Больше оно не появлялось...»

«Животное, не похожее на известных мне морских и озерных обитателей», — пишет В.А. Твердохлебов.

«Якутское чудовище может быть отнесено к семейству дельфиновых и внешне напоминает касатку, — разъясняет заместитель председателя президиума Якутского филиала Академии наук СССР Н.В. Черский. — Поскольку оно питается рыбой и не боится сурового климата, то условия существования в полосе глубоких озер для него можно считать возможными, хотя очень трудно объяснить, как этот обитатель моря попал в озеро, удаленное от океана. Вместе с тем не исключена возможность, что таинственный якутский зверь является потомком древних чудовищ, населявших землю 60–70 миллионов лет назад...»

О неизвестных животных сообщается не только в устных и записанных историях. В северных регионах планеты сохранилось немало наскальных изображений существ, похожих на динозавров. Древний человек, как правило, рисовал и высекал то, что видел сам.

Журналист Леонид Шинкарев, много лет проработавший в Сибири, объездил вдоль и поперек наши северные просторы. В книге он подробно описал увиденные на ленских берегах наскальные работы древних мастеров. Среди обычных животных там были изображены и неизвестные: «Рисунки обнаруживали скрытую веками культуру самых древних сибирских племен...

Повернув голову, издали вижу страшное мифическое чудовище с длинной мордой — ни дать ни взять морда крокодила. Над пастью висит круг, разделенный вертикальной линией. Ученые встречали похожие изображения на бронзовых бляхах и на других предметах, найденных в разное время на территории Сибири».

О неизвестных чудовищах, похожих на динозавров, сообщают не только жители севера России, но и США, Канады, Гренландии. Так, Алексей Пахневич и Александр Чегодаев в своей книге «Удивительная жизнь динозавров» пишут: «...индейцы Великих озер убеждены в существовании... Огопого. Кто это такой, местные жители не могут толком объяснить, но ни за что не поплывут по озеру в лодке, дно которой выкрашено в красный цвет: красное может разозлить Огопого и спровоцировать его на нападение...»

Об озерном чудовище «поунике», живущем в Канаде, сообщает писатель и биолог Фарли Моуэт. Его друг-эскимос, знающий природу северного края, описал его так: «Он длиной как 20 каяков, шириной был все пять... Голова была погружена в воду, и мы его не видели, но на спине был огромный плавник размером с целую палатку».

До сих пор ученые и исследователи не могут выяснить: на самом ли деле в озерах Восточной Якутии Гы-дынского полуострова и в других местах Севера обитают неизвестные существа? Не выдумки ли, не ошибка ли это местных жителей?

Но если чудовища обитают в озерах на самом деле, то кто они? Спасшиеся каким-то образом динозавры или неизвестные науке животные?

И в том, и в другом случае возникает вопрос: могут ли столь крупные существа обеспечить себя питанием на замкнутых и относительно небольших для них водоемах? Кроме того, чтобы выжить, этим чудовищам необходима определенная численность. По приблизительным подсчетам, их должно быть в озере несколько сот экземпляров, иначе неминуемо вымирание...

Что ж, возможно, на все эти вопросы сумеют ответить новые исследовательские экспедиции.

На севере и нашей страны, и Канады, и Скандинавии существуют легенды об удивительной и редчайшей птице, которая спасала попавших в беду мореходов. Называют ее розовой чайкой. В одном предании говорится: «Когда корабль сжимают льды, и кажется, что студёные штормы вот-вот погубят его, когда морская пучина распахивает смертоносные объятия, чтобы уничтожить судно вместе с людьми, а губы и глотка уже не в состоянии прохрипеть ни молитву, ни проклятие, — взгляни в небо: на помощь летит маленькое чудо Севера.

Из штормовой непроглядной тьмы появится розовая чайка, похожая на частицу луча восходящего солнца.

Птица будет кружить над кораблем с тревожным, но все же обнадеживающим криком до тех пор, пока ее не увидит самый отчаявшийся моряк.

Надежду, прилив новых сил приносит розовая чайка на своих крыльях.

Потом она снова исчезнет в штормовом мраке. Улетит на помощь другим мореходам. Но уже не так яростно будут биться льды о борт корабля. Стихнет вскоре шторм, и каждый отчаявшийся почувствует в себе неукротимую силу, которую не одолеть ни северной стуже, ни буре, ни морской пучине».

Еще в одной северной легенде розовую чайку называют Дочерью солнца и снега. Чтобы путник увидел ее ночью, полярный день подарил чайке оперение из розовых лучей восхода. А чтобы ее видели днем, полярная ночь надела на шею птице черное ожерелье.

С тех пор летает розовая чайка днем и ночью над льдами, спасает путешественников и моряков.

Долгое время считалось, что эта птица существует лишь в легендах.

Осенью 1818 года английский полярный исследователь Джон Росс попытался на своем корабле обогнуть с севера Американский материк и выйти к Берингову проливу. Как отмечено в документах, он, очевидно, первым из европейцев увидел и описал розовую чайку.

Через несколько лет после открытия Джона Росса участники британской полярной экспедиции добыли этих двух птиц. Но в те времена в научном мире еще никто не знал, где их родина.

Лишь в начале XX века русский орнитолог Сергей Александрович Бутурлин обнаружил гнездо розовых чаек в заболоченной тундре в устье Колымы. Там же собирались их небольшие колонии.

Примерно в конце июля и взрослые, и только вставшие на крыло птицы начинали перелет от низовья Колымы к Северному Ледовитому океану.

О жизни розовых чаек до сих пор известно очень мало. Уж очень редко попадают они людям на глаза.

Мне лишь однажды удалось увидеть розовую чайку. Произошло это недалеко от бухты Буян на острове Беринга.

Птица неслась вдоль побережья и, казалось, настолько была увлечена полетом, что не замечала берега, где могла бы отдохнуть, не обращала внимания на шумную стаю своих серых сородичей, на штормовой ветер.

Я рассмотрел розовую чайку в бинокль. Спинка ее была жемчужно-серого цвета, голова, грудь, хвост — нежно-розовые, а вокруг шеи — черная отметина. И впрямь — будто ночь накинула на нее свое ожерелье.

Не больше минуты видел я легендарную птицу. Но это была та минута, что остается в памяти на всю жизнь.

Любимая тема

Каких только истории не наслушаешься в северных землях на привале у костра! И наверное, стоит странствовать по «северам» хотя бы для того, чтобы послушать у ночного огня рассказы бывалых людей.

Одна из самых любимых тем костровых рассказов на севере — медведь. Конечно же, в тундре и на побережье Северного Ледовитого океана больше говорят о белом, а в тайге — о буром медведе.

Сколько сказок, легенд и песен сложено, сколько написано книг о могучих хозяевах тайги и арктических просторов — не перечесть. А небылиц и охотничьих баек о них рассказано и того больше.

Казалось бы, что нового можно услышать о медведях? Но каждая встреча с ними в тайге, в тундре, во льдах Арктики навсегда остается в памяти даже у бывалых охотников и жителей Севера.

Однажды отправились втроем на охоту старый охотник Андреич, я и Митька по прозвищу Хочешь Верь, Хочешь — Нет.

Митька получил такое странное деревенское прозвище за то, что любил сочинять лесные небылицы и каждый свой новый рассказ начинал словами: хочешь верь, хочешь — нет.

В один из вечеров мы выбрали для стоянки место на берегу безымянной речки. Как водится, развели костер.

Тишь лесную нарушали только наши голоса и дятел, что усердно долбил сушину.

— Без ружья не вздумай здесь шастать и даже от костра не отходи, — предупредил меня Андреич.

— Почему?

— На зверя можешь нарваться. Вон-ка следы его на берегу. Видать, приходил сюда на водопой и поплескаться...

Мы с Митькой подошли к речке и увидели на влажной земле медвежьи следы. Они отпечатались так ясно, что были видны глубокие вмятины от каждого его когтя.

— Ну и громадина! Черта с два такого топором свалишь или рогатиной остановишь, — покачал головой Митька.

— Да, этот шутить не будет, — поддержал Андреич. — А что зверь поблизости — головой ручаюсь.

Летом он далеко от реки не ходит — жарко ему в своей шубе, и комарье допекает. От всяких кровососов в воде спасается...

Потрескивал костер. Голубой дым поднимался к верхушкам деревьев. Только мы расположились пить чай, как за рекой вдруг послышался голосок рябчика. И тут же раздался выстрел. Мы вздрогнули от неожиданности.

— Небось, кто-то из наших охотников, — пояснил Андреич.

— А это мы сейчас поглядим, — проворчал Митька и потянулся за ружьем. — Всяких приходилось в тайге встречать.

— Эго-гей!.. — Раскатисто закричал Андреич в сторону реки.

И словно ему в ответ, снова раздался выстрел.

— Сейчас придет... Надо воды в котелок подлить, — сообщил Андреич.

Дедушка Тит

А через некоторое время вышел из лесу высокий старик. На нем было странное одеяние из волчьей шкуры, похожее на тулуп, только без рукавов. На голове — рваная беличья шапка. А у пояса болтались рябчики и один глухарь. За плечом виднелась берданка с грубым, самодельным, почерневшим от времени прикладом.

Увидев нас, охотник на мгновение замер.

— Здорово, дедушка Тит! — крикнул Андреич. — Иди к нам, не бойся... Аль не узнал меня?

— А че мне бояться? — буркнул старик.

— Это самый старый охотник в наших местах, — тихо пояснил мне Митька. — Поди, уже девяносто годков стукнуло...

Тем временем гость поприветствовал нас, уселся у огня и достал из холщового мешочка прокуренную трубочку. Молча, с наслаждением, он принялся попыхивать ею. Запахло крепкой махоркой. Лишь после этого старик снова заговорил.

— Уморился...

— Заманки осматривал? — деловито осведомился Митька.

— Осматривал... А ну-ка, возьми глухарчика на ужин... — Старик отвязал от ремня птицу.

— Дедушка Тит, не нарвался на медведя сегодня? — снова поинтересовался Митька.

— Как не нарваться, коли их в округе тьма-тьмушая! В других местах повыбивали, а у нас, слава Богу, еще сохранились косолапые. Вот только что видел развороченный муравейник. Видать, зверь почуял меня и убежал. Даже полакомиться муравьиными яйцами не успел.

Старик махнул рукой.

— Бедокурят иногда косолапые вовсю. Не только муравейники ломают, а валят столбы телеграфные и рвут линии.

— Зачем же медведям валить столбы? — удивился я.

— Телеграфные линии им вовсе не нужны, — ответил дедушка Тит. — Просто идет косолапый и вдруг слышит гудение, вроде бы как пчелиное. Глядь — столб с проводами стоит. И кажется зверю, что там пчелы прячутся. Вот зверь и начинает раскачивать столб, пока не свалит...

— Приходилось один на один выходить на медведя? — спросил я.

— А вот стяни с меня рубаху — и увидишь! — ответил старик, будто вспомнил что-то радостное. — Спина у меня хозяином драная да ребра его лапами переломаны.

— Как же ты ему разрешил? — с ехидцей проговорил Митька.

— Он разрешения не спрашивает, когда сзади наваливается да по шапке бьет, — все так же добродушно ответил гость. — Как от него оборонишься, коли ружье не успел сорвать с плеча и в руках только нож?.. А у него, лешего, и зубы, и когти. Да и сам он — эдакая глыба... Помню, повалил меня на спину и пасть разинул такую, что и шапкой не заткнуть...

— Ну и как из-под него живым выполз? — удивился Андреич.

— Не выполз бы, если бы кобель мой Баргай не подсобил. Пес всегда при мне, вот только теперь куда-то запропастился. Утром погнал оленя и до сих пор нет. И чего погнал? Я ведь на оленя теперь не ходок... — старик снова усмехнулся. — Да Бог с ним, найдется. Не раз уже такое вытворял.

«Угрюмый слепень»

Вот и ночь наступила. Хотя все мы устали от дневных переходов и забот, а спать никому не хотелось.

Дедушка Тит после чая разговорчивым оказался. Видно, медвежья тема ему по душе пришлась:

— И все ж не так страшен косолапый, что по земле да по льдам хаживает...

Старик не успел договорить. Митька прервал его на полуслове:

— А какие ж еще бывают? Летающие или подземные?..

Андреич укоризненно взглянул на него.

— Бурмоли да знай меру!..

Но дедушка Тит не обиделся, лишь снисходительно улыбнулся:

— Случилось однажды повстречать и подземельного зверя... Давно это было. Еще перед первой... германской... Занесла меня судьбинушка на Урал, на речку Сертынья...

Митька снова раскрыл рот, наверное, опять хотел брякнуть свое очередное ехидство, но сдержался. Однако шепнул мне украдкой:

— А вечный-то дедок наш кандальником был в молодости... Шавырил купцов по калганам на дорогах.

За то и в браслеты одели. Потом деру дал с кичей и стал таежным ветром...

Дедушка Тит скользнул взглядом по Митьке, будто чиркнул бритвой. Тот и замолк сразу. А старик все так же невозмутимо продолжал:

— Дознались господа начальники, где я обитаю, и нет, чтобы сразу мне волю сгасить, нашли иной подход. Нашептал им залетный иностранец — то ли большой ученый, то ли ярый прохвост, — что обитают в подземельях среднего и заполярного Урала допотопные звери. Называл он их «пещерны львы и медведи»...

Митька от этих слов аж глаза вытаращил и толкнул меня локтем:

— Ты видал?! Во как загибали в старину!.. А тут приврешь маленько, так тебя балаболом и брехуном на всю жизнь окрестят...

Не обращая внимания на недоверчивые взгляды слушателей, дедушка Тит спокойно продолжал:

— И сказали мне господа-начальнички: добудешь

кого-либо из этих пещерных зверюг — дадим уйти на все четыре стороны. Еще и паспорт новый получишь... Видно, хорошо иностранец заплатил господам начальникам, раз такое пообещали. Снарядили меня как положено, и одежонку новую справили, и харчами не обошли, и мосинскую винтовку и револьвер выдали. Два месяца блуждал я по уральским пещерам. И верил и не верил в эту затею. Косолапый в пещере — это еще куда ни шло. Но львов на Урале отродясь не было. Но вот повстречал я за горой Неройка двух старичков. До того оба махонькие, что в котомку уместить можно. Глянулся я им. Поделился махоркой да кисет новый подарил. Они мне за то монеткой серебряной наградили. Только монетка та была размером с чайное блюдце и чистой — без всяких знаков. Оказалось, старички добывали серебро. Отливали из него всякие всячины, а потом прятали. Зачем так делали — до сей поры не могу понять.

— А эти горные старички, случаем, не из племени чуди-белоглазой? — поинтересовался Андреич.

— Из них самых, — кивнул дедушка Тит. — Рассказал я своим новым приятелям, зачем наведася в их места. Они подтвердили, что имеются пещеры, где обитают «угрюмые слепни». Так старички называли подземных зверей. По описаниям одни «угрюмые слепни» походили на рысь — только раза в два покрупнее, другие — на матерых белых медведей. И те и другие не переносили солнечный свет и сразу лишались зрения, если выходили из пещер.

— А чем же они питались в подземелье? — поинтересовался Митька.

Дедушка Тит пожал плечами:

— Видать, в пещерах, кроме «угрюмых слепней», жили и другие твари. Но сказывали старички, а потом я и от других слышал, что «подземельны медведи и львы» из своего царства все же выбирались изредка. На охоту они выходили в темные ночи, когда луна и звезды

в тучах завязали...

— Ну так удалось добыть хоть одного пещерного зверя? — нетерпеливо заерзал Митька.

— Сам не подстрелил, а шкуру льва заполучил, — ответил дедушка Тит. — При мне схватились два зверя. Уж не знаю, чего они не поделили. Дрались и ревели «угрюмые слепни» так, что с верховья пещеры камни сыпались. Никогда не слышал страшнее рева, а потом один другому хребет переломил. Но жрать не стал.

Ушел победитель в темень, а я побыстрей веревку накинул на убитого льва и к выходу поволок. На свету снял шкуру. Огромная оказалась. Не меньше, чем у взрослого бурого медведя... Приволок я ту шкуру по назначению. А у господ начальников — перемены.

Упорхнул неизвестно куда иностранец, и интерес к пещерным зверям у всех пропал. Отдал я шкуру околоточному надзирателю, а тот обещание сдержал. Отпустил на все четыре стороны. Вот только паспорт не выдал. А куда потом шкура подевалась — не ведаю.

Может, околоточный в музей ее отправил, а может — себе на стенку повесил...

Хоть и не очень-то мы с Витькой поверили в существование пещерных львов и медведей на Урале, однако, дружно стали досаждать дедушке Титу вопросами. Но тот, видимо, устал и заявил нам, что ничего больше об «угрюмых слепнях» не слышал.

А вот Андреич подтвердил слова старика:

— Ходила в давние времена молва о пещерных львах и медведях, обитающих где-то на Урале.

На Митьку, видимо, эти слова подействовали. Он потянулся, зевнул, взглянул с опаской на черную стену и предложил:

— Ну что ж, пора и ко сну... Хоть до Урала далеко, а ружья кладите рядом. А то вдруг и у нас объявятся какие-нибудь «угрюмые слепни».

Все засмеялись над Митькиными опасениями и улеглись вокруг погасшего костра. Однако заряженные ружья положили возле себя — так, на всякий случай.

Спустя некоторое время после рассказа дедушки Тита о пещерных львах и медведях я случайно узнал, что в самом начале Первой мировой войны в Москву откуда-то из Сибири привезли шкуру зверя из крупных кошачьих. Тот зверь отличался от обычных львов и тигров, хотя в размерах, судя по шкуре, не уступал им.

Кто добыл неизвестного хищника и куда потом подевался охотничий трофей — выяснить не удалось.

Исследователь природных тайн, ученый и писатель Игорь Акимушкин упоминал в своих работах о пещерных львах и медведях, живших на территории нашей страны тысячи лет назад.

«Самые древние на земле живописцы — пещерные жители каменного века — оставили на стенах своих мрачных жилищ многочисленные рисунки милых сердцу животных, на которых они охотились, и злых недругов — хищных зверей, которые охотились за ними. Особенно часто среди картин в пещерных «галереях» Европы попадаются изображения так называемого пещерного льва.

В пещерах находят не только изображения этих хищников, но и их кости. Львиные скелеты изломаны и растерзаны так, словно побывали под танком! Искалечить могучих царей звериного царства могли только пещерные медведи.

...В СССР во многих местах также обнаружены следы бывшего обитания пещерных львов: под Одессой, Тирасполем, Киевом, Саратовом, Казанью и даже на Урале. Когда-то в наших лесах водились львы!

...Затем наступило похолодание, с севера подули морозные ветры, поползли ледники. Теплолюбивые животные покинули неприветливый край.

Но львы задержались. Они жили в Европе еще в ледниковую эпоху...»

Конечно, с той поры прошло несколько тысяч лет, и большинство ученых утверждает однозначно, что пещерные львы и медведи вымерли. Но, может, где-то им удалось выжить и приспособиться к новым условиям? Что ж, природа назло однозначности преподносит иногда и не такие сюрпризы.

Мишки научили

Произошло это во время моего первого путешествия по Сибири. Шалаш мы соорудили под скалистым уступом. Ни мой приятель, ни я не имели тогда опыта лесных странствий, потому и провозились больше двух часов, пока оборудовали себе ночлег.

Едва втащили в шалаш свое снаряжение, тут же рухнули от усталости на подстилку из сосновых веток.

Долго ли спали, коротко ли? Не знаю... Разбудил нас грохот камней и треск веток. Шалаш вздрагивал, казалось, он вот-вот рухнет.

— Бежим! — закричал приятель. — Это камнепад!

Мы выскочили наружу и отбежали под прикрытие старой сосны. Лишь тогда увидели

причину переполоха. У самого края скального уступа, над шалашом, возились два черных медвежонка. Они старательно сгребали камни и сталкивали их вниз. Булыжники величиной с хороший кулак безжалостно крушили наше пристанище.

— Надо поскорее напугать их, — предложил я. — А то наверняка скоро появится медведица, и нам несдобровать.

— Давай напугаем, — согласился приятель.

Мы тут же начали кричать что-то несуразное, свистеть, прыгать и махать руками.

Вначале медвежата перестали сгребать камни и удивленно уставились на нас. Наверное, такого они еще не видели и не слышали в своей жизни. Казалось, что малыши вот-вот кинутся от страха прочь.

Но время шло, мы уже устали кричать, прыгать, свистеть, а медвежата оставались на месте. Наконец, они сообразили, что мы им не опасны, и, потеряв к нам интерес, снова принялись сгребать и сбрасывать камни.

— Хватит бесноваться, — сказал я. — Никакого толку от нашего шума и пляски.

— А может, они испугаются выстрелов? — спросил приятель.

— Может, и напугаются, — кивнул я. — А вот как мы достанем ружья из шалаша? Мне что-то не хочется под камнепад лезть...

Мы снова укрылись под сосной и стали гадать, уцелеет ли хоть что-нибудь из нашего снаряжения после такого разбойничьего налета.

В это время произошло то, чего я опасался: на вершине скалы появилась медведица. Да такая косматая, толстая, злющая! Увидела она остатки шалаша, взглянула на своих малышей и сердито рывкнула. Но медвежата даже не обернулись.

Тогда медведица в несколько прыжков спустилась к ним с вершины скалы, и неслухи тут же получили каждый по увесистой оплеухе.

Из лихих дебоширов они мигом превратились в обиженных плакс. Оба заскулили и поспешно скрылись за выступом скалы.

А медведица подошла к обрыву, еще раз взглянула на остатки нашего пристанища, и в ту же минуту ее лапа легла на камень у края уступа. Мгновение — и камень величиной с бычью голову рухнул вниз. От шалаша осталась лишь кучка веток.

Довольной ушла медведица, а мы кинулись разгрести руины. Может, хоть что-то уцелело из нашего снаряжения?..

— Надо признать, хороший урок преподали нам косолапые, — вдруг заявил приятель. — Теперь на всю жизнь запомним: нельзя разбивать стоянку под скалами и горными откосами.

Печаль о могучем друге

Вымерли... Исчезли... Затерялись в минувших тысячелетиях... Навсегда... Планета простилась с ними... Но не хочет прощаться человек.

На Аляске в конце 80-х годов я слышал песню местного барда:

Пою печаль
о могучем друге.
Человек пил
молоко мамонта
И вбирал, и вбирал в себя
его силу...
Так зачем, человек, ты предал
могучего друга?
И теперь тоскуешь о нем
на Северных просторах...

Трудно сказать, насколько достоверно употребление молока мамонта людьми... Но бесспорно, что мясо исполина употребляли в пищу, шкуры и кости использовали для строительства жилья, а из его шерсти делали одежду.

Древние племена кочевали за стадами гигантов. Мамонты являлись не только сырьевой и пищевой базой. Они быстрее реагировали на погодные изменения в природе, безошибочнее выбирали места, богатые всевозможной растительностью, привлекали остатками своей жизнедеятельности множество птиц и зверей.

Стадо мамонтов было своеобразным кочующим миром. Исполины первыми протапывали дорогу в новые земли различным животным и человеку. И, наверное, первыми гибли от ударов стихии, проваливаясь в покрытые недостаточно крепким льдом водоемы и болота. А древние люди с выгодой для себя пользовались бедственным положением гигантов.

Может быть, многочисленные слухи и предания о сохранившихся до наших дней мамонтах — всего лишь тоска по «могучим друзьям» минувших тысячелетий?

В книге «Таинственные версты Московии» я писал, что от жителей селений, расположенных в Мещерском крае, даже в начале XX века можно было услышать предания о «мамонтопоклонниках». Ими якобы являлось племя Мещера. Согласно легенде, основная часть этого племени покинула свой край, двигаясь за мамонтами куда-то на северо-восток. Произошло это предположительно во времена появления на реке Оке вятичей.

Но ведь славяне освоили окские берега в конце I тысячелетия новой эры, а мамонты вымерли, как утверждают многие специалисты, примерно 9—10 тысяч лет назад.

В конце XVI столетия казакам из отряда Ермака на востоке от Уральских гор доводилось слышать от местных жителей о «звере-горе». По описаниям, он походил на слона, однако был гораздо крупнее. Густая шерсть, огромные бивни, повадки гиганта с хоботом свидетельствовали, что речь шла о мамонте... О живом ископаемом, которого встречали в XVI веке!

Сохранились документы и более ранних времен о северных гигантах. В памятнике древней русской духовности «Голубиной книге» написано: «Индрик зверь есть всем зверям отец и всем зверям зверь, он копает рогом по подземелью, куда хочет идет по подземелью, аки солнышко по поднебесью, когда этот зверь возыграется, вся мать-земля над ним всколыбается».

В старину на Руси и в некоторых других странах мамонта называли «индрик». Но почему он «идет по подземелью» и «копает рогом»?

По этому поводу профессор Международного парижского института изучения доисторического человека Г. Обермайер писал в конце XIX века: «В течение истекших тысячелетий со времени ледникового периода тысячи хорошо сохранившихся трупов ископаемых животных вымывались реками и выносились в море, равно как множество их оттаивало по берегам рек и поедалось волками, не обращая на себя внимание человека».

Туземное население не раз встречало такие трупы ископаемых великанов, и у него сложилось даже представление, что в настоящее время эти гиганты живут под землею, как кроты, и погибают, как только выходят на поверхность».

Не только северные народы в давние времена считали мамонтов какими-то гигантскими кротами и крысами. Голландский ученый и бургомистр Амстердама Николас Корнелиссон Витсен побывал в России в 1664—1667 годах. Впоследствии в своем труде он упоминал о мамонтах: «...Великая загадка землетрясений теперь легко объясняется подземными движениями этой громадной крысы...»

И после гибели пролежавший много веков в вечной мерзлоте мамонт по-прежнему оказался нужен человеку. С глубокой древности из его бивней изготавливали различные орудия и украшения.

Известный русский путешественник и ученый Александр Федорович Миддендорф

отмечал, что за время освоения Сибири, вплоть до середины XIX века, нашими купцами вывезено на продажу в Европу бивней примерно от 20 тысяч мамонтов.

В конце XIX — начале XX столетия в северо-восточной Сибири добывалось ежегодно около 32 тонн бивней.

В книге Н.С. Щукина «Поездка в Якутск», изданной в 1833 году, говорится: «...С берегов и островов Ледовитого моря купцы Жиганские, Колымские и другие ежегодно привозят в Якутск около тысячи пудов мамонтовых клыков. Прииск сих костей начали производить со второй половины XVII столетия; кости находят или в обрывах рек и речек, или на дне стекших небольших озер, или выкинутыми со дна морского...

...Сколько же надобно зверей, чтобы дать такое количество клыков, и могло ли пространство земли, за Полярным кругом лежащее, поместить столько огромных животных и доставить им питание?..»

Конечно, ученых интересует, сколько обитало на земле мамонтов, их повадки, умение выживать в суровом климате, роль исполинов в развитии человечества. Однако не меньше увлекает современного человека вопрос: а могли мамонты дожить до наших времен? Не скрываются ли где-нибудь, в труднодоступных местах Сибири, представители этого легендарного вида животных?

Сохранились сообщения, сделанные в XIX и XX веках, о том, что вблизи рек Южная Кельтма, Тимшер, Пильва, протекающих на западе Полюдова кряжа Урала, встречались мамонты. Люди якобы видели не только их следы, остатки трапез, но и самих животных. Похожие заявления приходили и с берегов рек Палья, Ялбынья — притоков Северной Сосьвы, и из Восточной Якутии.

Однако, научных доказательств подобным встречам пока нет... Лишь слухи и добрая печаль и мечты о давнем могучем друге человека.

Пусть не радовала погода

Мало кому посчастливилось видеть белых журавлей не в вольерах зоопарков, а на свободе. Этих птиц называют еще стерхами. Одно время даже считалось, что их уже не осталось в природе. Мне приходилось не раз слышать о стерхе. Но в моем представлении он долгие годы был не реальной, живущей в наше время птицей, а каким-то сказочным существом. Такое чувство не покидало меня особенно после того, как я во время странствий увидел старинные рисунки с изображением танцующих стерхов. Показывали мне подобные рисунки и в Бурятии, и на Северном Урале, и на Таймыре.

Кто были их авторы и в какие времена они творили — выяснить не удалось.

А однажды в Северной Америке, в штате Орегон, я увидел «танец белого журавля», исполненный людьми. Не знаю, водится ли сейчас, водилась ли в прежние времена в Америке эта птица, но древний ритуальный танец индейцев красочно и подробно отображал ее движения и повадки. У одного танцора была даже деревянная маска — «голова стерха».

Мне потом пояснили, что, согласно древней легенде, белый журавль всегда сопровождал Бога дорог во время больших и малых исходов человечества.

Ночью, когда люди и сам Бог дорог уставали от дневных переходов и устраивались на отдых, белый журавль мчался вперед, чтобы высмотреть предстоящий на завтра путь. А на следующее утро птица-разведчик языком своего танца сообщала все, что видела с высоты: какие реки, озера, леса, горы придется преодолевать, какие препятствия и трудности ждут людей.

Даже если не брать во внимание чудеса, сотворенные птицами в сказках и легендах, сколько подарили они человечеству!.. Мечты о полете и о далеких землях, о заоблачных высотах и недоступных горных вершинах, вдохновенные песни и танцы, ощущение простора и свободы помогали развивать творческую фантазию, понимание прекрасного и умение жить в согласии с природой...

Наверное, мир без птиц был бы скучным и мрачным. Особенно на суровом Севере.

О жизни и повадках белого журавля еще много неизвестно. В записях, сделанных в конце XIX века, отмечено, что стерхов видели во время весенних и осенних перелетов в Казахстане и к северу от Каспия, в дельте Волги. Были сообщения о гнездах белых журавлей где-то в Тюменских землях и даже на Таймыре и на полярном Урале.

Лишь в XX столетии специалисты установили, где же точно гнездятся стерхи. Оказалось, на севере Тюменской области и в тундре, а также в тайге Северо-Восточной Сибири, между реками Алазеей и Яной. Наверное, много веков назад, когда слагались легенды о Боге дорог и о его спутнике — белом журавле, ареал обитания этой птицы был значительно шире и она чаще встречалась людям.

Стерхи, появившиеся на свет в Якутии, улетают зимовать в низовье реки Янды. В начале 80-х годов прошлого века их насчитывалось на северных просторах Якутии всего лишь несколько сотен. Но в 1988 году численность зимующих в низовье Янды стерхов поднялась до двух с половиной тысяч.

Однако эта птица все еще находится на грани исчезновения и по-прежнему занесена в Красную книгу. Яйца стерхов уничтожают чайки, вороны, поморники, птенцов воруют песцы, а взрослых птиц частенько отстреливают браконьеры.

Однажды мне довелось побывать на берегах Оби, севернее впадения в нее реки Куноват. Дни тогда выдались хмурые и дождливые.

Я пытался скрасить их рыбалкой, но рыба плохо шла на спиннинг. Большую часть времени приходилось отсиживаться в сырой палатке, проклиная ненастье и ругая себя за то, что появился на этих неласковых берегах. Одним словом, поездка не удалась.

В тот день, когда я принял решение возвращаться в Москву, попробовал напоследок снова попытать рыбацкое счастье.

Небо, как и в предыдущие дни, было затянуто низкими тучами, а ветер с востока нагонял холод. Никаких перемен к лучшему. Рыба по-прежнему не желала попадаться на крючок.

Я повернулся к своей палатке и вдруг остановился. Равнодушным взглядом окинул полянку среди болота и чахлых кустиков и, наконец, понял, что же привлекло мое внимание.

До полянки было не более шестидесяти метров, и я увидел на ней двух больших изящных птиц.

Сразу вспомнились старинные рисунки. Без сомнения, это — стерхи!

Белый журавль исполнял танец для своей подруги. Он то запрокидывал голову вверх, то опускал вниз, то распахивал, то складывал крылья. При этом старательно подпрыгивал, двигался вперевалочку, удлинял или укорачивал шаги, кружил, останавливался, приседал и снова поднимался, вытягивая шею.

Его подруга не шевелилась. Казалось, она была зачарована этим танцем.

Чтобы лучше разглядеть журавлей, я решил подобраться к ним поближе. Но первое же мое неловкое движение — и танец прекратился. Птицы разом вздрогнули, рванулись вверх и понеслись над болотом в пасмурную даль.

Говорят, белый журавль настолько зоркий и осторожный, что замечает человека за два километра. Непонятно тогда, почему эта пара не обнаружила меня сразу. Может, увлеклись танцем?

Несмотря на ненастье и очередную рыбацкую неудачу, я впервые в те дни возвратился в палатку в приподнятом настроении.

Не так уж много надо человеку для перемены настроения. И чахлые кустики, и холодное болото, и сумрачные берега, и само ненастье мне вдруг показались печально-красивыми. Теперь я мог сказать самому себе, что не зря приехал сюда.

Пусть неудачной была рыбалка, пусть не радовала погода, не согревал робкий дымный костер, зато навсегда остался в памяти танец белого журавля — чудо, которым не часто одаривает людей природа.

Конечно, собаки на Севере — не редкость. И уж никак их нельзя отнести к неизвестным животным Арктики. А вот насчет загадочности?..

Казалось бы, из всех прирученных существ они самые раскрытые и распознанные для человека. И все же нет-нет, да и преподносят сюрпризы хозяевам.

У собак на Севере — особое предназначение: ездовые, пастухи, спасатели, сторожа, охотники. Но эти работяги еще и первыми реагируют на перемены в погоде и своим поведением предупреждают об этом человека. А ведь в условиях Крайнего Севера вовремя уловить изменение погоды может оказаться жизненно важным фактором.

Собаки помогают скрашивать длинные полярные ночи, заглушать тоску, бороться с унынием и усталостью.

У северных четвероногих друзей человека неласковый нрав. Но ведь и среда, в которой они обитают, сурова и зачастую безжалостна.

О собаках Заполярья написано много. Известный исследователь Арктики Георгий Алексеевич Ушаков, рассказывая о своих экспедициях, тоже вспоминал о них: «...начали вплотную знакомиться с нашими четвероногими помощниками и устанавливать с ними отношения. Были выделены отдельные упряжки, и каждая из них получила хозяина. Первым требованием к собакам было абсолютное послушание и уважение к своему хозяину. За это они получали от него мясо и иногда ласку. Ласка хозяина, если не считать кормежки, единственная награда ездовой собаке за ее невероятно тяжелый труд и за многочисленные лишения. И собака любит ласку, тянется к ней и даже ревнует к хозяину своих товаров. Многие из собак, если представляется возможность, стараются перехватить ласку, получить ее первыми и, если нужно, даже подраться ради этого.

...Если собаки сидели на цепи, нужно было всех их обойти — одной почесать за ухом, другую погладить, третьей потрепать загривок — и каждой сказать несколько слов. Пока эта церемония не заканчивалась, нечего было ждать и успокоения, не получившие своей доли внимания от хозяина лаяли, визжали, рвали на цепях и огрызались на соседей...»

Нередко человек несправедлив к своим четвероногим помощникам. Завершаются экспедиции, трудные переходы, и тех, без которых путешествие не состоялось бы, иногда делают беспризорными.

Сколько таких четвероногих сирот Севера голодными и больными слоняются по заполярным селениям!..

Пегий тощий пес жалобно смотрел на проходивших мимо людей и скулил, выпрашивая еду.

Подвыпивший мужичок вдруг просто так, без всякой причины, запустил в него камнем.

Пес увернулся, отбежал в сторону и долго, с грустью наблюдал за удаляющимся обидчиком.

Я сошел с тропинки и направился в сторону собаки. Почему-то вдруг вспомнились есенинские строки:

Дай, Джим, на счастье лапу мне,
Такую лапу не видал я сроду.
Давай с тобой полаем при луне
На тихую, бесшумную погоду.
Дай, Джим, на счастье лапу мне...

Этому брошенному псу, пожалуй, никто не предложит пожать лапу и уж точно не посвятит подобных строк:

Ты по-собачьи дьявольски красив,
С такою милою доверчивой приятцей.
И, никого ни капли не спросив,

Как пьяный друг, ты лезешь целоваться...

Хмурилась даль. Собирался дождь. Неожиданно я встретил приятеля. Он только вчера вернулся из геологической экспедиции. Разговорились. Вспомнили былые путешествия. Порассуждали о будущих странствиях.

Тем временем пес улегся под скамейкой и задремал. Он вздрагивал во сне и часто вздыхал. Может, снилось ему, как он, молодой и здоровый, мчится в упряжке по заснеженному льду или как спасает хозяина от медведя? А может, видел во сне камень, брошенный человеком?..

Упали первые дождевые капли. Я попрощался с приятелем и снова обратил внимание на пса. Дождь уже разбудил его. Он вскочил и поспешно принялся обнюхивать землю. Наверное, никак не мог понять, откуда берется вода. Пегий бродяга с вниманием стал следить за падающими каплями и слизывать их.

Хрустнула под моей ногой ветка. Пес заметил меня и насторожился.

Я вытянул руки и раскрыл ладони. В них не было ни хлеба, ни камня. И я перестал интересоваться его.

Дождевые капли падали все чаще. Пес низко опустил голову и, прихрамывая, затрусил прочь...

Путь человечества, на Север или на Юг, на Запад или на Восток, помимо всего прочего, был еще и дорогой к пониманию меньших наших братьев, к состраданию. А ощутил хоть раз в жизни этот пес человеческое сострадание? Что было у него в жизни? Что ждет впереди?..

Хлеб и камень?..

Прилетали из Арктики гуси

Много на свете добрых чудаков. И слава Богу! Без них, как без шуток, без песен, без веселых розыгрышей и забав, жизнь была бы унылой. А еще долгие годы странствий убедили меня, что необходимы они даже в серьезных и опасных путешествиях. Порой в экспедициях люди злятся на чудаков — вечно опаздывающих, делающих все наперекосяк, раздражающих своими шутками и наивностью. Но проходит час-другой, досада и недовольство будто сами по себе улечиваются, а в памяти остаются несуразные оплошности забавных людей, над которыми йотом можно посмеяться и пошутить. С одним таким, на первый взгляд, странным человеком я познакомился еще в детстве. Серега, так звали приятеля, был на четыре года старше меня. На зависть многим мальчишкам он имел ружье. Несколько раз я побывал с ним на необычной осенней охоте.

Отправлялись мы в плавни перед заходом солнца. Пока добирались до островов, пока разжигали костер, наступала ночь. За ужином, как водится, — нескончаемые разговоры, охотничьи были и небылицы. У Сереги их оказывалось в запасе немало. И рассказывал он как-то по-особенному: радостно, громко и весело. Мы спохватывались лишь глубокой ночью.

— Смотри, не проспи! — строго предупреждал Серега и тоном бывалого охотника добавлял: — Гуси прилетят по первому лучу зари. Представляешь, из самой Арктики путь проделали!..

Осенняя ночь обнимала нас едва нарушаемой тишиной и ароматом отцветающей природы. И от этого, как от взгляда в бездонную пропасть, кружилась голова. Казалось, мы попадали в плен ночной бесконечности с ее небом в недремлющих звездах, с захмелевшим ветром, заплутавшим в плавнях, с шепотом уставших ив, с лунной дорожкой на реке.

Мы забирались в шалаш, когда уже никли к земле последние дымные струи костра.

Я долго ворочался, не мог уснуть. Боялся проспать час, когда пролетят над речной заводью гуси и опустятся на отмели.

Но Серега всегда просыпался вовремя. Еще в предрассветных сумерках он вскакивал, разжигал костер и уж затем тормозил меня. Я с трудом выползал из шалаша, зябко

поеживался и пялил глаза на мерцающие звезды. Их прощальный утренний свет прогонял сон.

Мы наскоро выпивали чай и отправлялись к засидке.

Идти приходилось на ощупь. Под ногами хрустели мерзлые камышины. Ветви деревьев хлестали по нашим лицам, и глаза надо было прикрывать ладонями.

Когда мы располагались на засидке, начинались молчаливые, студёные минуты ожидания. Холод вытеснял тепло, сохранившееся в теле от утреннего костра и чая. Но мы старались не шевелиться — боялись потревожить рассветную тишину.

Постепенно вырисовывались очертания деревьев, песчаной отмели и речных берегов. Серега многозначительно косился на меня, словно предупреждал: вот-вот они должны появиться...

Светлели заводь, берега и отмель. Ласточки-береговушки, отлетающие на юг, суетились над водой, будто стряхивали в нее остатки сна. Разбуженная их щебетом, стрекотала сорока. Откуда-то из глубины плавней недовольно отвечал ворон...

А гуси не появлялись...

— Вот увидишь, прилетят по первому лучу зари, — успокаивал Серега и то и дело трогал ружье.

Не зрение и не слух, а какое-то иное чувство улавливало в осеннем просторе приближение крылатой стаи. Минута, другая — и мы уже видели и слышали гусей.

Ка-га!.. Ка-га!.. — резко оглашали они окрестность.

Серега привычным жестом вскидывал ружье и прицеливался. Я напрягался в ожидании выстрела, хотя и догадывался, что его не будет.

Стая без потерь проносилась у нас над головой и оседала на другой стороне затона.

Приятель опускал ружье и с наслаждением потягивался.

— А знатно сегодня поохотились!..

И мы оба понимающе улыбались, как будто знали только нам доступную тайну.

Серега забрасывал ружье за спину, и начиналась наша неспешная прогулка берегом реки.

Иногда по пути попадались большие гусиные перья. Мы поднимали их и разглядывали на солнце.

Перо как перо, но в утреннем свете оно покрывалось узором красного золота.

Серега восторгался:

— Видал?! Не простой гусь привел стаю аж из Арктики!..

Он почему-то считал, что перо обронил именно вожак стаи, прилетевшей из Арктики.

Не знаю — не выяснял, почему в этом был так уверен приятель. А Серега прикреплял перо к своей кепке и, словно сам себя убеждая, говорил:

— А хорошо, что я не стрелял...

Возвращались домой, будто после удачной охоты.

Лодка легко скользила по тихой воде. Казалось, ее подгонял солнечный свет и желание догнать улетевшую стаю гусей. Может, от этого, а может, от соприкосновения с осенними плавнями, с ясным речным простором, наши души переполнялись восторгом. На берегу нас окликали рыбаки:

— Эй, охотнички!.. Много набили птицы?

— Та полную лодку! — озорно отвечал Серега.

— А где ж она?

— К морю понесло...

— Тю-у, трын-брын, охотнички-разбалбесины!.. Стрелянное — и то упустили!..

— Та не беда! Завтра еще больше настроляем!..

У каждого в жизни встречаются свои чудачки. И до сих пор, когда я вижу летящих с севера диких гусей, вспоминаю доброго, смешного человека из своего детства и нашу странную охоту.

Костер одинокого путника

В молочной пелене купались деревья. Днем туман стал сворачиваться в капли и, словно бисером, покрывать травы и ветви деревьев. Все дальше и шире становился обзор, и, наконец, сквозь прорехи в тумане я увидел море. Скорее вниз! Сколько дней я бродил по тайге и ждал этой встречи!..

Ноги скользили по мокрым камням. Чтобы не упасть, я то и дело хватался за травы, и они обрызгивали меня росой.

Немало мне пришлось повидать морей, но перед каждой новой встречей все равно ощущаю необъяснимое волнение.

Как не восхищаться красотой, что заключена и в океане, и в капле росы? Все воды земли — реки и моря, озера и гейзеры — прекрасны. Конечно, если они еще не отравлены человеком. Только люди могут сделать водоем неприглядным, обезобразить берега.

В океане и ручье, в пруду и реке можно увидеть движение жизни, сияние звезд, многоцветье неба, отражение полета птиц и облаков...

Во время спуска я уловил, что к ропоту моря примешивались еще какие-то звуки, похожие на лай. Вначале не мог понять, кто их издает. Но когда оказался на каменистом берегу, сразу увидел небольшое стадо ушастых тюленей — сивучей.

На скалах и валунах отдыхали звери всех возрастов: старые секачи размером с легковой автомобиль, самочки не меньше взрослого бурого медведя и сивучата — чуть крупнее кошки.

Могучий зверь сивуч. Мало кто может одолеть его в океане. Боятся он лишь свирепых и умных касаток. Но касаток боятся все, даже киты.

Специалисты говорят, что матерые сивучи могут достигать в длину более четырех метров, а вес, бывает, переваливает за тонну.

Звери не заметили меня. Только самый большой секач, похожий на желтую, отглаженную волнами скалу, настороженно вертел головой, что есть сил раздувал и без того мощную шею и громко отдувался: фе-фю-у-у!..

На его неровном затылке виднелись шрамы. Может, во время нападения касатки, а может, в поединке с таким же секачом получил.

Звери ворочались на камнях, и в их неторопливых движениях чувствовались уверенность и сила. Такие неуклюжие на вид, они быстро влезали на скалу и ловко прыгали в воду.

Ветер усилился. Рокотал залив. Море рассказывало свою бесконечную историю звуками то больших, то малых волн. Бестолково и невпопад отвечали морю чайки. Хрипло и однотонно ревели сивучи. Почтительно попискивали неподалеку от них юркие и озабоченные кулички. Но все они говорили на разных языках, и море от этого злилось еще больше.

Начался мелкий надоедливый дождь, и мне пришлось укрыться в пещерке среди камней.

Скучно и однообразно завывал в скалах ветер. С востока шли маленькие недобрые тучки. Я слышал в своем небольшом укрытии, как волны перебирали на берегу камни.

Ветры Севера любят обдувать скалы, чтобы творить из них загадочные скульптуры. По ночам они подбирают сны уставших путников, раздувают угли в не погасшем костре, убаюкивают прибрежные камни, деревья и кустарники, а потом уносят на своих невидимых крыльях впечатления и воспоминания...

А может, вместе с ними все это вытворяют духи Севера. Их так много, что даже мудрые шаманы не могут сосчитать. Северные духи непредсказуемы, и никто не знает, помогут ли они одинокому путнику или накажут за дерзостное проникновение в их мир...

После полудня ветер затих, словно задумался, в какую сторону теперь повернуть. Потом, будто решившись на что-то лихое, он разметал тучи и погнал их прочь от берега. Тучи пытались не поддаваться, но сладить с ветром не могли. В считанные минуты он вымел

хмурое небо до теплой синевы.

От умытых прибрежных скал теперь исходило какое-то доброе и едва уловимое сияние. Казалось, в этом мире уже нет и не может быть зла.

Из хвойной чащи доносились умиротворенные голоса пеночек: свирь-цви-ирь... свиерь-цви-ирь...

Возле скал кайры прочерчивали то плавные, то стремительные и лихие спирали. Сивучи, потревоженные солнцем, один за другим стали кидаться в море.

Я выбрался из пещерки и осторожно подкрался к берегу. Не хотелось злить и пугать зверей.

Последним из стада сородичей плюхнулся неуклюже в воду совсем маленький сивучонок. Волна тут же преподнесла ему урок: подхватила и перевернула на спину. Может, малыш захлебнулся бы, но светло-бурая самочка метнулась на помощь: наверное, его мать.

Ловким движением головы она перевернула детеныша на живот. Сивучонок поспешно принялся загребать ластами. Казалось, теперь его подгоняла одна лишь мысль: прочь, быстрее из этого страшного моря!

Волны откатывались от берега и тянули за собой малыша. И все-таки он победил стихию. Наверное, это была первая в его жизни победа. Сивучонок изловчился, выбрался на берег и поспешно отпрянул от воды. Преодолев метров пять от береговой кромки, развернулся и долго смотрел на бьющиеся о скалы волны. Мне казалось, что во взгляде его было торжество.

Научился в этот день сивучонок плавать или нет — не знаю. Я так засмотрелся на морских зверей, что не заметил, как наступил вечер. Пора было устраивать ночлег. Север есть север: и даже в августе без костра не обойтись.

Пока собирал сухие дрова, стемнело. Усталая и растерянная луна, будто обронив что-то в море, искала, высматривала и никак не могла найти.

Мне вспомнилось почему-то стихотворение китайского поэта Су Ши:

...Если я затеряюсь,
Окутанный пылью земной,
Облака в небесах
Пусть подскажут, проплыв надо мной.
А потом окажусь
Среди рек и озер полноводных,
Вся одежда моя
Пропитается светлой луной...

И снова ночной костер одинокого путника, на этот раз не в тундре, не в лесу, а в крохотной пещерке.

Я грел руки над огнем, слушал море и ветер, смотрел в одну точку, затерянную в золотисто-алых углях. Жар от лица и рук проникал в глубь тела. Глаза начали слезиться...

Я выглянул из пещерки и не узнал берега.

Лунное молчание.

Звездная неподвижность.

Ночь — синяя-синяя, гуще и бездоннее морской глубины — обняла землю.

«Мёрзлая нежить»

На севере от Оби, между реками Тромъеган и Ватьеган, есть непроходимые болота, которые боялись посещать даже самые смелые охотники. Остяки, издавна обитавшие на берегах Иртыша, Северной Сосьвы, Конды, Оби, предупреждали русских первопроходцев о проклятых местах, «откуда никто не возвращается».

У каждого народа существуют предания и слухи о подобных зловещих участках. Но

остяки еще уверяли, что на тех болотах живет какая-то «мерзлая нежить». Называли ее кто — «мустырь», кто — «мастарь». Согласно давним поверьям, рождается эта тварь прямо в трясине, из болотных газов и тины. По внешнему виду напоминает лягушку, но с хвостом и зубастой пастью. А размером чудовище в три раза выше и длиннее россомахи. Поедает оно все, что движется: от куликов и уток до оленей и медведей.

Конечно же, если во владениях мустыря окажется человек — то и ему не сдобровать. Хорошо, что чудовище обыкновенно находится в замороженном состоянии. Но когда оттаивает — беда всему живому в округе.

И те, кто верил в существование чудовища, и те, кто посмеивался над рассказами стариков, ходить на зловещие болота не осмеливались.

Но исключения все же были. Как известно, в старину остяки поклонялись медведям. Косолапый даже считался покровителем некоторых остяцких родов. Охотиться на него могли только после совершения специального обряда, жертвоприношений тотему и получения разрешения от самого хозяина тайги.

Дурным знаком считалось, если в лесу обнаруживался мертвый медведь. Не важно, умер ли он от старости или по какой-то другой причине, все равно беды обрушивались на головы людей.

Однажды охотники издали увидели матерого медведя, лакомящегося ягодами. И вдруг из чащи раздался не человеческий, не звериный крик, от которого в страхе завизжали собаки. Потом взвыл испуганный медведь.

Глянули охотники снова — туда, где лакомился хозяин тайги, а его и след простыл. Поняли они: дело нечисто. Кинулись разбираться, что же произошло.

И увидели охотники лишь клочки медвежьей шерсти на кустах да пятна кровавые на земле. Поняли они, кто погубил косолапого.

О случившемся узнали старейшины рода и сразу объявили охотникам: размороженный мустырь погубил нашего покровителя, значит, не будет нам покоя и удачи, пока не уничтожим чудовище.

Понимали охотники, что в болотах и в лесной чаще им не одолеть мустыря. По преданию, сладить с ним можно лишь, когда он окружен тем, что сделано руками человека. Нашли охотники заброшенную рубленую юрту с угловым очагом-чувалом. В нее и решили заманить нежить.

Но как это сделать? И на то у остяцких мудрецов был древний способ.

Подстрелили охотники белую куропатку и оставили ее возле проклятого болота. А старики над птицей наговор произнесли: «Иди, иди, мустырь, для тебя знатный гостинец приготовлен...»

Дальше, от белой куропатки, по направлению к покинутой юрте, положили убитого белого зайца. И снова старики нашептывали: «Иди, иди, мустырь, ты большой и сильный — одной куропатки тебе мало, вот еще гостинец для тебя...»

Совсем неподалеку от рубленой юрты закололи белого олененка.

«Иди, иди, мустырь, а то голодным останешься, прими от нас и этот гостинец...» — приговаривали остяцкие мудрецы.

А у самого порога юрты они разбросали медвежьи кости: «Входи, входи, мустырь, тут для тебя много всего припасено... Не пожалели даже нашего покровителя...»

Конечно же, предание не складывалось, если бы чудовище не попало на приманку. Вылез мустырь из своего болота и направился к юрте, пожирая на своем пути все, что приготовили ему люди.

Ввалился он в заброшенное жилье, а там пусто. Разворотил мустырь когтистыми лапами чувал, но и в нем ничего не оказалось. Взбесилась нежить и назад повернула. Но остяки уже заложили деревьями выход из юрты и подожгли.

Так и расправились с кровожадным мустырем. Правда, говорят, что это не принесло покоя и счастья. Вскоре людям все равно пришлось уходить из тех мест, подальше от проклятых болот.

О страшном чудовище рассказывали всякий раз, как в землях между Тромъеганом и Ватъеганом пропадали бесследно люди.

Ходили слухи, что на поиски неизвестного существа отправились в начале двадцатых годов прошлого века любознательные исследователи. Но никто их больше никогда не видел. На том вроде бы поиски и прекратились. Ханты, которых называли в давние времена остяками, не желают вспоминать о «мерзлой нежити». Наверное, старики о ней кое-что знают, но по каким-то причинам утаивают свои знания и ничего не рассказывают приезжим.

А может, так и надо? Пусть у Севера остается еще много нераскрытых тайн. И пусть его редкие, загадочные, известные и неизвестные животные изумляют, завораживают, вызывают любопытство, споры, сомнения у будущих поколений.

Чародеи Студёных Земель

Полярная ночь — мечта в туманном мире грез. Нет форм, нет тяжелой действительности — одна мечта, сотканная из серебрянного и фиолетово-голубого эфира, поднимающаяся с земли и уносящаяся в бесконечность.

Фритъоф Нансен

Бесконечные созвездия не могут уронить ни одной радостной искорки в эту мертвую атмосферу. Глаза устают смотреть на них и снова обращаются к земле, ухо чутко прислушивается, не нарушает ли хоть мельчайший шум это подавляющее молчание, — но нет, не раздастся ни одного человеческого шага, ни одного живого голоса... Молчание перестает быть отрицательным понятием...

И. Хэйс

Ненависть, страх и почитание

На Севере и лед — кремень, и чародеи — ему под стать. Крепки они в своем мастерстве и непоколебимы в замыслах — так издавна считалось на Руси. Известный историк Николай Иванович Костомаров, говоря о колдунах, ворожеях, предсказателях, отмечал, что «во всех местах России можно было отыскать их. Особенное уважение существовало к тем, которые жили на севере».

Еще задолго до освоения Сибири великие князья, цари, бояре призывали к себе в трудные времена волхвов и шаманов. И делалось это, явно или тайно, несмотря на неудовольствие иерархов православной церкви. Так поступали многие из Рюриковичей и сам Иван Грозный, цари Борис Годунов и Алексей Михайлович Романов.

Известно, что Петр I недолго любил шаманов и волхвов. Но когда осенью 1724 года он заболел, то подписал приказ, в котором говорилось: «...велено дворянину Дмитрию Кычкину... из Якутского уезду шаманов четырех человек выбрать, взять и привести в Санкт-Петербург». В приказе подчеркивалось, что необходимо выбрать «...шаманов лучших, которые пользуют от болезней».

Императрица Екатерина II тоже не доверяла чародеям и целителям Севера. Государыня даже написала сатирическую пьесу «Шаман». Однако тайком несколько раз она встречалась с прибывшими из заполярного Урала предсказателями.

Приглашали к себе шаманов и северных чародеев государыни Анна Иоановна и Елизавета Петровна. Получалось, что царская власть, с одной стороны, прибегала к их услугам, а с другой — наказывала.

Так, с 1696 года строжайше было запрещено совершать шаманские камлания в городе Якутске и в его окрестностях, а русским — появляться на них.

Особенно выступала против волхвов и шаманов церковь, считая их оплотом язычества на Севере.

Николай Костомаров писал: «Церковь строго преследовала всякое ведомство, не щадя даже и лечения... В монастырских имениях волхвов и баб ворожей считали наравне с ворами и разбойниками.

Правительство в XVI веке определило, следуя внушениям церкви, преследовать волхвов, чародеев и звездочетов, как клятвопреступников, хулителей и подстригателей усов.

...В XVII веке повсеместно преследовали ведунов, ведуний и зелейников, сажали под стражу проезжих людей за то единственно, что находили у них корешок, заточали в монастырь того, кто вздумал бы попробовать поучиться заговорным словам; сожигали и тех, кто имел их при себе.

Народная месть преследовала колдунов и колдуний в эпохи общественных бедствий, например засухи или излишней мокроты, вредной для хлеба; тогда делали заключение, что несчастье происходит от ведунов...

Вообще преследовавшие чародейство, как зло, часто уступали всеобщему суеверию и обращались к нему за помощью. Сам благочестивый царь Алексей Михайлович, столь преследовавший ведовство, как богопротивное дело, в 1650 году приказывал стольнику Матюшкину высылать крестьян в Купальскую ночь искать сераборинного цвета, инпериковой и мятной трав и дягилю, а перед концом своей жизни, в 1675 году, приказывал воеводам в Сибири, которая по своей отдаленности представлялась в народном воображении страной таинственных сил и чудес, собирать знахарей, узнавать от них о травах и сами травы присылать в Москву».

Не только венценосные особы, знать и простолюдины далекого прошлого обращались к северным знахарям, прорицателям, чародеям и шаманам. К ним пробирались тайком за тридевять земель убежденные атеисты, враги мистики и всевозможных суеверий и в XX веке, и в наши дни.

Дивная и чародейская

Каких только эпитетов не существует для разных участков материкового побережья Норвежского, Баренцева и Карского морей: суровые, студёные, ледяные, безжизненные, труднодоступные, непроходимые и так далее. Наверное, с этим согласятся многие, кто побывал там в недобрую погоду. Но от хранителей древних тайн и просто исследователей старины можно услышать и еще одно название берегов студёных морей — «Земля дивная и чародейская».

В легендах и преданиях говорится, что именно там обитают самые опытные маги и шаманы, знахари и предсказатели. Почему именно суровое Заполярье приглянулось им? С шаманами вроде бы понятно: они дети своих народов, издавна живущих на Севере. Но во многих сказаниях и мифах нередко упоминается, что волхвы, чародеи, пророки приходили откуда-то из диких северных земель, а потом снова туда возвращались.

Наверное, труднодоступные и безлюдные места на планете, с их необычной для южан природой и суровым климатом, заставляют пришельца мобилизовать ради выживания все свои духовные и физические ресурсы, больше созерцать, рассуждать и давать волю фантазии.

Конечно, не только вышеназванное издавна притягивало в Заполярье людей с необычными способностями. Что-то еще древнее, неизвестное, труднообъяснимое влекло их искать там уединение.

Постоянно живущие на Севере шаманы и приходящие на долгое время в «земли дивные и чародейские» волхвы, предсказатели, странники, хранители древних тайн... Как сосуществовали они? Обменивались ли своими знаниями или соперничали? Были у них единые учителя или каждый постигал искусство врачевания, магии, дара прорицания своим путем?

Да, есть свидетельства, что шаманы и прибывшие издалека странники и соперничали между собой, и враждовали. Но все же было среди них таинственное, не всегда понятное посторонним взаимопонимание, особые совместные, секретные мистерии, в «проклятых» и «заповедных местах». Возможно, причиной содружества этих людей разных племен и культур являлись общие корни их профессии и деятельности, зародившиеся тысячелетия назад именно в северных землях.

«Упала искорка в ночи»

У шаманов Гренландии, Скандинавии, Сибири, Северной Америки есть много общего в методах лечения и в ворожбе, в способах предсказания, защиты от злых сил и наведении порчи. В книге «На лыжах через Гренландию»

Фритьоф Нансен с восторгом описывал явление, известное всем народам Севера, — полярное сияние: «Особенно великолепно было оно 6 и 7 августа; сияющие ленты на юге перекашивались по небу взад и вперед длинными волнообразными свитками, они мерцали и горели в непрерывном стремительном движении, как сражающиеся полчища с пламенеющими копьями. Вот они отступают, вот уже снова кидаются вперед; или внезапно, как по данному знаку, громадные полыхающие пучки лучей несутся со всех концов, к самой вершине небосвода, образуя там блестящий сияющий венец. Затем сразу все гаснет, но только для того, чтобы эта обманчивая игра вскоре началась вновь.

Эскимосы считают, что северное сияние — это души умерших детей играют на небе в мяч...»

Да, подобное полярное явление никого не оставляет равнодушным. Задолго до Нансена великий Михаил Ломоносов, изучавший природу северного сияния, посвятил ему целую оду:

Но где ж, натура, твой закон? С полных стран встает заря! Не солнце ль ставит там свой трон? Не льдисты ль мешут огонь моря? Се хладный пламень нас покрыл! Се в ночь на землю день вступил! Что зыблет ясный ночью луч? Что тонкий пламень в твердь разит, Как молния без грозных туч Стремится от земли в зенит? Как может быть, чтоб мерзлый пар Среди зимы рождал пожар? Там спорит жирна мгла с водой; Иль солнечны лучи блещут, Склонясь сквозь воздух к нам густой; Иль тучных гор верьхи горят; Иль в море дуть престал Зефир, И гладки волны бьют в Ефир...

У всех шаманов Севера полярное сияние, так или иначе, играет определенную роль в магических обрядах.

Не только гренландские эскимосы, но и жители Скандинавии, Сибири и Северной Америки зачастую связывали это явление с душами умерших, с потоками небесных сил, которые можно использовать на земле для ворожбы, предсказаний, наведения порчи и защиты от сглаза и проклятия.

В старину шаманы и всевозможные чародеи учились танцевать, петь, бить в бубен, так, чтобы согласовывать свой ритм с пульсацией и игрой огней полярного сияния. Если это удавалось, то наступала гармония и согласие духов умерших с живыми людьми, неба — с землей, льда. А шаман или чародей, сумевший правильно совершить в ритме с полярным сиянием свои действия, на долгое время приобретал небывалую силу власти над злыми и добрыми духами, животными, различными предметами и явлениями природы.

У саамов, эвенков и алеутов мне приходилось слышать очень близкие по смыслу заклинания. Звучат они примерно так:

Вот обронило великое сияние
Малую искорку...
Упала искорка в ночи,
Значит, скоро появится на земле
Новый могущественный шаман...
Пусть он будет милостив
И справедлив к нам.

Упала искорка в ночи,
Значит, души умерших
И великое сияние не забывают нас.
Это их знак,
Это их дар.
Да пусть их гнев минует нас,
А милость их освещает долгую ночь
И согревает наши души
И ледяной простор...

О влиянии полярного сияния на судьбы людей, о волшебных свойствах этого явления рассказывали волхвы, странники, целители, шаманы жителям южных земель. А в своих пророчествах и предсказаниях они ссылались на «полыхающие небесные знаки» ночного Севера.

Тайные обряды северян

В феврале 1598 года русские подданные присягали Борису Годунову. В клятвенном обещании новому царю были и такие слова: «... в естве и в питье, и в платье или в ином в чем лиха напасти не учиняти; людей своих с ведовством, да и со всяким лихим кореньем не посылати, и ведунов и ведуней не добывати, на следу всяким ведовским мечтанием не испортити, ни ведовством по ветру никакого лиха не насылати...»

Считалось в старину у славян и у многих народов Сибири, что эти способы колдовства — «выбор следа из-под ног» и «бросание пыли по ветру» — являются самыми опасными. Знающие люди утверждали, будто подобное «злое чародейство» пришло на Русь с далекого Севера. То ли волхвы, то ли шаманы явились в Первопрестольную по просьбе самого Ивана Калиты и показали московским чародеям, приближенным к князю, как можно отвадить вражеские набеги и избавиться от недругов. Неизвестно, пользовался ли Калита этим видом колдовства. Скорее всего, в борьбе с врагами он обходился военной силой, политическими и экономическими приемами. Но все же привнесенные с Севера способы колдовской расправы прижились на Руси.

«Бросание пыли по ветру» заключалось в следующем: чародей брал горсть земли или пыли с могилы или со двора дома, где недавно кто-нибудь умер. Потом нашептывал над ней имя жертвы, против кого направлял колдовство, и вызывал ветер. Землю или пыль чародей подбрасывал вверх и приказывал воздушному потоку: «Лети без усталы да не минуй, да настигни, одолей, не щади, погуби...» Тут он называл имя жертвы своего колдовства. Считалось, что направленная «пыль по ветру» немедленно убивает человека.

Другой способ «насылания смерти» совершался так: след намеченной жертвы снимался с земли, а затем чародей нашептывал проклятие. Горсть земли со следа он кидал в огонь или на могилу — и тогда якобы сбывалось то, что пожелал колдун своей жертве.

Неизвестно, как и против кого применялось подобное страшное колдовство, погубило ли оно кого-то на самом деле, но эти способы использовались в различных уголках России многие годы, а в некоторых регионах Америки, Скандинавии и нашего Севера — даже в XX веке.

У северо-американских индейцев и шаманов Сибири до недавнего времени сохранялся обычай передачи волшебной силы с помощью узлов. Этот способ также широко применяли и на Руси в Средние века.

Его подробно описал Николай Костомаров: «В старину узлы навязывали на оружие и думали сообщать ему твердость и уничтожать силу противного оружия, как это видно из старинного заговора: «Завяжу я по пяти узлов всякому стрельцу немирному, неверному на пищалях, на луках и всяком ратном оружии. Вы, узлы, заградите стрельцам все пути и дороги, замкните все пищаля, спутайте все луки, повяжите все ратные оружия; в моих узлах сила могучая!» На этом основании верили, что некоторые из ратных людей умели так

завязывать чужое оружие, что их самих не брали ни пули, ни сабли...»

Далее Костомаров писал, что узлы называли еще «на-узами». Они «...давались от влияния злых чародеев и от зломыслия врагов вообще, как видно из заклятий: «Завяжи, Господи, колдуну и колдунье, ведуну и ведунье и упер-цу на раба Божия (такого-то) зла не мыслити от чернца, от черницы, от красной девицы, от беловолосого, от черноволосого, от рыжеволосого, от русоволосого, от одноглазого, разноглазого и от упирца». Конечно, от этого старинного верования во всемогущество наузов осталось выражение: «завязать» — в смысле не допустить, преградить. Видно, что наузы давались не столько для того, чтобы сообщить какую-нибудь силу... сколько для того, чтоб предохранить от враждебного действия и уничтожить его силу...»

Многие тайные северные обряды, ворожба, заклинания, предсказания были связаны с холодным климатом и погодными условиями. Так, у алеутов, ненцев и русских, живущих в низовье Печоры, существовал способ предсказания «по первольду».

Когда наступали осенние заморозки, на озере выламывался небольшой кусок из только что образовавшегося льда. Потом шаман или волхв дышал на него и произносил заклинания. По образовавшимся от теплого дыхания каплям и потекам предсказатель определял будущие события на целый год вперед. Чтобы закрепить добрые предзнаменования, он держал в руках лед, пока тот полностью не растает. Водой предсказатель омывал себе лицо и разбрызгивал капли на четыре стороны света и на людей, явившихся узнать будущее.

В XVIII–XIX веках традиция гадания «по первольду» из заполярных земель дошла до средней полосы России.

Примерно в те же времена распространился другой северный способ предсказывать судьбу. Его называли «вьюжник». В кувшин или горшок прорицатель вставлял девятнадцать засохших веточек ольхи, осины или березы. Когда начиналась вьюга, кувшин или горшок выносили в открытое место, где особенно свирепствовал ветер.

Вначале прорицатель слушал, как завывает вьюга, играя с засохшими ветвями. По звукам он определял всевозможные будущие события наступившей зимы. Затем подсчитывалось, сколько из девятнадцати веточек ветер вырвал и унес из кувшина, далеко ли разметал их, не опрокинул ли сосуд.

У индейцев Северной Америки в древние времена существовал способ вызова добрых духов и запугивания злых. Назывался он «бить в красный бубен, в желтый, в серебристый и зеленый». Под бубнами этих цветов подразумевалась луна. В зависимости от того, какой оттенок принимало «ночное светило», выполнялся особый ритуал с танцами, пением, заклинаниями,

Шаман, совершавший этот ритуал, во время пляски старался подпрыгнуть как можно выше. В руке он держал большую кость медведя или моржа. Шаман как бы наносил удар по луне, а его помощник в тот момент бил в настоящий бубен. А всем участникам ритуала казалось, что звук исходит от ночного светила.

Чем искуснее шаман, тем больше ударов он наносил луне. Значит, и больше злых духов отгонял и больше привлекал добрых на свою сторону.

Странно, что очень похожий обряд совершали колдуны в Вологодских и Пермских землях примерно в XVIII веке, а возможно, и позднее.

Некоторые исследователи тайн истории считают, что многие способы колдовства, гадания, которые применяли шаманы и северные волхвы, достались им от какой-то древней цивилизации. Может быть, даже от гипербореев. Но прямых доказательств этому пока не обнаружено.

Рецепты северных целителей

Когда осваиваются новые земли, очень важно изучить их природу и климат, животных и растения, обычаи и нравы местных жителей. Иначе первопроходцам не выжить в непривычных для них условиях. Многие покорители северных просторов понимали это и

перенимали у народов Заполярья способы охоты и рыбалки, виды одежды и питания и, конечно же, методы лечения и приготовления лекарств.

Так что первопроходцы не только привносили новые знания народам Севера, но и сами получали немало полезной информации.

Со временем способы приготовления лекарств и методы лечения какого-нибудь одного народа становились всеобщим достоянием. Сегодня уже трудно определить, какие из них появились в старину именно в северных регионах.

С древних времен и у шаманов, и у всевозможных знахарей, лекарей разных стран вода являлась важнейшим компонентом целительства.

Николай Костомаров, рассказывая о древних методах лечения, писал: «Бросив в ковш с водою три угля, ворожея в своем примолвлении уговаривала воду обмыть с хворого «хитки и притки, уроки и иризоры, скорби и болезни, щипоты и ломоты, злу худобу и понести за сосновый лес, за осиновый тын». Кроме целящего свойства, воде, употребляемой со знаменательными обрядами, приписывали также и предохранительное; волхвы и бабы-ведуньи советовали купаться в реках и озерах во время грозы и в новолуние, умываться с серебра, а потом встречать молодой месяц, и этими средствами хотели предохранить от недугов на будущее время...»

Почти у всех северных народов Азии, Америки, Европы особо почиталась для лечения многих болезней талая вода. Саамы, вепсы называли ее «закаленной» и «вобравшей в себя силу и мудрость зимнего холода».

Считалось, если, отправляясь в дорогу, человек омоет лицо и руки, а одежду окропит талой водой, то не страшны ему будут ни морозы, ни метели. И даже если он провалится в полынью, то выберется оттуда невредимым и здоровым.

Многие шаманы и северные знахари делали целительные настои на талой воде, в которой какое-то время отражалось полярное сияние или молодой месяц. От этого лекарство якобы приобретало особую «животворную силу».

В старину широко применялись у северных народов снадобья, приготовленные из органов животных. Использовались печень кита и сало моржа, толченые кости росوماхи и белого медведя, печеные в костре сырые яйца различных птиц, порошок из высушенного или прокаленного на костре бивня нарвала.

Некоторые снадобья, приготовленные шаманами и северными целителями, заказывались знатными особами Европы и Руси.

Частенько прибегал к помощи сибирских знахарей царь Алексей Михайлович. В те времена рецепты лекарей выглядели так: «Знает он около Якутска масло, ростом кругло, что яблоко большое и малое, ходит живо, а живет в глубоких и глухих озерах; будет какой человек болен нутряною красною грыжею или лом в костях, или мокрота бывает нутряная, и сидети в бане и после того банного сидения сделать состав: часть того масла, большую часть нефти, часть скипидару, часть деревянного масла, да добыта полевых кузнечиков зеленых, что по травам скажут, да наловити коростеликов красных, что летают в полях, и те статьи положить в горячее вино и дать стоять день одиннадцать или тринадцать; и после того банного сиденья велить того больного человека тем составом тереть по всему телу и велеть быть в теплой хормине, пока тот состав войдет; а делать так не по одно время; и то масло едят и пьют от многих нутряных болезней...»

Названные в рецепте кузнечики, коростели, скипидар и т. д. известны людям. Не ясно только современному человеку, что это за масло такое: «ростом кругло... ходит живо, а живет в глухих и глубоких озерах...»

Как ни фантастично и даже нелепо выглядят старинные рецепты и методы северных целителей, а поставили они на ноги и спасли от смерти многих первопроходцев. Об этом свидетельствует немало дневников, документальных и исторических записей.

Шаманы... Трудно переоценить их роль в жизни и развитии народов Севера. Учителя и целители, предсказатели и советчики, хранители традиций, истории и культуры своего

племени, создатели песен, танцев, преданий... Их почитали и ненавидели, боялись и преклонялись перед ними... соплеменники и пришлые чужаки.

Нередко поступки и деятельность шаманов искажались в исторической хронике, документах и литературе. Были, безусловно, среди них шарлатаны и хапуги, невежды и психически больные. И все же именно они являлись главными носителями знаний своего народа. Не случайно путешественники, первопроходцы, ученые, каких бы взглядов они ни придерживались, относились к шаманам чаще всего с почтением. Гонения на них, как правило, начинались с приходом государственных чиновников, поборников официальной религии.

Польский писатель и этнограф, сосланный в Сибирь в конце XIX века, Вацлав Серошевский писал: «Вообще в фигуре шамана есть что-то особенное, что позволяло мне, после небольшой практики, отличать их среди присутствовавших почти безошибочно: они отличаются некоторой энергией и подвижностью лицевых мускулов...

Во время чарования глаза шамана приобретают какой-то особый неприятный тусклый блеск и выражение безумия, и их упорный взгляд, как я заметил, волнует и смущает тех, на кого он направлен...

Обязательства, которые берет на себя шаман, не легки, борьба, которую он ведет, — опасна. Чародей, решающийся на эту борьбу не из-за одних только материальных выгод, но и для облегчения страданий ближнего, чародей по призванию, верующий и убежденный, — такой чародей производит всегда на слушателей громадное впечатление».

Многие исследователи Севера считали, что шаманами становились наиболее впечатлительные и одаренные личности рода или племени, хорошо знающие психологию человека и многие законы природы. Они наиболее тонко ощущали мир и назревающие большие и малые перемены в нем.

«Да придут мне на помощь духи!..»

Гренландия и Чукотка, Северная Скандинавия и Алтай, Таймыр и Канадское Заполярье — как далеки они друг от друга! И все же во всех этих уголках планеты, приступая к лечению, гаданию, совершению различных ритуалов, шаманы произносили на разных языках схожую фразу: «Да услышат меня покровители моего народа и нашей земли!.. Да придут мне на помощь духи!..»

Шаман обращался к ним за помощью во всевозможных житейских ситуациях. Рождение ребенка и война с другими племенами, болезнь и выход на охоту или рыбную ловлю, выяснение погодных условий и спасение от стихийных бедствий — все это требовало вмешательства духов.

Народы Севера считали, что только с их помощью шаман может поражать врагов и предсказывать будущее, лечить людей и призывать удачу.

У каждого племени было множество духов: небожители и обитатели подземного мира, хозяева и покровители рек, лесов, морей, гор, определенных участков суши, различных природных явлений, животных и растений. Шаман должен был знать всех их и к кому, с какой просьбой обращаться в определенной ситуации.

Специалисты считают, что главными приемами шаманов, доводящими их до экстаза, являются: ритмические удары в бубен, пение, шепот или выкрики заклинаний, пляска и принятие определенных поз. Все это гипнотически действует на участников мистерии.

Призывая добрых духов или обороняясь от злых, шаман подчинял своей воле соплеменников, внушал им то, что считал нужным, поднимал жизненный тонус и нередко избавлял от различных недугов.

Во время проведения шаманских мистерий у разных народов использовались особые одежды, маски, шапки, бубны, посохи, шкуры животных, перья птиц и так далее.

В журнале «Советский Север» за 1931 год подробно описываются ритуалы и образы тунгусских чародеев: «На обуви шаманского костюма пришиты когти медведя, что значит:

не шаман ходит и прыгает, а медведь скачет или идет раскачиваясь.

На плечах костюма нашиты крылья гагары или лебедя: не шаман летит по воздуху, а гагара или лебедь, в которую превратился шаман.

На шапке изображения рогов оленя: не шаман мчится сквозь лесную чащу, а олень, в которого превратился шаман.

У некоторых шаманов на шапке (со стороны лба) нашито изображение человека — это его предок, который вселяется в голову шамана, думает за него и отдает все приказания...»

Далее в этой публикации говорится, как у тунгусов происходила борьба с эпидемией кори:

«Шаман поет. Его несложная (кажется) мелодия, сопровождаемая специфическими гортанными хрипами и особыми звуками, похожими на кряхтение, передает импровизированный текст, переполненный дикими, мало понятными синонимами, необходимыми для рифмы и для ритма.

Присутствующие повторяют на той же мелодии текст каждой строфы (обычно двухстишие).

...Еще громче загудел бубен. Шаман покинул свою спокойную позу и вскочил на ноги. Его песня бодра и тревожна.

...И песня и речитативы кончились. Шаман начал пляску. Трещат шесты чума под тяжестью прыгающего шамана. Раскиданы ногами головни и угли, и зола чумового огня. Шаман неистовствует.

А бубен, который по очереди переходит от одного юноши к другому, доводит шамана до высшего экстаза; он бьется головой о чумовые шесты, кусает до крови губы и в пляске подражает полету чудовищ...

Зола выбрасывается ногами из огня, наполняет тяжелой мглой тьму в чуме...

Присутствующие на шаманстве забились и молча следят за каждым движением шамана и несутся, как им кажется, вместе с ним через скалы, хребты, водопады, реки...

Вдруг шаман падает и засыпает. Выпал бубен из рук уставшего юноши... сеанс окончен.

На утро окрестности были украшены белыми «флагами» и шкурами белых оленьих телят (жертвенных животных). Это выглядело как молчаливая просьба спасти род от эпидемии».

Неизвестно, сумел ли шаман в приведенном случае победить болезнь, но подобные обряды совершались каждый раз, когда начинались эпидемии.

Схожие описания шаманства встречаются у путешественников и исследователей Северной Америки, Скандинавии и Русского Заполярья.

Врата в сокровенное

Многим любителям книг и фильмов об индейцах известно выражение «закопать топор войны». Оно означает прекращение боевых действий и установление мира между враждующими племенами. У проживающих на другом континенте чукчей, ительменов, каряков, ненцев, вепсов, саамов существовали подобные обычаи. «Спрятать копье», «схоронить топор», «закопать нож», «спрятать стрелу» — все эти понятия тоже означают установление мира.

Как правило, погребение оружия совершали шаманы или вожди племени.

Некоторые сторонники идеи существования в древности Гипербореи предполагают, что этот обычай распространился оттуда. Жители легендарного материка во время прекращения боевых действий и установления мира якобы закапывали в землю золотую стрелу.

Древние греки отмечали, что гиперборейцы являлись к другим народам, держа в одной

руке пучок соломы, а в другой — серебряную стрелу. Солома означала мирные намерения, а стрела — предостережение о готовности гипербореев к боевым действиям. Но почему в руке был не золотой, а серебряный символ войны? На этот счет есть предположение, что золотая стрела выкапывалась лишь тогда, когда у могущественной Северной страны появлялся равный по вооруженной мощи противник.

Конечно, эту версию можно и оспаривать, и не соглашаться с ней, поскольку нет научных подтверждений. Но заслуживает серьезного внимания гипотеза, что шаманизм, появившийся в глубокой древности и широко распространенный не только в северных уголках планеты, возник из единого географического центра и от одного народа.

В начале XX века русский ученый, профессор Борис Эдуардович Петри писал: «Шаманство исповедывают народы самого различного происхождения.

Его придерживаются все палеоазиаты, все тунгусы и все монголы; даже турецкие племена, обитающие на территории Сибири, Восточного и Западного Туркестана, и все финны...

Знаменательным является тот факт, что формы шаманства у этих народов, столь разных по происхождению и по языку, настолько сходны как в своих основных принципах, так порою и в деталях, что само собой напрашивается предположение о едином происхождении шаманства; невольно рождается гипотеза о каком-то центре, где шаманство развилось из своего первообраза в сложную религию и оттуда распространилось по всей территории...»

С этим высказыванием Петри согласны многие ученые, исследователи, путешественники, побывавшие у различных северных народов и получившие возможность сравнить их обряды, традиции, мировоззрение. Не отрицают подобное предположение и сами шаманы, по крайней мере, те, с которыми приходилось мне встречаться в Северной Америке, в Сибири и на Дальнем Востоке. Доказательств того, что их верование и искусство возникли в каком-то едином географическом центре, они не представили. Но почти все толковали о загадочной северной земле, исчезнувшей тысячи лет назад, где зародились многие знания и традиции, полученные в наследство разными племенами и народами.

Да, умеют шаманы любой нации заговорить, увлечь своими тайнами любознательных пришельцев. Но, как обычно, — в их речах полунамеки, недосказанность, неясность. Не любят до конца раскрываться. На то они и шаманы...

А может, эти хранители древних тайн еще не встретили достойных, кому полностью смогут довериться и отворить врата в сокровенное?..

Остров рыжего мамонта

...Еще много загадок зовет к новой работе на Севере, еще много предстоит исследовать, а многое может быть раскрыто лишь долгими годами наблюдений.

Фритьоф Нансен

Вещая вода

Полдень... Луна... Зной... Снегопад. Алая чайка скользит по горячему льду.

— Смотри, смотри. Не отрывай взгляд. Не думай о другом, — шепчет старый Николай.

Глиняная чаша вздрагивает в его морщинистых коричневых ладонях. Кажется, что вода в чаше становится все прозрачней, и в ней теперь действительно можно увидеть весь мир: звезды, моря, далекие земли, горы, ледники, прошлое, будущее.

Вот снова изнуряющая жаром луна. Солнце осыпает землю снегом.

Моторная лодка Николая несется к острову Столб. Он высится на невидимой границе, где кончается река Лена и начинается море. С трудом лодка преодолевает сильное течение у островного берега. Ох, и не ласкова ты сегодня, река Лена! У самого берега — едва

приметное, полузатопленное бревно. Николай резко забирает в сторону. Удара избежали. Но от крутого виража я вываливаюсь за борт...

Ох, и холодна ты сегодня, река Лена!

Песчаный берег. Пасмурная тундровая пустота. Подножие горы, покрытое мхом.

Высота горы — чуть более ста метров. В низкую воду длина острова — всего 660 метров, а ширина — около 370.

Сложенный из плотных песчаников и известняков, он напоминает сказочного исполинского зверя, что пришел на водопой и никак не может напиться.

Воды Лены рассекаются островом на две части. В древние времена охотники и рыбаки останавливались здесь, перед тем как выйти в море, молили духов и богов, приносили им жертвы, чтобы вернуться домой живыми и невредимыми, и конечно же, с хорошей добычей.

О чем думали, проходя остров Столб, русские путешественники, участники Великой Северной экспедиции? Останавливались ли здесь? Слышали предания об этом острове? Верили им?

Вряд ли теперь узнаешь. В судовых журналах экспедиции ничего о том не говорится...

Николай втаскивает меня в какую-то горную щель. От сильного озноба не могу понять, куда мы попали: то ли пещерка, то ли большая звериная нора.

Старик ненадолго исчез.

Холод. Темнота. Одиночество. Откуда-то из-под земли слышится гулкое дыхание и тяжелая поступь. И в самом деле — Кугас-Сыыр?.. Бред! Слуховая галлюцинация! Мамонт Кугас-Сыыр, что по-якутски значит Рыжая Гора, погиб давным-давно!

Николай вернулся. Он протянул мне чашу и приказал:

— Сделай глоток и смотри, слушай, что поведает падающая вода. Снова глотни — и снова смотри и слушай. Это вещая вода. Это сильная вода.

Расспрашивать старика было не вмоготу. Да я и сам знал: падающая с большой высоты и бьющаяся о камни вода в представлении многих народов обретает волшебные свойства.

Почему так? Никто толком не мог объяснить. Считается, что волшебную влагу надо зачерпнуть не из потока, а собрать из отлетающих от камней брызг. В определенный день, в определенный час.

Где, интересно, старик собрал ее? Ведь на острове нет водопада.

Первый глоток. От ледяной влаги озноб усиливается.

— Ничего, ничего, — успокаивает Николай. — Сейчас будет тепло. И болезнь уже не сломит тебя.

Я вижу, как старик бросает в чашу щепотку темного порошка. Это Кэрэ-Утуйду — Красивый Сон. Шаманы изготавливают его из сушеных мухоморов, золы, перьев крачки и каких-то синеватых кореньев.

Второй глоток. Теплый ветер ударяет в лицо и пронизывает все тело. Проходит озноб. Теперь мой слух и зрение остры как никогда.

Из глиняной чаши, из волшебного снадобья на меня смотрит прошлое. Оно звучит трубно, раскатисто. Это мамонт Кугас-Сыыр — Рыжая Гора — подает знак сородичам на другом берегу Лены...

Вещая вода...

Сильная вода...

Ступенька света, ступенька тьмы

Остров Столб не обозначен на карте мира: слишком мал. Но его знает каждый, кто побывал в устье Лены. До появившихся здесь много веков назад якутов существовало другое, быть может, самое древнее название этого клочка суши — Уктэл сырдык, Уктэл им балай — Ступенька света, Ступенька тьмы.

Странное название для острова.

— Их было у него много, — пояснил Николай. — За века, а может, даже за тысячелетия

до появления здесь нынешних народов к острову причалили высокие белые люди. Они бежали от беды. Огненный удар с небес, а затем великий потоп уничтожил их северную землю. Те немногие, кто успел спастись на корабле, сделали здесь остановку. Тогда эта гора была еще полуостровом. Высокие белые люди собрали брызги «падающей воды». И отвечала им вещая вода: от того, как люди будут строить свою новую жизнь, эта гора станет для них либо первой ступенькой света, либо — первой ступенькой тьмы.

И еще поведала она, что в какие бы земли и моря они не ушли, всюду их отыщет корабль с ледяными парусами. Это будет грозное предостережение. Он является неслышно, паруса его едва видимы, но кара за ним идет неминуемая для всех, кто преступит древнее предначертание — жить в согласии с миром живых и мертвых, с небом, водой, землей. И будет у этой кары два крыла — огненная гибель и ледяная.

— Кто они, высокие белые люди? И откуда пришли? — поинтересовался я.

Николай вытянул правую руку в сторону севера:

— Оттуда... Там была их земля — Сизэкилэ-Сулус.

— Зеркало Звезды?! — удивился я, хотя уже слышал это название и на якутском, и на русском языках.

— Так... — Николай кивнул и продолжил: — Когда люди жили в согласии с миром и самими собой, Северный полюс находился не там, где сейчас, а на земле Сизэкилэ-Сулус.

— Значит, потом произошла какая-то планетарная катастрофа? — спросил я. — Впрочем, Северный полюс менял свое положение во все времена...

— Так... — снова кивнул старик. — Вначале появилось знамение — корабль с ледяными парусами, а за ним следовала гибель. Благодатный огромный остров высоких белых людей был разорван на множество мелких островков, и вслед за большим огнем, за большой водой наступил большой лед.

— А что потом стало с людьми Зеркала Звезды?

— Беда ничему их не научила. Они растекались по миру, смешивались с другими народами, но продолжали нарушать древние заповеди. И все новые и новые поколения вовлекались в те нарушения. Кто знает, может, этот остров-гора станет для всех ступенькой тьмы.

— Что это значит? — спросил я.

— Снова появится корабль с ледяными парусами, — тихо ответил Николай. — И снова мир переменится. Белый ворон будет плясать танец стерха, а почерневший стерх — каркать вороном. Жаркая луна станет пробуждать мертвых, а холодное солнце — отбирать тепло у земли. Облака будут падать с неба, едва появившись, а свет — возвращаться в свой источник. Погаснет Полярная звезда, и Арктика навсегда замкнется от человека... Есть ад огненный, а есть — ледяной. И корабль с ледяными парусами — его посланник.

Старик вдруг умолк. По его отрешенному взгляду я понял: докучать ему сейчас вопросами бесполезно. Все равно не ответит.

До чего же трудно бывает с ним общаться! Скажет что-нибудь эдакое, загадочное, таинственное — и словно споткнется на полуслове. Замкнется, уйдет куда-то в неизвестное своими мыслями, а ты ломай голову: какой смысл кроется в его словах?..

Николай снова кивнул мне: — Еще глотни!

Порошок Кэрэ-Утуйду успел раствориться в «вещей воде», и лишь несколько мельчайших крупинок осели на дне чаши. Они теперь не темного цвета, а золотистого. Их сияние начинает слепить глаза, но я все-таки вижу очертания рыжего мамонта.

Могучий Кугас-Сыыр возвышается над рекой и призывно трубит своим сородичам на другом берегу Лены.

Это его остров — место печали, одиночества, гибели. Единственная его земля. По другой он ходил лишь детенышем.

Ветры в устье Лены — сильные, буйные, хлесткие. Они преобразуют берега, очертания островов, конфигурации скал. Миллионы песчинок вздымаются ветрами, разносятся над

рекой, чтобы потом опуститься и образовать новые отмели и наносы.

Когда-то остров-гора был соединен с ленским берегом болотистым перешейком. Проходили века, тысячелетия, менялся облик дельты реки, все уже становился перешеек.

Местные охотники за мамонтами умели загонять гигантских ископаемых на этот заболоченный участок. Животные проваливались и вязли в жидкой грязи, становились беспомощными, и тогда охотники легко расправлялись с ними.

Однажды, когда перешеек сделался совсем узким, сюда загнали мамонтиху с детенышем.

Мать-исполинша яростно сопротивлялась до тех пор, пока ее малыш не прошел гиблое, топкое место и не достиг твердого подножия горы.

Последний раз горестно протрубила она детенышу и пала под ударами копьев и топоров.

Охотники почему-то не тронули мамонтенка. Вскоре потоки воды прорвали перешеек. Река поглотила болотистый берег, и малыш стал островитянином.

В те времена остров покрывался сочной зеленью, и голодная смерть не грозила ему. Не было там ни врагов, ни сородичей. Сытое одиночество...

Среди племени, что жило в низовье Лены, прошел слух, будто рыжий мамонтенок приносит удачу в охоте.

Нередко на его громкие призывы на болотистый берег приходили мамонты... и, завязнув в трясине, гибли от рук охотников.

Он, конечно, не понимал, что являлся невольной причиной смерти сородичей.

Люди не трогали мамонтенка и даже стали прикармливать. Отправляясь на охоту, они привозили в своих лодках на остров сочные побеги деревьев и корни. А к зиме ему делали под снегом обильные запасы.

Песнь прощания, песнь смерти

Шли годы, мамонт рос, а его остров становился все меньше. Река наступала и отвоевывала землю. Шире и шире делался водный поток между островом и материковым берегом.

Повзрослевший одинокий зверь страдал.

Он видел, как вдаль за рекой бродят его сородичи, но преодолеть водную преграду не мог.

Часто он поднимал хобот и трубил отчаянно и призывно, и мамонты на далеком берегу отзывались ему.

Наконец наступил момент, когда рыжий островитянин не смог сдержать тоску одиночества и ступил на неокрепший речной лед. Едва он сделал несколько шагов, как лед проломился.

Долго бился гигант за свою жизнь. Но остров не отпустил пленника.

Мамонт все больше погружался в ледяное месиво.

Испуганно голосили его сородичи на далеком берегу. Надрывно кричали гагары. Метались в небе растревоженные чайки. Не в силах помочь, а может, и не помышляя об этом, молчаливо наблюдали за гибелью исполина люди.

Слабел его могучий голос, наливались от отчаяния кровью глаза. Обессиленный, протрубил он в последний раз, так громко и обреченно, что, казалось, затрещал от этого звука прибрежный лед.

И люди, и мамонты, и птицы почувствовали: это песнь прощания, песнь смерти...

С годами, под воздействием ветров, остров-гора менял очертания и становился все более похожим на исполинского зверя, припавшего к воде.

Шаманы объявили своим соплеменникам: это дух рыжего мамонта слился с островом. Как и прежде, люди приезжали сюда с дарами, чтобы испросить удачного промысла.

Иногда последние в низовье Лены мамонты приходили на берег напротив острова и подолгу вглядывались в него. Потом немногочисленная стая поднимала хоботы и трубила долго и тревожно. Быть может, мамонты чуяли, что настало время теперь уже и их прощальной песни...

Тёплая Бабочка

В одном из номеров «Сибирского вестника», изданного в 1818 году в Санкт-Петербурге, упоминается этот остров и каменный шаманский знак на нем в виде столба... Сей столб поставлен на утесной скале, при самом впадении Лены в Ледовитое море. Бока его, имеющие ширины 1 аршин 8 вершков, обращены к четырем сторонам света. Он складен из плит, взятых в окрестностях его.

Высота столба простирается до трех аршин. Жители тамошнего края утверждают, что на сей скале было древнее шаманское жилище и что столб складен также некоторым шаманом над погребенною под ним его дочерью, убитою неприятелями во время войны.

Отец ее, находясь с нею и 70 человеками своих единоверцев в сражении со многим числом иноплеменных народов ламутов, или юкагиров, пришедших с устья реки Яны, был побежден, и некоторые из людей его побиты, другие спаслись бегством, в числе которых был также и сей шаман со своей дочерью шаманкой...

— Когда это произошло? — спросил я у Николая.

— Точно сказать не могу, но, во всяком случае, за много лет до прихода русских на Лену, — ответил старик. — Издавна гуляла по тундре и тайге молва, что жил в те времена шаман, прозванный Хоодуот-Албын, по-русски значит Смельчак-хитрец. Он-то и собрал воинов — отбить нападение врагов на земли его племени. У него росла дочь Сылаас-Лых — Теплая Бабочка.

Несмотря на свой юный возраст, многому научилась она у отца-шамана: людей лечила, предсказывала будущее, приваживала зверей. А еще поклонялась она духу рыжего мамонта.

Часто приезжала Сылаас-Лых на остров-гору, привозила дары — корни и травы, совершала тайные обряды. Говорили, будто она вырезала из огромного куска янтаря фигуру мамонта и спрятала ее где-то в горе на острове. А когда надо было изменить погоду, вызвать молнии или метели, сухую теплынь или радугу, шторм или штиль, — доставала янтарного мамонта, поднимала его на вершину горы, терла ладонями, плясала вокруг него и нашептывала одной ей ведомые слова. Потом снова прятала идола подальше от людей.

Заговоренная стрела

— Разве в этих местах есть янтарь? — удивился я.

Николай кивнул:

— Раньше его очень много находили в песках Оленекского залива и на берегах Быковской протоки. Старики называли янтарь «морским ладаном». Сылаас-Лых собирала его для изготовления лекарств и амулетов. Она была большой мастерицей вырезать фигурки животных. Не зря ее янтарного мамонта люди искали многие годы. Да так и не нашли. Когда пришельцы разгромили воинов Хоо-дуот-Албына, дочь шамана подсказала, что надо бежать на остров Рыжего мамонта.

Оставшиеся в живых воины во главе с шаманом прыгнули в свои берестяные лодочки и направили их к острову. Пришельцы стали метать в них с берега стрелы. Маленькая шаманка плыла в первой лодке. Велела она своему гребцу помедлить, а сама поднялась в полный рост. Тут же все стрелы пришельцев нацелились в нее. Взметнула вверх руки Сылаас-Лых — будто начертила в воздухе невидимый круг. И все пущенные в нее стрелы, долетев до этого круга, бессильно упали в воду. Сколько ни стреляли с берега, ни одна стрела не навредила маленькой шаманке.

Поняли пришельцы: поразить ее можно только заговоренной стрелой с наконечником

из мамонтового бивня. Отыскали такую и дали самому меткому лучнику. Пробила стрела волшебный круг и угодила прямо в горло маленькой шаманке...

Облачко на речном просторе

Хоодуот-Албын похоронил дочь на вершине острова Рыжего мамонта и установил столб. На другой день после гибели Сылаас-Лыха опустился долгий непроглядный туман. Старый шаман понял: это знак ему выходить на тропу мщения. Вернувшись под покровом тумана на материк, он совершил обряд превращения в огромную белую росомаху. И начало это чудовище свою страшную охоту на пришельцев.

Что ни день — десятками находили их растерзанными. Как ни оберегались вражеские воины — ничего не помогало. Не было спасения от огромной росомахи. Вскоре оставшиеся в живых покинули землю племени Хоодуот-Албына.

А старый шаман так и не смог превратиться обратно из росомахи в человека — слишком много пролил и испил крови. До сих пор это чудовище бродит где-то по тайге и тундре, ищет себе добычу.

В давние времена, заметив в ясную погоду над островом-горой светлое облачко, люди говорили: это маленькая шаманка явилась и высматривает, не идут ли на землю ее племени враги, не появился ли на горизонте корабль с ледяными парусами...

Притягательная сила

Есть географические объекты, известные во всех странах, всему человечеству. Есть на больших картах и в атласах незначительные точки, известные только тем, кто живет и трудится неподалеку от них.

Но и эти географические точки имеют какую-то, не всегда объяснимую, притягательную силу. О них пишут стихи, поют песни, слагают легенды, в которых иногда нелегко понять, где правда, а где вымысел.

Невелик остров Столб, да есть в нем нечто завораживающее, манящее. Не зря столько имен давалось ему людьми в разные времена.

Потому, наверное, подолгу задерживают на нем взгляд те, кто много раз его видел. И приезжему обязательно укажут на остров Столб и поведают давнюю-давнюю историю.

Правдивую?.. Приукрашенную?.. Выдуманную?..

С северо-запада стал быстро надвигаться туман. Потянуло холодом. Скрылись ленские берега. Глухо и устало звучали теперь крики чаек.

Старый Николай озабоченно огляделся по сторонам и приказал:

— Возвращаемся!

Он опустил пальцы в чашу с «вещей водой», потом стряхнул капли на все четыре стороны света.

— Да сохранится Север для потомков!..

Я не стал спрашивать, зачем старик это делает.

Может, для того, чтобы мир не переменялся к худшему, и не погасла Полярная звезда, и Арктика не замкнулась от человека, и черный стерх не каркал вороном, а белый ворон не плясал танец стерха. А еще, чтобы жаркая луна не пробуждала мертвых, а холодное солнце не отбирало тепло у земли и свет не возвращался в свой источник, и чтобы не являлся людям корабль с ледяными парусами, и этот остров навсегда остался ступенькой света, а не ступенькой тьмы.